

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 75

Сборник статей

**LEGAL ISSUES
OF STRENGTHENING RUSSIAN
STATEHOOD**

Vol. 75

Collection of papers

Томск

Издательский Дом Томского государственного университета

2018

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф. (председатель); **М.К. Свиридов**, д-р юрид. наук, проф. (зам. председателя); **О.И. Андреева**, д-р юрид. наук, доц. (отв. секретарь); **В.А. Азаров**, д-р юрид. наук, проф.; **Л.В. Головко**, д-р юрид. наук, проф.; **В.Н. Григорьев**, д-р юрид. наук, проф.; **О.А. Зайцев**, д-р юрид. наук, проф.; **В.В. Николук**, д-р юрид. наук, проф.; **Т.Е. Сарсенбаев**, д-р юрид. наук, проф., зам. руководителя Канцелярии Премьер-министра Республики Казахстан; **Холм Путцке**, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права и процесса Университета Пассау (Федеративная Республика Германия); **Уве Хелльман**, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного экономического права Потсдамского университета (Федеративная Республика Германия); **Бруно Холыст**, д-р юрид. наук, проф., профессор Пултуской академии гуманитарных наук им. А. Гейштора (Республика Польша)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Научные редакторы:

О.И. Андреева, д-р юрид. наук, доц.;

Т.В. Трубникова, канд. юрид. наук, доц.

Ответственный секретарь –

И.В. Чаднова, канд. юрид. наук

EDITORIAL COUNCIL

V.A. Utkin, Dr. of Law, Professor (Chairman); **M.K. Sviridov**, Dr. of Law, Professor (Vice Chairman); **O.I. Andreeva**, Dr. of Law, Associate Professor (Executive Editor); **V.A. Azarov**, Dr. of Law, Professor; **L.V. Golovko**, Dr. of Law, Professor; **V.N. Grigoriev**, Dr. of Law, Professor; **O.A. Zaitsev**, Dr. of Law, Professor; **V.V. Nikoluk**, Dr. of Law, Professor; **T.Ye. Sarsenbayev**, Dr. of Law, Professor, Deputy Head of the Chancellery of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan; **H. Puttske**, Dr. of Law, Professor, the Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the University of Passau (Federal Republic of Germany); **U. Hellman**, Dr. of Law, Professor, the Head of the Department of Criminal and Economic Law of The University of Potsdam (Federal Republic of Germany); **B. Holyst**, Dr. of Law, Professor of the Geishtor Pultusk Academy of Humanities (Republic of Poland)

EDITORIAL BOARD

Scientific Editors:

Olga I. Andreeva, Doctor of Law, Associate Professor;

Tatiana V. Trubnikova, PhD in Law, Associate Professor

Executive Editor

Irina V. Chadnova, PhD in Law, Associate Professor

УДК 347.9+343.95+343

ББК 67.692.0+628+67.408

П68

П68 Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / науч. ред.: О.И. Андреева, Т.В. Трубникова ; отв. секретарь И.В. Чаднова. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – Ч. 75. – 278 с.

Andreeva, O.I., Trubnikova, T.V. & Chadnova, I.V. (eds) (2018) Legal Issues of Strengthening Russian Statehood: Collection of Papers. Vol. 75. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University. 278 p.

ISBN 978-5-94621-672-2

ISBN 978-5-94621-667-8 (отд. кн.)

Издание вышло в свет в преддверии 120-летия юридического образования Сибири.

В сборник включены статьи участников Всероссийской конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Томск, 26–28 января 2017 г.), посвященные актуальным теоретическим и практическим вопросам уголовного процесса, теории и практики прокурорского надзора и деятельности по расследованию преступлений.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических работников правоохранительных органов.

The collection includes papers of the participants of the All-Russian Forum “Legal Issues of Strengthening Russian Statehood: Criminal Procedure, Law Enforcement and Prosecutor’s Supervision” (Tomsk, 26-28 January 2017) on topical theoretical and practical aspects of criminal procedure, the theory and practice of prosecutor's supervision and crime investigation.

The book is intended for faculty, graduate students and students of higher educational law institutions, as well as for practitioners of law enforcement agencies.

УДК 347.9+343.95+343

ББК 67.692.0+628+67.408

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Томского регионального отделения Общероссийской общественной
организации «Ассоциация юристов России».*

ISBN 978-5-94621-672-2

ISBN 978-5-94621-667-8 (отд. кн.)

© Томский государственный университет, 2018

ОБЩАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

DOI: 10.17223/9785946216678/1

О.И. Андреева

О ПРАВАХ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 16-03-00413.

В статье речь идет о правах потерпевшего как участника уголовного судопроизводства. Рассматриваются условия, определяющие совокупность прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Делается вывод о взаимосвязи прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве с социальной активностью личности, ее ответственностью перед обществом и другими участниками уголовного процесса. Вносятся конкретные предложения, направленные на совершенствование процессуального статуса потерпевшего как участника уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: потерпевший, права, совокупность прав, процессуальный статус, участник уголовного судопроизводства, злоупотребление правом.

Статья 52 Конституции Российской Федерации предусматривает право каждого потерпевшего от преступления на защиту, доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением вреда. Статья 42 УПК РФ дополняет и конкретизирует эти основные права в уголовном процессе.

Изменения, внесенные в последнее время в УПК РФ, существенно увеличивают гарантии обеспечения прав лиц, пострадавших от совершения преступления. Между тем в научной литературе отмечаются необходимость дальнейшего совершенствования процессуального статуса потерпевшего в уголовном процессе, расширение его процессуальных возможностей [1. С. 23; 2. С. 166–167].

Предусматривая совокупность прав потерпевшего в уголовном процессе, следует отметить, что она зависит как от внешних (находя-

щихся за пределами уголовного процесса), так и внутренних (находящихся внутри системы уголовного процесса) условий, определяющих пределы свободы поведения конкретного участника уголовного судопроизводства.

К внешним условиям относятся отношение государства к человеку на определенном этапе развития общества, роль человека в обществе и степень признания государством прав личности. В каждом обществе объективно существует определенный уровень прав и свобод, выше которого законодатель не в состоянии подняться. В литературе отмечается, что законодатель может декларировать что угодно, но он не в силах будет обеспечить то, к чему общество не готово [3. С. 84]. Помимо внешних условий государство должно учитывать готовность общества к признанию прав и свобод личности, готовность личности к свободе поведения, к потребности реализации предоставленных правовых возможностей.

К внутренним условиям относятся процессуальное положение участников уголовного процесса и выполняемая ими функция.

В соответствии со ст. 14 УК РФ, преступление – это виновно совершенное общественно опасное деяние. Уголовный процесс наряду с уголовным и уголовно-исполнительным правом является элементом механизма, с помощью которого государство обеспечивает правопорядок, мир и спокойствие в обществе, устойчивость общественных отношений. Общество заинтересовано в том, чтобы по делу была установлена истина, чтобы виновное лицо было обнаружено и привлечено к уголовной ответственности, подверглось справедливому наказанию, а невиновное – освобождено от уголовной ответственности, чтобы потерпевшему был возмещен ущерб, причиненный преступлением, и чтобы в ходе уголовного судопроизводства не были нарушены или необоснованно ограничены права лиц, вовлеченных в уголовный процесс [4. С. 5–6].

В этой связи является важным вопрос о том, какова же должна быть совокупность прав потерпевшего в уголовном процессе и действительно ли потерпевший нуждается в расширении его процессуальных возможностей?

Следует отметить, что вопрос об увеличении объема прав лица, пострадавшего от совершенного преступления, невозможно разрешить без предварительного ответа на следующие вопросы: о реализу-

емых интересах потерпевшего; о пределах возможного расширения его процессуальных возможностей; о балансе прав потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства, соотношении их с общественными интересами.

Исходя из содержания уголовно-процессуального закона, потерпевший как участник уголовного процесса отнесен к стороне обвинения. Потерпевший в уголовном процессе России наделен возможностью активно защищать свои законные интересы. Так, ему предоставлено право распоряжаться обвинением (ч. 2, 3 ст. 20, 42 УПК РФ), влиять на порядок предварительного расследования и судебного разбирательства (п. 14 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Потерпевший вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, а по уголовным делам частного обвинения – выдвигать и поддерживать обвинение (ст. 22 УПК РФ). Потерпевший наделен правом поддерживать обвинение (п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ).

Вместе с тем, по мнению Европейского Суда по правам человека, указанный участник процесса не является субъектом «права на месть», в уголовном процессе он не действует на стороне обвинения, а реализует собственные интересы [5. С. 50, 55–56]. Этой позиции придерживается и Конституционный Суд РФ, который в своих решениях неоднократно подчеркивал, что участие в уголовном преследовании является для потерпевшего средством защиты его собственных прав и интересов [6].

Следует поддержать точку зрения, согласно которой отнесение потерпевшего исключительно к стороне обвинения необоснованно и создает искаженное представление у названного участника процесса относительно его роли [7. С. 314].

Потерпевший является самостоятельным участником уголовного процесса, наделенным совокупностью прав для защиты своих законных интересов, выразившихся в защите нарушенных преступлением прав, в возмещении или компенсации причиненного вреда, обеспечении доступа к правосудию. Как следствие, совокупность прав, которыми должен быть наделен потерпевший, должна обеспечивать удовлетворение его законного интереса.

Потерпевший может быть наделен правом влиять на движение процесса с целью обеспечения его законного интереса, направленного на возмещение ему причиненного вреда и доступ к правосудию. Он

может быть наделен правом влиять на порядок судебного разбирательства с целью защиты собственного законного интереса, но это право может быть ограничено общественным интересом. Так, от согласия потерпевшего, как представляется, не может зависеть заключение либо незаключение досудебного соглашения о сотрудничестве. В научной литературе справедливо подчеркивается, что названный правовой институт «предоставляет правоохранительным органам возможность привлекать к сотрудничеству со следствием лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, на условиях значительного сокращения им срока уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты, предусмотренных законодательством для потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [8. С. 40].

Представляет интерес вопрос о правах потерпевшего и его роли в рассмотрении вопроса об избрании обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения – заключения под стражу.

УПК РФ не предусматривает права лица, пострадавшего от совершенного преступления, знать о планируемом рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения заключения под стражу. Не предусмотрено и право потерпевшего принимать участие в рассмотрении судом вопроса об избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения. В соответствии с ч. 4 ст. 108 УПК РФ постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд. В судебном заседании вправе также участвовать законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель. Неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства, за исключением случаев неявки обвиняемого.

Между тем, согласно положениям, содержащимся в пп. «а», «д» ч. 6 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, государства обязаны содейство-

вать тому, чтобы судебные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв преступлений. Это обеспечивается путем реализации возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, без ущерба для обвиняемых и согласно соответствующей национальной системе уголовного правосудия [9].

В соответствии с п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (в ред. от 24 мая 2016 г.) установленный ч. 4 ст. 108 УПК РФ порядок рассмотрения судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не исключает участие в судебном заседании потерпевшего, его представителя, законного представителя, которые вправе довести до сведения суда свою позицию относительно избрания, продления, изменения, отмены меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, а также обжаловать судебное решение.

С одной стороны, потерпевший не является субъектом «права на месть», с другой – следует поддержать ученых, полагающих, что потерпевший должен иметь право с целью защиты своих законных интересов, в случае наличия оснований полагать, что ему может угрожать обвиняемый (подозреваемый), участвовать в процедурах, связанных с принятием судом решений о применении мер пресечения при разрешении соответствующих ходатайств органов предварительного расследования [10. С. 84]. Указанный участник должен быть наделен правом высказать свою озабоченность в связи с опасностью запугивания его или его близких со стороны обвиняемого или его окружения, как это, например, предусмотрено уголовно-процессуальным законом Великобритании [11. С. 21].

Статья 42 УПК РФ закрепляет право потерпевшего получать копии постановлений, в том числе об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Соответственно, постановление судьи должно направляться потерпевшему, несмотря на предусмотренное ст. 108 УПК РФ правило, согласно которому постановление судьи направляется лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, подозреваемому, обвиняемому или потерпевшему.

Для потерпевшего должен быть установлен запрет допускать злоупотребления правами, т.е. осуществление действий, внешне находящихся в правовом поле, но имеющих иную, чем защиту прав и законных интересов, цель, следствием чего причиняющих вред интересам других участников уголовного процесса, интересам правосудия [12, 13]. Запреты должны найти свое проявление и в иных нормах УПК РФ.

Так, например, запрет допускать злоупотребление правами мог бы найти свое проявление в нормах, касающихся возбуждения уголовного дела и полномочий мирового судьи по уголовному делу частного обвинения (ст. 318–321 УПК РФ), а именно в защите лица, в отношении которого подано заявление, от необоснованного обвинения.

Между тем злоупотребление правом может иметь место не только при выборе ненадлежащего способа осуществления правом, но и при преднамеренном выборе ненадлежащего права.

О преднамеренном выборе ненадлежащего права свидетельствует, например, обращение в правоохранительные органы или в суд не с целью защиты своих прав и законных интересов. Показательным является следующий пример [14]. Руководителем следственного органа было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 298-1 УК РФ в отношении К., подавшего заявление о возбуждении уголовного дела в отношении самого себя, по факту распространения им клеветы в отношении судьи Б. Отказ в возбуждении уголовного дела был обжалован К. в суде. К. настаивал на полноценной проверке сведений, указанных в заявлении, опросе судей суда. Судьей по поступившим материалам было отказано в принятии жалобы к рассмотрению ввиду отсутствия предмета обжалования, поскольку постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное в отношении самого заявителя, не может причинить ущерб его конституционным правам и свободам.

Исходя из изложенного следует, что совокупность прав потерпевшего, свобода его поведения должны, с одной стороны, обеспечивать возможность активно защищать свои законные интересы, с другой стороны, не позволять причинять вред другим. Причем чем шире границы свободы поведения потерпевшего, чем больше возможностей выбора, тем выше должны быть социальная активность личности и ее ответственность перед обществом и другими участниками уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аширбекова М.Т. Вариативность в нормативном обеспечении прав и законных интересов потерпевшего // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2. С. 23–32.
2. Зайцев О.А. Информирование потерпевших о принятии уголовно-процессуальных решений // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 166–169.
3. Петрухин И.Л. Человек как социально-правовая ценность // Государство и право. 1999. № 10. С. 83–90.
4. Андреева О.И., Лось С.Л., Рукавишников А.А., Трубникова Т.В. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 5–9.
5. Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 294 с.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 г. № 446-О «По жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков “МММ” на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» // СПС КонсультантПлюс. Проф.
7. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын и др. ; под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1276 с.
8. Шаталов А.С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, достоинства и недостатки // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 35–44.
9. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс. Проф.
10. Рудич В.В. Участие потерпевшего в процедуре принятия судом решения об избрании меры пресечения // Уголовное право. 2016. № 5. С. 84–88.
11. Правовая защита потерпевших в зарубежных странах / В.Ю. Артемов, И.С. Власов и др. ; отв. ред. С.П. Кубанцев. М. : ИНФРА-М, 2017. 304 с.
12. Андреева О.И. Злоупотребление субъективным правом в уголовном процессе: проблемы правового регулирования // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2 (16). С. 9–13.
13. Рябцева Е.В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2014. 144 с.
14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 № 257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кошевого Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс. Проф.

ON THE RIGHTS OF THE COMPLAINANT AS A PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Olga I. Andreeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: univer_tgu@rambler.ru

Keywords: victim, rights, set of rights, procedural status, participant in criminal proceedings, abuse of right.

DOI: 10.17223/9785946216678/1

The paper deals with the rights of the complainant as a participant in criminal proceedings. Attention is drawn to the fact that the scientific literature emphasises the need to further improve the procedural status of the complainant in the criminal procedure, to expand their procedural capabilities.

The conditions determining the set of the rights of the complainant in criminal proceedings are considered. External and internal conditions are distinguished. It is noted that the issue of increasing the scope of the rights of a person who has suffered from a committed crime cannot be resolved without a preliminary answer to the following questions: on the interests of the complainant; on the limits of the possible expansion of their procedural capabilities; on the balance of the rights of complainants and other participants in criminal proceedings, their correlation with public interests.

On the basis of the analysis of the criminal procedure law, the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the European Court of Human Rights, the author concludes that in carrying out the prosecution function, the complainant pursues a personal interest in protecting the violated rights, in compensation for the harm caused, which is an integral part of public interest.

The set of the rights to be granted to the complainant must ensure satisfaction of their legitimate interest. For example, the conclusion of a pre-trial cooperation agreement cannot depend on the consent of the complainant. The complainant must have the right to participate in procedures related to the court's decision to apply preventive measures, with the permission of relevant preliminary investigation bodies, in order to protect their legitimate interests, if there are grounds for believing that they may be threatened by the accused (suspect).

A prohibition must be established for the complainant to permit the abuse of rights, that is, the implementation of actions that are outwardly in the legal field, but have a goal other than protection of rights and legitimate interests; thus, such actions harm the interests of other participants in the criminal procedure and of justice.

The author comes to a conclusion that the set of the rights of the complainant and the freedom of their behaviour should provide an opportunity to actively defend their legitimate interests and not to allow harming others. Moreover, wider boundaries of the freedom of the complainant's behaviour and more choices should result in the higher social activity of the individual and their responsibility to society and other participants in criminal proceedings.

REFERENCES

1. Ashirbekova, M.T. (2015) Variability in normative ensuring of rights and legitimate interests of the complainant. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 2. pp. 23–32. (In Russian).

2. Zaytsev, O.A. (2012) Informirovanie poterpevshikh o prinyatii ugolovno-protsessual'nykh resheniy [Informing the victims about the adoption of criminal procedural decisions]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation*. 2. pp. 166–169.
3. Petrukhin, I.L. (1999) Chelovek kak sotsial'no-pravovaya tsennost' [Man as a social and legal value]. *Gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 83–90.
4. Andreeva, O.I., Lon, S.L., Rukavishnikova, A.A. & Trubnikova, T.V. (2017) Vektor napravleniya dal'neyshego razvitiya ugolovnogo sudoproizvodstva [The vector of the direction of the further development of the criminal procedure]. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 5–9.
5. Trubnikova, T.V. (2011) *Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: pravovye pozitsii Evropeyskogo suda po pravam cheloveka i ikh realizatsiya v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [The right to a fair trial: the legal positions of the European Court of Human Rights and their implementation in the criminal process of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Russian Federation. (2003) *Resolution N 446-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 5, 2003, On complaints of citizens L.D. Valdman, S.M. Grigoriev and the regional public organization “Association of MMM depositors” on violation of constitutional rights and freedoms a number of provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law “On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation”*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46532/. (In Russian).
7. Arutyunyan, A.A., Brusnitsyn, L.V. et al. (2016) *Kurs ugolovnogo protsessa* [The Criminal Process]. Moscow: Statut.
8. Shatalov, A.S. (2010) Conclusion of Pre-trial Agreement for Cooperation: Legal Regulation, Values and Disadvantages. *Zhurnal rossiskogo prava – Journal of Russian Law*. 5. pp. 35–44. (In Russian).
9. United Nations General Assembly. (1985) *Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power (adopted on November 29, 1985, by Resolution 40/34 of the United Nations General Assembly)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=195#0>. (In Russian).
10. Rudich, V.V. (2016) Uchastie poterpevshego v protsedure prinyatiya sudom resheniya ob izbranii mery presecheniya [Participation of the victim in the procedure for taking a court decision on the choice of preventive punishment]. *Ugolovnoe pravo*. 5. pp. 84–88.
11. Artemov, V.Yu., Vlasov, I.S. et al. (2017) *Pravovaya zashchita poterpevshikh v zarubezhnykh stranakh* [Legal protection of victims in foreign countries]. Moscow: INFRA-M.
12. Andreeva, O.I. (2015) Excessive use of subjective right in criminal proceeding: problems of legal regulation. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta–Bulletin of Samara Law Institute*. 2(16). pp. 9–13. (In Russian).
13. Ryabtseva, E.V. (2014) *Zloupotreblenie pravom v ugolovnom sudoproizvodstve* [Abuse of right in criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.

14. Russian Federation. (2017) *Resolution No. 257-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 28, 2017, On the refusal to accept the complaint of citizen Koshev Sergey Yurevich for violation of his constitutional rights by Parts 1 and 2 of Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.* [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=493175#0>.

DOI: 10.17223/9785946216678/2

В.И. Баловнева

О ПРЕДСТАВИТЕЛЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Юридические лица участвуют в уголовно-процессуальных отношениях посредством представителя. Процессуальным законодательством не учтены особенности участия представителя юридического лица в уголовно-процессуальных отношениях при процедуре банкротства, реорганизации или ликвидации; им учтены только правила представительства, предусмотренные Гражданским кодексом РФ. Такой подход существенно снижает возможности участия и защиты прав и законных интересов юридических лиц в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: юридическое лицо, представительство, процедура банкротства, потерпевший, гражданский истец, ликвидация, реорганизация.

Участники уголовного судопроизводства наделяются в уголовном процессе комплексом прав, которые позволяют им представлять свои интересы в процессе производства по уголовному делу. Среди прав, предоставленных потерпевшему и гражданскому истцу, законодатель выделил право иметь представителя. В соответствии с положениями ст. 45 УПК РФ представлять интересы данных участников уголовного судопроизводства могут адвокаты, а если гражданским истцом является юридическое лицо, то иные лица, правомочные в соответствии с ГК РФ представлять его интересы. Представители наделяются аналогичными правами, что и представляемые ими лица.

Исходя из действующего законодательства, представлять интересы юридического лица в уголовно-процессуальных отношениях мо-

гут адвокаты, юрисконсульты юридического лица, а также его руководители.

По изученным нами уголовным делам представителями интересов юридического лица, признанного потерпевшим и / или гражданским истцом в уголовном процессе, являлись в основном адвокаты, юрисконсульты юридического лица, а также его руководители. Причем адвокаты исполняли данные функции всего в 33,57% случаев, тогда как юрисконсульты – в 61,79%, а руководители всего в 3,93%.

Обращаясь к проблеме представительства в уголовном судопроизводстве, следует обратить внимание на ряд проблем, связанных с участием представителей юридического лица, которые законом не урегулированы или урегулированы в недостаточной степени.

Среди дискуссионных вопросов следует обратить внимание на вопрос о том, кто имеет право представлять интересы юридического лица, находящегося в стадии банкротства, ликвидации или реорганизации. Он не урегулирован в уголовно-процессуальных отношениях. Между тем от этого зависят не только возможность, но и эффективность защиты прав и интересов юридического лица в уголовном судопроизводстве; полноценное участие его в уголовно-процессуальных отношениях; реализация права заявлять ходатайства; участвовать в процессе доказывания; предъявлять гражданский иск; поддерживать заявленные требования и т.п.

По изученным нами 280 уголовным делам, рассмотренным судами Оренбургской и Ульяновской области, участниками уголовно-процессуальных отношений были юридические лица, находящиеся в стадии банкротства и признанные потерпевшими, в 14 случаях; находящиеся в стадии ликвидации – в 3 случаях; находящиеся в стадии реорганизации – в 7 случаях. Во всех этих случаях их интересы представляли руководители таких юридических лиц, а на представленные документы о банкротстве, ликвидации и реорганизации органы, осуществляющие предварительное расследование, не обратили внимания. Между тем в показаниях двух руководителей организаций, находящихся в стадии банкротства, было указано, что полномочия их ограничены в связи с процедурой банкротства.

У следователей возникают сложности при определении правомочий представителя и возможности привлечения в качестве таковых соответствующих руководителей таких юридических лиц. Эти вопро-

сы требуют уточнения. К сожалению, уголовно-процессуальное законодательство не учитывает положения ряда нормативно-правовых актов, в частности Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». А между тем в нем предусмотрены особенности, существенно ограничивающие полномочия руководителей таких юридических лиц по управлению имуществом, представлению интересов перед третьими лицами, а также делегирование таких полномочий другим лицам.

Анализ законодательства Российской Федерации о банкротстве позволил нам сделать определенные выводы. В стадии банкротства на этапе наблюдения и финансового оздоровления руководитель и органы управления юридического лица осуществляют свои полномочия по руководству организации с некоторыми ограничениями. Так, ст. 64 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает, что при введении наблюдения руководитель и иные органы управления должника продолжают осуществлять свои полномочия, но ряд действий вправе совершать исключительно с письменного согласия временного управляющего. Статьи 66 и 69 предоставляют право временному управляющему ходатайствовать об отстранении руководителя должника от должности, возложив исполнение его обязанностей на одного из заместителей руководителя, в случае отсутствия заместителей – на одного из работников должника.

Аналогичное правило предусмотрено и на этапе финансового оздоровления, которое регламентировано ст. 80 и 83 анализируемого нами закона.

Согласно ст. 94 с даты введения внешнего управления прекращаются полномочия руководителя, органов управления и собственника имущества должника – унитарного предприятия, их полномочия возлагаются на внешнего управляющего.

Конкурсное производство предусматривает возложение на конкурсного управляющего осуществление полномочий руководителя и иных органов управления должника, а также собственника имущества должника.

В соответствии с приведенными нами положениями Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», представлять интересы юридического лица могут несколько лиц – руководитель и органы управления юридического лица, временный управляющий, админи-

стративный управляющий, конкурсный управляющий, а также по их поручению адвокаты и иные лица.

Ни в законе о банкротстве, ни в уголовно-процессуальном кодексе не содержится указаний относительно того, кто будет представлять юридическое лицо в уголовно-процессуальных отношениях. Если речь идет о внешнем или конкурсном управляющем, то его полномочия определены решением суда о его назначении и действующим законодательством. Он может участвовать в уголовно-процессуальных отношениях лично или через назначенного им представителя. Причем именно данному лицу предоставлено право осуществлять действия, направленные на реализацию прав и выполнение обязанностей представляемого им юридического лица в уголовном судопроизводстве. Его задача состоит в том, чтобы права юридического лица (как имущественные, так и личные неимущественные) в уголовном судопроизводстве были эффективно защищены. Проблема заключается в том, кого привлекать к участию в деле в качестве представителя юридического лица в период банкротства на этапе наблюдения и финансового оздоровления. Если в отношении юридического лица, которое находится в стадии банкротства, совершено преступление, возникает вопрос о том, кто имеет право представлять его интересы (написать заявление о возбуждении уголовного дела, заявлять ходатайства, представлять доказательства и т.п.). Эти вопросы требуют своего разрешения.

Согласно п. 3 ст. 126 Закона о банкротстве представители собственника имущества должника – унитарного предприятия, а также учредителей (участников) должника в ходе конкурсного производства обладают правами лиц, участвующих в деле о банкротстве. Признание организации банкротом обязывает установить круг лиц, которые могут представлять такую организацию, в том числе, и в уголовно-процессуальных отношениях. Выявление наличия имущества и возможность использовать данное имущество для погашения имущественных обязательств юридического лица, находящегося в стадии банкротства, – важная задача и в уголовном судопроизводстве. Полагая, что представлять интересы юридического лица в уголовном судопроизводстве, находящегося в стадии банкротства, должны представители с учетом положений, содержащихся в законе о банкротстве. Данный факт необходимо учитывать и лицам, осуществляющим производство по уголовному делу. К участию в уголовном деле для представления интересов юридического лица на стадии наблюдения и фи-

нансового оздоровления должны быть привлечены временный и административный управляющий наряду с руководителем юридического лица, и только внешний и конкурсный управляющий – на стадии внешнего и конкурсного управления. Привлечение на стадии наблюдения и финансового оздоровления временного и административного управляющего наряду с руководителем юридического лица к участию в уголовном деле в качестве представителя юридического лица обусловлено тем, что между этими участниками действующим законодательством распределены обязанности по управлению юридическим лицом, управлению и распоряжению его имуществом. Если же интересы юридического лица представляют адвокаты или иные представители, которым выдана доверенность на представление его интересов в уголовном судопроизводстве, то лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, необходимо устанавливать правомочность лиц, выдавших соответствующую доверенность. Их полномочия могут быть существенно ограничены в зависимости от стадии банкротства. В статье 45 УПК РФ говорится только об иных лицах, правомочных в соответствии с ГК РФ представлять интересы юридического лица. Другие лица, которые вправе представлять его интересы в соответствии с иным законодательством РФ, в уголовно-процессуальном законе не указаны, что существенно нарушает права юридических лиц как участников уголовно-процессуальных отношений и предоставляет возможность злоупотребления со стороны недобросовестных участников правоотношений, которые могут выдать доверенность на представление интересов юридического лица (в том числе и с правом на получение денежных средств), не имея на это полномочий. Как следует из действующего законодательства, эти полномочия могут быть переданы иным лицам, которым предоставлено право представлять интересы других лиц и определять лиц, которым такие полномочия могут быть предоставлены.

Вторая проблема связана с ликвидацией юридического лица – потерпевшего – его учредителями, когда уголовное дело еще находится в производстве, передано на рассмотрение или рассматривается в суде.

Кто будет представлять интересы ликвидированного юридического лица в уголовном процессе? Правомерно ли будет возлагать на учредителей или иных лиц представлять интересы таких юридических лиц? На эти вопросы законодатель не дает никакого ответа.

По мнению некоторых практических работников, разрешить такую ситуацию возможно. Ими указывается, что «полномочия представителя являются производными от полномочий представляемого участника процесса... ликвидация юридического лица, ранее признанного потерпевшим, приводит к аннулированию полномочий этого юридического лица в уголовном процессе и, следовательно, к прекращению полномочий его представителя. Иное означало бы, что представитель действует не в интересах представляемого лица (которого нет), а в собственных интересах или в интересах иных лиц, что противоречит его процессуальному предназначению. Действующий уголовно-процессуальный закон не предусматривает перехода прав потерпевшего – юридического лица, в отличие, например, от предусмотренного ч. 8 ст. 42 УПК РФ процессуального правопреемства физических лиц... участие ликвидированного юридического лица в качестве потерпевшего в уголовном судопроизводстве должно быть прекращено». Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 № 17 устанавливает: «...в тех случаях, когда по поступившему в суд делу будет установлено, что лицо, которому преступлением причинен вред, не признано потерпевшим по делу, суд признает такое лицо потерпевшим и принимает меры к восстановлению его прав. Представляется, что в данной ситуации суду следует рассмотреть вопрос о признании или непризнании потерпевшими лиц, учреждавших ликвидированное юридическое лицо» [1. С. 11–12].

В этой связи также необходимо обратиться к положениям гражданского законодательства, в частности ч. 7 ст. 63 ГК РФ: при ликвидации юридического лица его имущество, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов, передается его учредителям. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что от преступления могло пострадать не только юридическое лицо, но и его учредители. Следовательно, в этих случаях целесообразно признавать в качестве потерпевших и учредителей такого юридического лица.

Третья проблема связана с реорганизацией юридического лица. Вопрос, кто будет представлять интересы реорганизованного юридического лица в уголовном процессе, остается неурегулированным на уровне законодателя. В этой связи нами разделяется точка зрения М.Х. Абдрахманова, который предлагает дополнить уголовно-процессуальное законодательство положением, регламентирующим

порядок процессуального правопреемства при реорганизации юридических лиц, участников уголовно-процессуальных отношений [2. С. 107].

Следует отметить, что положения ст. 56 УПК РСФСР – представители потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, качественно отличались от современного законодательного решения проблемы. В частности, в статье указывалось, что в качестве представителей потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика могут участвовать в деле: адвокаты, близкие родственники и иные лица, уполномоченные в силу закона представлять при производстве по уголовному делу законные интересы соответственно потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика. Такой подход позволял учитывать положения не только Гражданского кодекса, но и иных нормативно-правовых актов.

Как нам представляется, положения, содержащиеся в ч. 1 ст. 45 УПК РФ, не отличаются последовательностью. В связи с чем полагаем, что данная норма требует определенного уточнения: представители потерпевшего и гражданского истца, являющегося юридическим лицом, адвокаты и иные лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и иным законодательством Российской Федерации представлять его интересы. В качестве представителя юридического лица могут быть признаны также иные лица, на которых возложено управление делами юридического лица или его имуществом, в соответствии с законодательством Российской Федерации. Временный и административный управляющий привлекаются к участию в рассмотрении уголовного дела наряду с руководителем юридического лица, находящегося в стадии наблюдения или финансового оздоровления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленин С.Р., Суховеев А.Б., Рамазанов И.Р. Когда учредитель ликвидированного юридического лица, признанного потерпевшим, может остаться в процессе // Уголовный процесс. 2011. № 7. С. 10–16.
2. Абдрахманов М.Х. Процедура признания юридических лиц потерпевшими и гражданскими истцами в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 105–108.

ON THE LEGAL ENTITY REPRESENTATIVE IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Valentina I. Balovneva, Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation).
E-mail: matus_valia@mail.ru

Keywords: legal entity, representation, bankruptcy proceeding, aggrieved person, civil claimant, liquidation, reorganisation.

DOI: 10.17223/9785946216678/2

The paper raises the debatable issue of participation in the criminal procedure of persons representing the interests of liquidated and reorganised legal entities, as well as legal entities in the bankruptcy stage. The author claims that the problem is that nowadays the legislator has not provided any mechanism determining who has the right to represent the interests of these legal entities in the criminal procedure. Meanwhile, the effectiveness of interest protection of these legal entities in the criminal procedure will depend on the right solution of this problem. Therefore, the aims of this work are: to identify and study the arguable issues of participation of legal entities' representatives in the criminal procedure and to develop proposals to improve the current legislation that ensures their participation in the criminal procedure. To solve this problem the author used such methods as formal-legal, statistical, historical, method of analysis, synthesis and some others. The author examined 280 criminal cases brought on by Orenburg and Ulyanovsk region courts. 14 legal entities from these legal cases were in the state of bankruptcy and were presumed as aggrieved; three were in the process of liquidation; seven were in the reorganisation stage.

The author has analysed the current legislation and studied retrospectively the previous procedural legislation, which allowed formulating and justifying the need to clarify the wording of Article 45 of the RF Criminal Procedure Code, which would take into account the identified features in the legal relations regulation. In the author's opinion, it should be stated in the following wording: Representatives of the aggrieved person and civil plaintiff, who is a legal entity, lawyers and other persons competent in accordance with the Russian Federation Civil Code and other Russian legislation may represent their interests. Other persons managing the legal entity's affairs or its property, in accordance with the Russian Federation legislation, may also be recognised as a representative of a legal entity. The temporary and administrative managers are involved in the criminal case consideration along with the head of the legal entity under supervision or financial rehabilitation.

Besides, the author shares the opinion of some researchers suggesting to complement the criminal procedure legislation with the provision regulating the way of procedural succession during legal entities' reorganisation and for criminal procedure participants.

REFERENCES

1. Zelenin, S.R., Sukhoveev, A.B. & Ramazanov, I.R. (2011) *Kogda uchreditel' likvidirovannogo yuridicheskogo litsa, priznannogo poterpevshim, mozhет ostat'sya v protsesse* [When the founder of a liquidated legal entity recognised as a victim can remain in the process]. *Ugolovnyy protsess*. 7. pp. 10–16.
2. Abdrakhmanov, M.Kh. (2008) *Protседura priznaniya yuridicheskikh lits poterpevshimi i grazhdanskimi isttsami v ugolovnom protsesse* [Procedure for the

recognition of legal entities as victims and civil plaintiffs in criminal proceedings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 310. pp. 105–108.

DOI: 10.17223/9785946216678/3

Н.Ю. Волосова

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЯПОНИИ

Показателем эффективной деятельности органов правосудия любой страны является отношение к потерпевшим. Во всем мире этому вопросу уделяется серьезное внимание. Законодатель Японии лишь в последнее время обратил внимание на положение жертв преступлений, что нашло свое отражение в изменениях, внесенных в уголовно-процессуальное законодательство. В частности, значительно были сокращены дискретные полномочия органов прокуратуры, расширены права потерпевших при производстве по уголовному делу и др.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство Японии, потерпевший, жертва преступления, дискреционные полномочия, прокурор.

В недавнем прошлом в Японии в защите жертв преступлений и восстановления их прав не были заинтересованы ни прокуроры, ни судьи, ни органы полиции. Даже когда полиция начинала уголовное расследование, она не была обязана уведомлять пострадавших от преступления о ходе проводимого расследования. Ш. Мацуи в своих исследованиях указывал, что «Япония не представила практически никакой защиты для жертв, которые были исключены из уголовного процесса, и им была предоставлена лишь ограниченная помощь от правительства» [1. С. 54].

Среди проблем выделялись также широкие дискреционные полномочия прокуроров, которые позволяли им по собственному усмотрению решать вопрос о целесообразности выдвижения обвинения и не уведомлять о принятом решении потерпевших. Однако даже если прокурор возбуждал уголовное преследование и уголовное дело до-

ходило до суда, потерпевший и в суде испытывал трудности. Ш. Мацуи, изучая правоприменительную практику того времени, отметил, что «однажды в суде не нашлось места для жертв преступления, и они были вынуждены сидеть в галерее в качестве простых наблюдателей. Членам семей жертв преступлений также было запрещено приносить фотографии покойных потерпевших в зал судебного заседания. Прокурор не требовал допросить потерпевших в ходе судебного разбирательства и услышать их мнение о мере наказания. Потерпевших не уведомляли о результатах судебного разбирательства» [1. С. 59].

Такой подход был характерен не только для законодательства Японии. Через это прошли все страны, независимо от того какие сейчас принимаются меры для защиты прав потерпевших. Отсутствие заботы о жертвах преступления – результат господствующей в свое время доктрины заботы об интересах государства. Уголовное наказание стало средством обеспечения безопасности государства. Потерпевший не вписывался в эту доктрину и выступал в качестве аутсайдера.

Проблема защиты жертв преступлений начала активно обсуждаться в Японии на рубеже XX–XXI в. В это время создается общественная организация – Ассоциация жертв преступности, возглавляемая бывшим вице-президентом японской Федерации ассоциации адвокатов Исао Окамурой, который также пал жертвой преступного посягательства. Им была развернута работа со средствами массовой информации, которые привлекли своими публикациями и выступлениями общественность к данной проблеме.

Практически единственным нормативно-правовым актом, который хоть как-то защищал жертв преступлений, бы принятый в мае 1980 г. Парламентом Японии Закон о денежных выплатах жертвам преступлений, который вступил в силу с 1 января 1982 г.

Как утверждает профессор университета Риктумейкан Кан Уэда, только за первый год существования такого закона поступило 152 заявления, 97 из которых получили положительное решение (средняя сумма денежных выплат на одного человека составила 3 400 тыс. иен) [2. С. 287]. Мириться с таким положением вещей общественность Японии не стала.

В г. Токио в 1982 г. был организован 4-й Международный симпозиум. На нем рассматривались проблемы соотношения прав обвиняе-

мого и потерпевшего в суде, распространения уголовно-правовой защиты не только на потерпевших, но и нуждающихся в такой защите и достойных ее и др. [2. С. 287]. Более 10 лет законодатель Японии игнорировал интересы потерпевшего. Постепенно их разочарование и плачевное состояние привлекли внимание средств массовой информации.

В феврале 1994 г. был принят разработанный Главным полицейским управлением Японии совместно с Комитетом общественной безопасности основополагающий Закон о пострадавших в результате преступлений, подробно регламентирующий обязанности государства, общественных и иных организаций по реализации мер защиты потерпевшей стороны, которые, в частности, предусматривают: предоставление квалифицированной юридической поддержки (в том числе для подачи иска о возмещении понесенного фактического и морального ущерба), получение материальной помощи из специального фонда; предоставление услуг медицинского и реабилитационного характера; гарантию личной защиты и защиты жилища со стороны правоохранительных органов в случае угрозы безопасности; переселение в специально выделяемое муниципальное жилье в случае невозможности проживания пострадавшего в имеющемся, в том числе и по причинам психологического характера; помощь в трудоустройстве и т.д.

«Усилия Ассоциации жертв преступности привело к прохождению закона “О внесении поправок в Уголовно-процессуальный кодекс и порядок уголовного преследования” и закона “О мерах, которые будут приняты в уголовном процессе в целях защиты жертв преступлений” в мае 2000 года» [1. С. 70].

Результатом этого процесса стало расширение прав потерпевших в уголовном процессе, которые теперь могут давать показания в качестве свидетелей в суде; суды обязаны предоставить потерпевшим места в зале судебного заседания удобные для участия в процессе; потерпевшему разрешено изложить свое мнение о совершенном преступлении в судебном процессе; потерпевшего обязаны ознакомить с протоколом судебного разбирательства и др.

Профессор Ш. Мацуи пишет, что «в конечном счете, правительство осознало необходимость защиты потерпевших, и были введены различные меры по защите жертв. Пострадавшие сейчас допускаются к участию в уголовном процессе, и в некоторых случаях им разреша-

ется занимать место рядом с прокурором и допрашивать свидетелей. Услуги для жертв также улучшены за счет государственных пособий и им предоставлена возможность добиваться возмещения ущерба в уголовном процессе» [1. С. 55].

«Кроме того, были внесены и другие изменения для улучшения защиты жертв. Во-первых, срок исковой давности для подачи жалобы о сексуальных преступлениях был увеличен; во-вторых, члены семей погибших жертв могут сейчас подать петицию в комиссию, если прокурор принял решение об отказе в возбуждении уголовного преследования» [1. С. 74].

На этом работа Ассоциации жертв преступности по расширению прав потерпевших не закончилась. Ее усилия в 2004 г. позволили принять фундаментальный Закон о защите жертв преступлений. Целью закона является установление фундаментальных принципов по защите прав потерпевших, ответственности национального правительства, местных органов, привлечение широких слоев общественности к защите прав жертв преступлений.

Основным принципом, который заложен в этом нормативно-правовом акте является принцип, согласно которому все жертвы имеют право на уважение их личного достоинства и гарантированную его защиту. На основе этого принципа были разработаны и меры защиты потерпевших.

Этим законом на правительство Японии была возложена обязанность по разработке основного плана по защите жертв преступлений, который должен быть утвержден Кабинетом министров, а затем обнародован. Для достижения целей, установленных в данном законе, правительство обеспечивает принятие необходимых правовых и финансовых мер.

Среди первостепенных мер, которые закон требовал принять, были определены следующие:

- предоставление необходимой информации и консультации жертвам преступлений;
- оказание поддержки жертвам в возмещении ущерба за причиненный вред, совершенным преступлением и внедрение системы, которая позволяла бы в уголовном судопроизводстве решать вопрос с рассмотрением гражданского иска;
- совершенствование государственной поддержки в получении компенсации;

- предоставление необходимых медицинских и социальных услуг для жертв преступлений;
- принятие мер по обеспечению безопасности потерпевшего, применение особых мер предосторожности при даче показаний потерпевшими в суде;
- предоставление специального государственного жилья потерпевшим, когда они не могут жить по месту прежнего жительства;
- указания работодателям для обеспечения занятости потерпевших;
- повсеместное внедрение мероприятий по информированию потерпевших о ходе уголовного дела и обеспечения его участия в уголовном судопроизводстве;
- проведение научных исследований по защите прав потерпевших, развитию волонтерского движения, обеспечивающего помощь жертвам преступления.

Декабрь 2005 г. ознаменовался принятием правительством плана основных мероприятий по защите жертв преступлений, состоящего из отдельных программ. «Каждое министерство правительства было обязано рассмотреть эти конкретные меры в рамках своих полномочий. В результате Министерство юстиции представило законопроект, который предусматривал участие потерпевших в уголовном судопроизводстве» [1. С. 79].

Несмотря на широкую поддержку данного законопроекта общественностью, правительством, на него с критикой обрушилась Ассоциация адвокатов Японии и просила его более тщательно изучить. Несмотря на критику, закон был принят в 2007 г. и в Уголовно-процессуальный кодекс Японии были внесены изменения, которые существенно расширили права потерпевших в уголовном процессе и позволили им стать полноценными участниками уголовно-процессуальных отношений. В апреле 2010 г. в Уголовно-процессуальный кодекс были внесены новые изменения, которые касались исключения сроков давности для предъявления обвинения за убийство. Жертвы сексуальных преступлений теперь могут подать жалобу о совершенном преступлении в течение 10 лет, а жертвы принудительного непристойного поведения – в течение 7 лет после происшествия.

Не осталась в стороне и прокуратура Японии. В прокуратуре предусмотрена должность советника по делам потерпевших, а также

создана горячая линия для поддержки жертв преступлений. Политика деятельности органов прокуратуры в отношении жертв преступлений такова, что прокуроры теперь обязаны информировать потерпевших о принимаемых ими решениях, в том числе и в части возбуждения или отказа в уголовном преследовании обвиняемого.

Потерпевшие активно участвуют в уголовном судопроизводстве. Это показывают и статистические данные, которые были представлены в исследовании профессора Ш. Мацуи. Им, в частности, было отмечено, что «поскольку участие потерпевшего началось с декабря 2008 года, 926 552 лица подали ходатайства на участие в судебном разбирательстве уголовного дела; 850 физических лиц в конце ноября 2009 года были допущены к рассмотрению 522 уголовных дел. В течение первого года 657 потерпевших по 410 уголовным делам участвовали в судебном процессе; 329 из них допросили подсудимых; 282 потерпевших высказало свое мнение относительно наказания подсудимых» [1. С. 84].

Если потерпевшему причинен ущерб, он вправе требовать от преступника его возмещения. Следует отметить, что несмотря на наличие такого права у потерпевшего, как и в большинстве государств, добиться возмещения ущерба со стороны виновных лиц весьма сложно.

«Финансовые трудности жертв теперь частично смягчены за счет двух механизмов. Во-первых, когда стороны достигают урегулирования вне суда, потерпевшие могут просить суд включить такую договоренность в судебное решение. Другими словами, если нарушитель не соблюдает процедуру урегулирования, потерпевший не должен подавать иск по обеспечению соблюдения возмещения вреда, но вправе требовать непосредственного исполнения обязательства через суд. Во-вторых, жертва может потребовать от обвиняемого возместить ущерб до окончания рассмотрения уголовного дела. Однако эта мера доступна только для наследников умерших жертв или если пострадавшим причинен вред здоровью в результате умышленного преступления, изнасилования или насильственного непристойного акта, похищения ребенка, похищения с целью выкупа и других преступлений» [1. С. 85].

В Японии, как и в большинстве государств, действуют компенсационные программы. Источниками формирования компенсационных фондов служат государственные специальные ассигнования [3].

В этой связи важно подчеркнуть, что организация выплаты такой компенсации преследует не только чисто гуманистическую цель оказания помощи пострадавшим от преступления, но достигается и другая не менее значимая задача – «рассеять недоверие к правовой системе страны и подкрепить на деле доверие народа к этой системе (из закона Японии о выплате компенсации, принятого в 1980 году)» [4. С. 5].

Порядок предоставления таких выплат определен законом и несколько забюрократизирован, хотя и считается достаточно эффективным способом восстановления прав потерпевших.

Жертвы, которым причинен вред здоровью, имеют право на пособие по инвалидности; члены семьи умершего потерпевшего имеют право претендовать на пенсию по случаю потери кормильца. Такие лица обязаны подать заявления на получение пособия через полицию, и соответствующая комиссия рассмотрит вопрос о предоставлении льгот. В 2001 и в 2009 гг. сумма пособий жертвам преступлений была увеличена. Комиссия достаточно редко отказывает в удовлетворении поданных заявлений. В 2009 году из 589 заявок было удовлетворено 538 [1. С. 84]. В том случае, когда потерпевшие получают компенсацию с обвиняемых, суммы государственных пособий сокращаются, а правительство имеет право требовать от обвиняемых возмещения расходов, которые оно выплатило пострадавшим в порядке регресса.

Итак, защите прав жертв преступлений в Японии уделяется большое внимание. В последнее десятилетие были приняты законы, которые позволяют обеспечить защиту прав жертв преступлений на процессуальном и социально-организационном уровне.

На сегодняшний день среди проблем защиты жертв преступлений японские исследователи выделяют следующие: в Конституции Японии по-прежнему отсутствует четкая норма, защищающая права жертв; несмотря на усиление мер защиты для жертв нет никаких законодательных деклараций о правах жертв, за исключением общих и абстрактных прав личности, содержащихся в законе; меры, применяемые для защиты жертв, явно не гарантированы, делая судьбу жертв неопределенной. Ученые надеются, что официальное принятие Билля о правах жертв преступлений, в котором будут перечислены конкретные права, станет важным шагом в улучшении защиты пострадавших [1. С. 94].

ЛИТЕРАТУРА

1. Shigenori Matsui Justice for the Accused or Justice for Victims?: The Protection of Victims' Rights in Japan // *Asian-Pacific Law & Policy Journal*. 2011. Vol. 13, is. 1. P. 54–58.
2. Алауханов Е. Криминология. Алма-Аты, 2008. 662 с.
3. Чекулаев Д.П. Компенсации жертвам преступлений по законодательству развитых зарубежных государств. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=660
4. Сухарев А.Я. Долг нации жертвам преступлений // *Правовые и социальные проблемы защиты жертв преступлений* : сб. науч. тр. М., 1998. С. 3–8.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF CRIME VICTIMS IN THE LAWS OF JAPAN

Nonna Yu. Volosova, Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation).
E-mail: vasilii_vasiliev@rambler.ru

Keywords: criminal procedure laws of Japan; victim, victim of crime, discretionary powers, prosecutor.

DOI: 10.17223/9785946216678/3

A comparative study of foreign legislation on the protection of victims of crime provides an opportunity to study both positive and negative experience in regulating this issue. Studying the problem of protecting the rights of victims of crimes in Japan, it was possible to establish that its resolution is carried out in two directions: criminal procedure and social organisation. This provided an opportunity (1) to develop effective procedural legislation that establishes a wide range of rights to victims in the criminal procedure and (2) to create a national program for the protection of the rights of victims of crime, in which all ministries of the Cabinet of Ministers of Japan and the general public participate. The aim of the work is to study foreign experience in protecting the rights of victims of crime, and the opportunity to use it in improving programs to protect the rights of victims in the Russian Federation. When studying the problem raised, such methods as comparative-legal, historical, analysis, synthesis and some others were used.

The author analysed the modern criminal procedure legislation of Japan, as well as other regulatory legal acts adopted to protect the rights of victims, as well as the works of well-known Japanese lawyers. The paper highlighted the powers of prosecutors to protect the rights of victims of crime as a positive experience of the work of law enforcement agencies of Japan. It was especially noted that to date, prosecutors lack broad discretionary powers that allowed them not to notify victims about the progress of the criminal case; the bodies of the Public Prosecutor's Office of Japan have the post of the advisor for victims' affairs and a hotline for supporting victims of crime; other activities are being implemented.

A positive experience of protecting the rights of victims of crime is the close connection of criminal procedure and social organisation measures aimed at protecting

victims' rights. As noted, this allows to effectively protect the rights of victims of crime, providing such protection not only during criminal proceedings, but also out of them. There are programs of state financial support, resettlement, necessary medical and social services, etc. for victims.

Despite the state's broad support of programs to protect the rights of victims, many Japanese researchers note problems, including at the legislative level. For instance, the Constitution of Japan does not have norms protecting the rights of victims of crime and legislative declarations on the rights of victims. There is also a certain declarative nature of the envisaged measures to protect the rights of victims, which makes it difficult to implement them, makes them ineffective, non-productive and, in essence, not guaranteed.

REFERENCES

1. Matsui, S. (2011) Justice for the Accused or Justice for Victims?: The Protection of Victims' Rights in Japan. *Asian-Pacific Law & Policy Journal*. 13(1). pp. 54–58.
2. Alaukhanov, E. (2008) *Kriminologiya* [Criminology]. Alma-Aty: Zheti zharry.
3. Chekulaev, D.P. (2011) *Kompensatsii zhertvam prestupleniy po zakonodatel'stvu razvitykh zarubezhnykh gosudarstv* [Compensation to victims of crimes under the legislation of developed foreign states]. [Online] Available from: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=660.
4. Sukharev, A.Ya. (1998) Dolg natsii zhertvam prestupleniy [The duty of the nation to the victims of crimes]. In: Sukharev, A.Ya. et al. *Pravovye i sotsial'nye problemy zashchity zhertv prestupleniy* [Legal and social problems of the protection of victims of crime]. Moscow: [s.n.]. pp. 3–8.

DOI: 10.17223/9785946216678/4

В.Н. Григорьев

О ПРОБЛЕМАХ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ Ч. 1¹ СТ. 110 УПК РФ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 16-03-00413.

На основе анализа нормативно-правовых актов определено нормативное время для принятия решения об изменении меры пресечения при выявлении у обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, отмечены проблемы нормативного регулирования в этой сфере. Сформулированы положения по совершенствованию правопо-

го механизма, которые гарантировали бы от злоупотребления правом при изменении меры пресечения обвиняемому, у которого выявлено тяжелое заболевание.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, препятствующее содержанию под стражей тяжелое заболевание, изменение меры пресечения, сроки принятия решения, злоупотребление правом.

Речь идет об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. Общие правила отмены или изменения меры пресечения в уголовном процессе Российской Федерации установлены в ст. 110 УПК РФ. Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 434-ФЗ [1] ст. 110 УПК РФ дополнена частью «1¹», в которой установлены некоторые особенности порядка изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. В соответствии с ч. 1¹ ст. 110 УПК РФ мера пресечения в виде заключения под стражу изменяется на более мягкую при выявлении у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей и удостоверенного медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования.

В связи со спецификой оснований для изменения меры пресечения в рассматриваемой ситуации жизненно важным является вопрос о скорости принятия решения. В УПК этот вопрос не урегулирован. Однако имеется определенный механизм, установленный на подзаконном уровне.

В частности, Правительство Российской Федерации 14 января 2011 г. приняло Постановление № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» [2], которым в соответствии со ст. 110 УПК РФ утвердило Правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений; перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений; форму медицинского заключения о наличии (отсутствии) тяжелого заболевания, включенного в

перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений.

Указанный механизм не предусматривает какого-то конкретного пресекающего срока, который, однако, вычисляется в результате анализа установленных норм. Следует при этом иметь в виду, что в определении периода времени, необходимого на те или иные процедуры в системе российского уголовного судопроизводства, необходимо учитывать нормативно определенные периоды и периоды времени, которые объективно присутствуют, но нормативно не определены, а также влияние на указанные периоды различного рода сопутствующих обстоятельств (которые условно можно объединить в категорию «человеческий фактор»), обычно увеличивающих срок выполнения процедур. Следует учесть также повсеместно присутствующие на практике бюрократические приемы увеличения сроков на производство тех или иных действий, добавляющих к ним время на пересылку, канцелярские процедуры и т.п.

С учетом этих замечаний можно ответить на вопрос о том, какой нормативно определенный период времени может пройти от момента направления ходатайства следователю о направлении на медицинское освидетельствование экстрадированного лица до возможного принятия решения об изменении меры пресечения. Ответ основывается на установленных в Правилах медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений многочисленных нормах, предусматривающих различные сроки для отдельных действий.

Так, согласно п. 2 Правил медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений для рассмотрения вопроса о направлении подозреваемого или обвиняемого на медицинское освидетельствование необходимо обратиться к следователю либо начальнику места содержания под стражей с письменным заявлением подозреваемого или обвиняемого либо его законного представителя или защитника о наличии у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в перечень. Данное заболевание должно подтверждаться медицинскими документами, содержащими данные стационарного медицинского обследования. Вторым способом для рассмотрения указанного вопроса является ходатайство руководителя медицинского подразделения места содержания

под стражей, адресованное начальнику места содержания под стражей, подтвержденное медицинскими документами.

Далее, в соответствии с п. 3 Правил, следователь либо начальник места содержания под стражей рассматривает заявление обвиняемого или ходатайство руководителя медицинского подразделения места содержания под стражей с прилагаемыми медицинскими документами и в течение рабочего дня, следующего за днем их получения, принимает решение о направлении обвиняемого на медицинское освидетельствование в медицинскую организацию государственной или муниципальной системы здравоохранения либо выносит постановление о мотивированном отказе в направлении на медицинское освидетельствование при отсутствии медицинских документов.

Стало быть, если обвиняемый, условно говоря, в понедельник передал следователю заявление, то тот в течение вторника примет по нему решение.

Далее, в соответствии с п. 6 Правил, при принятии решения о направлении обвиняемого на медицинское освидетельствование следователь либо начальник места содержания под стражей оформляет направление на медицинское освидетельствование. Срок оформления направления Правилами не установлен.

Будем исходить из того, что время на оформление решения входит в срок принятия этого решения, т.е. решение будет оформлено в течение вторника.

Далее, согласно п. 7 Правил, обвиняемый направляется на медицинское освидетельствование не позднее 3 рабочих дней со дня принятия решения о направлении на медицинское освидетельствование. Это будет уже пятница. За ней следуют два нерабочих дня – суббота и воскресенье.

Согласно п. 11 Правил медицинское освидетельствование проводится в течение 5 рабочих дней со дня поступления в медицинскую организацию направления на медицинское освидетельствование с вынесением медицинского заключения по форме, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г № 3.

Стало быть, освидетельствование в нашем условном подсчете будет длиться с понедельника по пятницу. Далее опять следуют два нерабочих дня – суббота и воскресенье.

В соответствии с п. 12 Правил по результатам медицинского освидетельствования врачебная комиссия выносит медицинское заключение о наличии или отсутствии у обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в перечень, либо о продлении срока медицинского освидетельствования в связи с необходимостью проведения дополнительного обследования (не более 30 рабочих дней). Положим, что срок медицинского освидетельствования не продлевался.

Далее, согласно п. 13 Правил, в течение рабочего дня, следующего за днем вынесения медицинского заключения о наличии или отсутствии у обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в перечень, руководитель медицинской организации направляет указанное медицинское заключение начальнику места содержания под стражей с приложением медицинских документов. Это уже – понедельник.

После чего в соответствии с п. 14 Правил копии медицинского заключения о наличии или об отсутствии у обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в перечень, направляются либо вручаются под подпись начальником места содержания под стражей следователю, обвиняемому и его защитнику в течение календарного дня, следующего за днем поступления медицинского заключения в администрацию места содержания под стражей. Это – вторник, 16-й день процедуры по изменению меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, после экстрадиции.

Далее в соответствии с ч. 1¹ и ч. 3 ст. 110 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление об отмене или изменении меры пресечения. Срок, в течение которого следователь должен вынести указанное постановление после получения медицинского заключения о наличии у обвиняемого тяжелого заболевания, уголовно-процессуальным законом не установлен. Попытки законодательно определить такой срок пока не увенчались успехом. В частности, Законопроект о включении в ст. 110 УПК РФ нормы о том, чтобы лицо (орган), в производстве которого находится уголовное дело, не позднее 3 суток после получения копии медицинского заключения о наличии у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, принимало решение об изменении меры

пресечения на более мягкую, был внесен в Государственную Думу ФС РФ еще в мае 2014 года [3], однако не был принят. Повторно аналогичный по содержанию законопроект внесен в Государственную Думу ФС РФ 17 ноября 2016 г. [4]. 20 декабря 2016 г. принято решение перенести рассмотрение указанного проекта федерального закона с 21 декабря на более поздний срок. 15 февраля 2017 г. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации постановила принять данный проект федерального закона в первом чтении [5]. Далее этот законопроект был включен в Календарь рассмотрения вопросов Государственной Думой ФС РФ на 22 марта 2017 г. [4]. Пока указанное дополнение в УПК РФ не внесено.

Таким образом, нормативно определенный срок от момента представления ходатайства следователю о направлении на медицинское освидетельствование экстрадированного лица до возможного принятия решения об изменении меры пресечения может составить с учетом выходных до 16 дней.

Теоретически можно предположить возможность сокращения этого срока за счет выполнения каких-то процедур в течение не трех-пяти, как это установлено, а одного-двух рабочих дней. Однако с учетом того, что эти процедуры выполняются наряду с прочей текущей работой и включают в себя как собственно содержательное выполнение действий, так и передачу материалов из одного органа другому с прохождением необходимых канцелярских процедур, на практике это маловероятно.

Более обоснованным является предположение о фактическом увеличении времени на решение об изменении меры пресечения экстрадированному за счет добавления как нормативно определенных периодов времени, которые не были включены в произведенные выше расчеты, так и периодов времени, которые объективно присутствуют, но нормативно не определены, а также влияния на продолжительность выполняемых процедур упомянутого выше «человеческого фактора».

К числу нормативно определенных периодов времени, которые не были включены в произведенные расчеты, относится, например, предусмотренная в п. 12 Правил возможность продления медицинского освидетельствования в связи с необходимостью проведения дополнительного обследования на срок до 30 рабочих дней.

К числу нормативно не определенных периодов времени, которые, соответственно, не могли быть включены в произведенные выше расчеты, относится, например, время на конвоирование экстрадированного к месту содержания под стражей, время на оформление направления на медицинское освидетельствование, время на вынесение следователем постановления об отмене или изменении меры пресечения, а также время на исполнение данного постановления через администрацию места содержания под стражей.

Обозначенный выше период времени в 16 дней может увеличиться также на сроки, необходимые для обжалования действий или бездействия следователя, установленные гл.16 УПК РФ. Срок обжалования таких действий следователя, например, как отказ в направлении обвиняемого на медицинское освидетельствование или бездействие при получении медицинского заключения о наличии заболевания, может составить в соответствии с ч. 1 ст. 124 УПК РФ от 3 до 10 суток.

Результаты проведенного анализа свидетельствует о весьма существенном потенциале для злоупотребления правом при решении вопроса об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. Неприемлемая с точки зрения законодательной техники, такая ситуация выглядит тем более удручающей с точки зрения возможных необратимых последствий для здоровья обвиняемого в связи с неказанием (неквалифицированным оказанием) необходимой медицинской помощи в условиях следственного изолятора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 434-ФЗ «О внесении изменений в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 46.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3 (ред. 04.09.2012 № 882) «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 4. Ст. 608; 2012. № 37. Ст. 5002.
3. Паспорт проекта Федерального закона № 527041-6 «О внесении изменений в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с необходимостью установления предельного срока изменения меры пре-

- сечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей и удостоверенного медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования» // КонсультантПлюс (дата обращения: 23.05.2017).
4. Паспорт проекта Федерального закона № 30082-7 «О внесении изменения в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления предельного срока изменения меры пресечения в связи с тяжелым заболеванием) // КонсультантПлюс (дата обращения: 23.05.2017).
 5. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 15 февраля 2017 года № 946-7 ГД «О проекте Федерального закона № 30082-7 “О внесении изменения в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” (в части установления предельного срока изменения меры пресечения в связи с тяжелым заболеванием)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 9. Ст. 1288.

ON THE PROBLEMS OF THE ABUSE OF RIGHT IN APPLICATION OF PART 1.1 OF ARTICLE 110 OF THE RF CODE OF CRIMINAL PROCEDURE

Viktor N. Grigoryev, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Keywords: measures of restraint, detention, serious disease inhibiting detention, changing measure of restraint, decision-making period, abuse of right.

DOI: 10.17223/9785946216678/4

As a result of the scientific analysis of a concrete practical situation, a number of topical issues of the application of the measure of restraint are determined in the event that the accused has a serious disease that inhibits their detention. Among such issues is the period for making a decision to change the measure of restraint to a softer one.

Based on the analysis of regulatory legal acts, the regulatory time is determined for making a decision on changing the measure of restraint; problems of legal regulation in this sphere are noted. Provisions are formulated that would guarantee against the abuse of the right to change the measure of restraint to the accused who has a serious disease that inhibits their detention.

As the analysis has shown, the regulatorily determined period from the moment of sending an application to the investigator with a request for medical examination of the accused in custody to a possible decision to change the measure of restraint in the form of detention to a milder one in case the accused has a serious disease that inhibits their detention can be up to 16 days.

Theoretically, this period can be reduced by performing some procedures within one to two working days rather than the established three to five. However, these procedures are carried out along with other on-going work and include the actual execution of actions and the transfer of materials from one authority to another with all necessary clerical procedures; in practice this reduction is unlikely.

It is more reasonable to actually increase the time period for the decision on changing the restraint measure by adding both the regulatorily determined time periods that were not included in the calculations made above and the time periods that are objectively present but are not regulatorily determined, as well as the influence of the “human factor” on the longer time for the procedures.

The designated time period of 16 days may also increase by the time necessary to appeal the actions or omissions of the investigator, which, in accordance with Part 1 of Article 124 of the RF Code of Criminal Procedure, can be from 3 to 10 days.

The results of the analysis show a very significant potential for abuse of the right to decide on the change of the measure of restraint in the form of detention to a milder one if the accused has a serious disease that inhibits their detention. Unacceptable legislatively, this situation is all the more discouraging from the point of view of possible irreversible consequences for the health of the accused in connection with the failure to provide necessary medical assistance in the conditions of the remand centre.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2010) Federal Law No. 434-FZ of December 29, 2010 On Amending Article 110 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and Article 24 of the Federal Law “On the Detention of Suspects and Accused of Committing Crimes”. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 1. Art. 46.
2. Russian Federation (2012) Decree No. 3 of the Government of the Russian Federation of January 14, 2011 (edited on September 4, 2012, No. 882) On Medical Examination of Suspects or Accused of Committing Crimes. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 4. Art. 608. (In Russian).
3. Russian Federation. (n.d.) *Passport of Federal Law Draft No. 527041-6 On Amendments to Article 110 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the need to establish a deadline for changing the measure of pre-secton in the form of detention to a milder one if it is found in a rendezvous or accused of committing a crime of serious illness that impedes his detention and certified by a medical certificate issued on the basis of the results of a medical examination*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=119050>. (Accessed: 23rd May 2017). (In Russian).
4. Russian Federation. (n.d.) *Passport of Federal Law Draft No. 30082-7 On Amending Article 110 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (regarding the setting of the deadline for changing the preventive measure in connection with a serious illness)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=152840#0>. (Accessed: 23rd May 2017). (In Russian).
5. Russian Federation (2017) Resolution No. 946-7 of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of February 15, 2017 On Federal Law Draft No. 30082-7 On Amending Article 110 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (regarding the establishment of pre- term of the preventive

measure in connection with a serious illness). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 9. Art. 1288. (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216678/5

О.В. Желева

ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 16-03-00413.

В статье указывается, что реализация субъективных прав в уголовном процессе не является безграничной и имеет свои пределы, в качестве которых рассматриваются объективные пределы: запреты и обязанности, а также субъективные пределы: назначение права, добросовестность и разумность. Дается характеристика данных категорий с учетом особенностей уголовно-процессуальных отношений.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, пределы осуществления субъективных прав, запрет, обязанность, добросовестность, разумность, назначение права.

Вслед за Конституцией РФ и рядом международно-правовых актов Уголовно-процессуальный кодекс РФ поставил во главу угла личность, ее права и свободы, что привело к закреплению в ст. 6 УПК РФ особого назначения уголовного судопроизводства и последовательному увеличению объема прав его участников. Реализация предоставленных прав представляет собой деятельность индивидов, направленную на достижение определенных результатов по удовлетворению личных целей и интересов. Вместе с тем такие цели не должны быть противозаконными, безнравственными, создавать препятствия для реализации прав иными субъектами, ведь свобода того или иного лица простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. В связи с этим для предупреждения и предотвращения конфликта интересов, произвола, различного рода злоупотреблений со стороны участников уголовно-процессуальных отношений необходимо установить пределы осуществления субъективных прав [1. С. 5].

В литературе под данными пределами понимают запреты или обязанности, ограничивающие свободу управомоченного субъекта, призванные оказать внешнее упорядочивающее воздействие на мотивацию, способы, средства и характер использования заложенных в содержании субъективного права возможностей [2. С. 63]. Выделяют две группы пределов осуществления субъективных прав: объективные и субъективные [3. С. 82]. Первые являются средствами правового регулирования деятельности субъекта, зависящими от конкретики правовых норм, буквы закона, который устанавливает социально одобряемую модель поведения лица. В связи с этим к объективным пределам можно отнести закрепленные в законодательстве обязанности и запреты.

Под обязанностями понимается мера должного поведения лица, т.е. обусловленная требованием правовой нормы и обеспеченная возможностью государственного принуждения необходимость определенного поведения [4. С. 240].

Выделяют следующие признаки юридических обязанностей [5. С. 51]: 1) принципиальная однозначность, которая означает, что предписываемый лицу вариант поведения точно, ясно установлен и не подразумевает иного понимания, толкования, помимо того, который дан законодателем; 2) императивная категоричность, предполагающая, что требования, установленные законодателем, непререкаемы, не носят рекомендательный характер, а обязательны для исполнения без каких-либо возражений; 3) обеспечение действенными юридическими механизмами. Этот признак выражает необходимость существования специального порядка исполнения обязанности, включающего наличие у противоположных субъектов корреспондирующих прав-требований; правомерных способов осуществления обязанностей и контрольных функций государства, направленных на обеспечение исполнения данных требований, в том числе посредством применения мер принудительного характера и мер юридической ответственности.

Примерами обязанностей, установленных уголовно-процессуальным законодательством, в частности для обвиняемого, являются: подчиниться постановлению следователя о производстве освидетельствования (ч. 1 ст. 179 УПК РФ); претерпевать предусмотренные в законе меры процессуального принуждения (ст. 91, 92, 97, 100, 102–117 УПК РФ); являться в установленный срок по вызову органов,

осуществляющих предварительное расследование, или в суд (п. 1 ст. 102 УПК РФ); присутствовать в судебном заседании или при производстве процессуальных действий, если участие в таковых признано обязательным законом или органами, осуществляющими уголовное преследование, или судом (ч. 1 ст. 247 УПК РФ); соблюдать порядок в зале судебного заседания и выполнять законные распоряжения производящих расследование органов и должностных лиц, обеспечивающие порядок производства процессуальных действий (ч. 1 ст. 258 УПК РФ).

Перечисленные правовые предписания содержат в себе требования совершить участником уголовного судопроизводства ряд действий, необходимых для обеспечения нормального, непрерывного хода уголовного процесса.

В отличие от обязанностей запреты указывают на юридическую невозможность какого-либо поведения. Например, для обвиняемого предусмотрены следующие запреты: не скрываться от дознания, предварительного следствия или суда; не продолжать заниматься преступной деятельностью; не угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, не уничтожать доказательства и не препятствовать производству по уголовному делу каким-либо иным путем (ч. 2 ст. 97 УПК РФ); не отлучаться с места жительства или временного нахождения без разрешения следователя (п. 2 ст. 102 УПК РФ); не препятствовать установлению объективной истины по делу путем совершения различных незаконных действий (п. 3 ст. 102 УПК РФ); не противодействовать отобранию у него образцов, необходимых для сравнительного анализа (ст. 202 УПК РФ) и др.

В сущности, уголовно-процессуальные запреты представляют собой обязанности пассивного содержания, предписывающие лицу необходимость воздерживаться от совершения определенных действий.

Следует отметить, что обязанности и запреты, как пределы осуществления субъективных прав, являются критериями отграничения наиболее общественно опасных, противоправных действий от правомерных. Однако они не способны в полной мере определить границы свободы лица, поскольку законодатель не может предусмотреть все варианты поведения участников уголовно-процессуальных отношений. В связи с этим требуется установление субъективных пределов, являющихся более гибкими и функциональными, что позволит оце-

нить поведение субъектов уголовного судопроизводства с учетом имеющихся фактических обстоятельств. К такому виду пределов можно отнести следующие правовые категории.

Во-первых, назначение права. По мнению В.П. Грибанова, назначение права является объективной категорией, которая отражает определенные историко-культурные и социально-экономические условия жизни общества, а также предопределяется отраслевыми принципами и целями, которые предусмотрены либо санкционированы законом [2. С. 80]. Действительно, цели осуществления прав определяются управомоченным лицом по своей воле и усмотрению, но они не могут выходить за границы тех целей, которые признаются заслуживающими уважения со стороны всего общества, ведь иначе это вызовет противоречие не только между частными и публичными интересами, но и между объективным и субъективным правом.

При использовании правовых возможностей в противоречии с назначением объективное право становится не способным выполнять регулятивные и охранительные функции применительно к общественным отношениям; формально равные субъекты становятся фактически неравными, поскольку произвольно изменяется объем их правомочий. Так, одна сторона, используя все средства и способы реализации субъективных прав в противоречии с их назначением для удовлетворения собственных интересов, тем самым создает препятствия для осуществления правовых возможностей другой стороной и причиняет ей вред различного характера. То есть гарантированная государством мера свободы лица, совершающего всевозможные по своей целевой направленности действия, в том числе противоречащие назначению уголовного процесса, неоправданно расширяется, что свидетельствует о том, что «дух права приходит в противоречие с его буквой» [6. С. 88], а следовательно, и о совершении участником правоотношений социально вредного деяния. Например, при явном затягивании ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый использует предоставленное ему по окончании предварительного расследования правомочие не с целью защиты своих прав и законных интересов, а с целью создать препятствия ходу уголовного процесса, что свидетельствует о реализации им права в противоречии с его назначением.

Во-вторых, добросовестность. Под добросовестностью понимают стремление субъекта к правомерности, общественной безвредности,

моральности своего поведения, иными словами, это «внутренний» предел осуществления права, который можно выразить максимой «поступай так, как этого требует твоя совесть» [6. С. 158].

В юридической доктрине данную категорию рассматривают в двух значениях: объективном и субъективном [7. С. 14]. В объективном смысле добросовестность представляет собой точное соблюдение лицом правовых предписаний, непричинение вреда в процессе осуществления субъективных прав правам и законным интересам других участников правоотношений. В субъективном смысле добросовестность выступает как невиновное заблуждение субъекта относительно противоправности своего поведения. При этом заблуждением является не только неосведомленность лица о каких-либо обстоятельствах, но и их неправильная оценка, которая приводит к нарушению прав иных субъектов. В связи с этим представляется справедливым утверждение В.С. Вепрева о том, что в любом случае, вступая в правоотношения, субъект изначально должен учитывать права и законные интересы других субъектов, избегать создания препятствий для реализации их прав [8. С. 20].

Таким образом, добросовестное осуществление субъективных прав представляет собой реализацию участником правоотношений своих интересов юридически безупречным, социально полезным, не причиняющим вред другим лицам, обществу, государству способом. Из данного определения следует, что недобросовестным будет считаться и формально правомерное использование правомочий, которое создает препятствия для достижения законных целей и интересов другими субъектами. К примеру, с этой точки зрения, не является добросовестным поведением многократное заявление аналогичных ходатайств при неизменности их содержания, повода, оснований и иных обстоятельств.

В-третьих, разумность. С точки зрения философии, под разумностью понимается мыслительная способность каждого человека не только накапливать, аккумулировать уже имеющиеся знания о предметах и явлениях, но и устанавливать связь между ними и действовать в соответствии с этой связью [9. С. 16]. Такое значение рассматривается в литературе как исходное для определения разумности как правовой категории в общем и как предела осуществления права в частности. Однако в юридической доктрине сложилось несколько

позиций относительно его трактования. В зависимости от места в процессе реализации права одни авторы рассматривают разумность в объективном смысле в качестве критерия, мерила оценки поведения субъекта и субъективном – как отношение лица к своим поступкам и их последствиям [9. С. 63]. Другие характеризуют данную правовую категорию только с объективной стороны как обоснованность деятельности индивида [10. С. 37]. При этом при решении вопроса о разумности оцениваемые действия соотносятся с действиями человека, признаваемыми в обществе эталонными. Третьи связывают разумность с пониманием субъектом правоотношений целесообразности своих действий, со способностью видеть в них объективно полезную цель, осознанием причинно-следственных связей [11. С. 157].

Суммируя положения вышеизложенных позиций, можно прийти к выводу, что разумное осуществление права представляет собой соответствие поведения лица эталонной модели, соответствующей не только законодательным требованиям, но и уровню интеллекта, знаний, жизненного опыта нормального человека. То есть понятие «разумность» является объективным, но в то же время процесс самоанализа собственных поступков связан с психической, мыслительной деятельностью лица, с восприятием определенной модели поведения как эталонной и осознанием этого факта, отсюда, и субъективная сторона разумности.

На основе вышеизложенного можно прийти к выводу, что для обеспечения добросовестного и правомерного поведения участников уголовного судопроизводства, для предупреждения и разрешения возможных конфликтов интересов между отдельными субъектами необходимо установление двух видов пределов: объективных и субъективных. Такой подход предполагает ограничение свободы лица в интересах иных субъектов, общества, государства, но в таких пределах, где господство конкретного участника правоотношений будет безусловным, что позволит ему удовлетворить свои законные интересы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1994. 28 с.
2. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 411 с.

3. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 82.
4. Морозова Л.А. Теория государства и права : учеб. М. : Юрист, 2002. 414 с.
5. Алексеев С.С. Общая теория права. М. : Юрид. лит. 1982. Т. 1. 361 с.
6. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М. : Юрлитинформ, 2007. 352 с.
7. Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. 26 с.
8. Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 22 с.
9. Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 190 с.
10. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб. : Издат. Дом. СПб. гос. ун-та, 2005. 537 с.
11. Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 349 с.

LIMITS FOR THE EXERCISE OF SUBJECTIVE RIGHTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Olga V. Zheleva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zheleva.olga@gmail.com

Keywords: criminal justice, limits of exercise of subjective rights, ban, duty, good faith, reasonableness, purpose of law.

DOI: 10.17223/9785946216678/5

The relevance of the chosen topic is due to the fact that the exercise of subjective rights in criminal proceedings cannot be unlimited; otherwise such person's actions will weaken the regulatory role of law and lead to the arbitrariness and violation of the rights of other participants in legal relations. In this regard, the objectives of this study are (1) the definition of the category of limits for the exercise of subjective rights, (2) the classification of these limits, (3) the characterisation and determination of objective criteria for each of the limits of the use of rights.

The methodology of the research was made up of dialectical, formal-logical, comparative, systemic methods, analysis and synthesis. On the basis of these methods, the author singles out two groups of limits for the exercise of subjective rights: objective and subjective. The first group is determined by the legislation and the degree of legal certainty. Objective limits include bans and duties that establish the framework in which persons can act at their discretion and for violation of which they will be sanctioned. Subjective limits include the purpose of law, good faith, reasonableness, the nature of the subject's interest. The purpose of subjective law is to provide individuals with a legally guaranteed opportunity to satisfy their specific interest (need) in the manner specified in the law. Good faith means the desire of subjects to the legitimacy, social harmlessness, morality of their behaviour. In other words, good faith is character-

ised as the “inner” limit of the exercise of law. A reasonable exercise of the right is the conformity of the person’s behaviour with the reference model that corresponds to legislative requirements and to the level of intelligence, knowledge and life experience of a normal person.

In conclusion, the paper determines the tasks performed by the limits of the exercise of subjective rights in the regulatory framework. Such tasks are: 1) restriction of the exercise of powers established in the content of subjective law in order to satisfy the interests of all participants in the criminal procedure; 2) prevention and suppression of antisocial and negative manifestations of the exercise of rights; 3) stimulation of the behaviour of the person with the rights. The tasks are an element of the positive responsibility of persons with the right in their relations with the state and individual participants in criminal procedure relations.

REFERENCES

1. Andreeva, O.I. (1994) *Predely proyavleniya dispozitivnosti v ugovnom sudoproizvodstve* [Limits of manifestation of disposability in criminal court proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
2. Gribanov, V.P. (2000) *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Realization and protection of civil rights]. Moscow: Statut.
3. Volkov, A.V. (2009) *Zloupotreblenie grazhdanskimi pravami. Problemy teorii i praktiki* [Abuse of civil rights. Problems of theory and practice]. Moscow: Wolters Kluver.
4. Morozova, L.A. (2002) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yurist.
5. Alekseev, S.S. (1982) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskay literatura.
6. Malinovskiy, A.A. (2007) *Zloupotreblenie sub"ektivnym pravom (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [Abuse of subjective right (theoretical and legal research)]. Moscow: Yurlitinform.
7. Drozdova, T.Yu. (2004) *Dobrosovestnost' v rossiyskom grazhdanskom prave* [Conscientiousness in Russian civil law]. Abstract of Law Cand. Diss. Irkutsk.
8. Veprev, V.S. (2006) *Osnovaniya ugovno-protsessual'noy otvetstvennosti* [Grounds for criminal procedural responsibility]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
9. Vinichenko, Yu.V. (2003) *Razumnost' v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii* [Reason in the civil law of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Irkutsk.
10. Yudin, A.V. (2005) *Zloupotreblenie protsessual'nymi pravami v grazhdanskom sudo-proizvodstve* [Abuse of procedural rights in civil litigation]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
11. Kuznetsova, O.A. (2004) *Prezumptsii v grazhdanskom prave* [Presumptions in civil law] St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.

О.А. Зайцев, Д.В. Емельянов

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ СО СТОРОНЫ ЗАЩИТНИКА В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 16-03-00413.

Рассматриваются особенности участия защитника в ходе судебного разбирательства уголовного дела и некоторые виды злоупотребления им правом. В результате изучения научной литературы, правоприменительной практики и анализа результатов опроса адвокатов формулируются конкретные предложения, направленные на ограничение злоупотребления защитником своими процессуальными правами.

Ключевые слова: право на защиту, злоупотребление правом, подсудимый, защитник, судебное следствие, уголовное судопроизводство.

В юридической литературе отмечается возросшая актуальность вопросов, связанных со злоупотреблением правом на различных стадиях уголовного судопроизводства со стороны участников процесса [1, 2]. В настоящей статье мы рассмотрим особенности участия защитника в ходе судебного разбирательства уголовного дела и некоторые виды злоупотребления им правом.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством защитник вправе использовать только не запрещенные УПК РФ средства и способы защиты (п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Согласно ст. 7 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре РФ адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством средствами, соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката [3]. Он не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне (ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката) [4].

Следует согласиться с теми учеными-процессуалистами, которые предлагают изменить формулировку п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ в том плане, что защитник вправе использовать средства и способы защиты,

не запрещенные законом (а не только УПК РФ). В юридической литературе отмечается, что недопустимыми в уголовном судопроизводстве являются те средства защиты, которые нарушают нормы уголовного законодательства, законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, административные и другие нормы [5].

В условиях предоставления защитнику широких процессуальных возможностей защиты прав и интересов доверителей, в силу конфликтного характера уголовного процесса, где каждый действует исходя из собственных интересов, является возможным осуществление действий, внешне находящихся в правовом поле, но имеющих иную, чем защиту прав и законных интересов, цель, следствием чего причиняющих вред интересам других участников уголовного процесса, интересам правосудия. В литературе такое поведение именуется «злоупотребление правом» [6, 7].

В литературе приводятся следующие данные. Из 65 опрошенных на условиях конфиденциальности адвокатов 46 признали, что свою основную цель они видят в том, чтобы дискредитировать доказательства, оправдать надежды подзащитного любыми способами [8].

Как правило, деятельность защитника в ходе судебного разбирательства выражается в следующем:

- участие в исследовании доказательств, представленных стороной обвинения и стороной защиты;
- формирование порядка исследования доказательств стороной защиты;
- заявление ходатайств, в том числе о вызове и допросе свидетелей, назначении и проведении экспертизы, приобщении к делу предметов, документов, заключений специалистов и др.;
- изложение суду своего мнения относительно существования обвинения и его доказанности, об обстоятельствах, смягчающих наказание подсудимого или оправдывающих его, о мере наказания;
- участие в прениях сторон и др. [9. С. 12].

Анализ практики показывает, что к основным видам злоупотребления правом защитника в ходе судебного разбирательства уголовного дела можно отнести следующие:

- подача многократных, повторных ходатайств об исключении или дискредитации доказательств, а также по иным вопросам, возникающим в ходе судебного следствия;

– оказание воздействия на свидетелей, потерпевших с целью склонения их к даче выгодных показаний;

– совершение иных действий, противоречащих назначению судопроизводства и / или направленных на затягивание процесса.

К примеру, в ходе судебного разбирательства уголовного дела защитник многократно заявлял ходатайства об исключении из числа доказательств протокола обыска (более 30 раз), а также иные ходатайства (в общей сложности более 400 раз). Данная активность и усердие со стороны адвоката-защитника в ходе судебного разбирательства были квалифицированы стороной обвинения как злоупотребление правами и недобросовестность в их использовании [2. С. 84].

Представляется, что только количество заявленных ходатайств не всегда свидетельствует о злоупотреблении защитником правом. Важной является цель. Заявление защитником ходатайства с целью защиты прав и законных интересов доверителя свидетельствует о его добросовестном поведении. В то же время заявление ходатайств не целью обеспечения защиты его прав и законных интересов, а целью затягивания сроков рассмотрения и разрешения уголовного дела, свидетельствует о злоупотреблении защитником правом.

Нельзя оставить без внимания то, что законодатель не ограничивает число защитников для одного подсудимого (ч. 1 ст. 50 УПК РФ)¹. Сошлемся на данные нашего исследования: 27% судей и 29% следователей считают, что их должно быть не более двух, 20 и 14% соответственно – не более трех.

В качестве примера злоупотребления правом можно привести следующий случай из судебной практики. В ходе судебного разбирательства уголовного дела подсудимый многократно, без указания мотивов отказывался от услуг одних адвокатов, заменяя их другими. Затем отказывался и от их услуг и заключал новые соглашения, а также приглашал тех, от которых отказывался ранее. Действия подсудимого и его защитников судом были расценены как злоупотребление правом с целью неоправданно затянуть ход судебного следствия, избежать уголовной ответственности [2. С. 82–83].

¹ В отличие от российского законодателя в УПК ФРГ, к примеру, количество защитников у обвиняемого не должно превышать трех. Если обвиняемый имеет законного представителя, последний также вправе самостоятельно выбрать защитника, но не более трех человек (§ 137).

Вопросы групповой защиты уголовно-процессуальным законом должным образом не регламентированы. Такое положение признается процессуалистами пробелом в правовом регулировании [10]. В связи с этим Верховный Суд РФ в своем Постановлении Пленума № 29 от 30 июня 2015 г. разъяснил, что в случаях, когда защиту подсудимого осуществляют несколько приглашенных им адвокатов, неявка кого-либо из них при надлежащем уведомлении о дате, времени и месте судебного разбирательства не препятствует его проведению при участии хотя бы одного из адвокатов (п. 12).

Настаивать на участии всех защитников по делу при согласии подсудимого на рассмотрение дела в отсутствие неявившегося защитника суд не вправе. В юридической литературе отмечается, что в условиях групповой защиты подсудимый сам вправе решать, сколько адвокатов и кто именно необходим ему в ходе судебного следствия. При этом считается ошибочной позиция, согласно которой отсутствие хотя бы одного адвоката нарушает право подсудимого на защиту, даже если он так не считает. В условиях групповой защиты наблюдается своеобразное процессуальное явление, приближающееся к отказу от защиты, но не совпадающее с ним. Со стороны подсудимого – это воздержание (но не отказ) от юридической помощи; со стороны адвоката – приостановление (но не прекращение) юридической помощи [11].

К способам ограничения злоупотреблением права со стороны защитника в ходе судебного разбирательства можно отнести предусмотренную УПК РФ процедуру опроса председательствующим сторон по окончании судебного следствия о необходимости его дополнения. Если состоится заявление ходатайства об этом, суд обсуждает его и принимает соответствующее решение (ч. 1 ст. 291 УПК РФ). Данное обсуждение может выражаться в форме возражений участника судебного разбирательства на заявленное другой стороной ходатайство [2. С. 101].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 даны разъяснения относительно злоупотребления правом на защиту. В частности, обращено внимание на такой способ пресечения злоупотребления защитником правом, как возможность суда не признать право обвиняемого (подсудимого) на защиту нарушенным в случаях, если отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных полномочий обвиняемого (подсудимо-

го) или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других субъектов уголовно-процессуальных отношений (п. 18) [12].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает санкции, которые налагают определенные ограничения по отношению к любому участнику судебного следствия, включая защитника, за злоупотребление правом. К примеру, ст. 258 УПК РФ содержит следующие меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, неподчинение председательствующего или судебного пристава:

- предупреждение о недопустимости такого поведения;
- удаление из зала судебного заседания;
- наложение денежного взыскания в порядке, установленном ст. 117 и 118 УПК РФ.

Следует отметить, что в отдельных зарубежных странах предусмотрены конкретные случаи исключения защитника из участия в производстве при злоупотреблении им правом на защиту. К примеру, в соответствии с § 138 УПК ФРГ данный субъект уголовного судопроизводства исключается из процесса, если имеется существенное подозрение или подозрение, достаточное для открытия основного судебного производства, что он:

- пользуется возможностью общения с обвиняемым, находящимся под стражей, для того, чтобы совершить преступные деяния или создать существенную угрозу для безопасности в следственном изоляторе;

- является участником преступного деяния, являющегося предметом расследования;

- совершил действие, которое в случае вынесения обвинительного приговора в отношении обвиняемого являлось бы укрывательством, воспрепятствованием наказанию или скупкой краденного [13. С. 277].

Применительно способов воздействия на защитника, злоупотребляющего правами, необходимо отметить, что механизм реагирования на наиболее типичные ситуации злоупотребления правом должен быть прописан в законе. При этом правоприменитель должен действовать разумно, чтобы право не превратилось из конкретного и эффективного в теоретическое и иллюзорное [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.И. Злоупотребление субъективным правом в уголовном процессе: проблемы правового регулирования // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2 (16). С. 9–13.
2. Рябцева Е.В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2014. 144 с.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.10.2017)
4. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года (ред. от 20.04.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841 (дата обращения: 29.10.2017).
5. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Иркутск : ИПКПР ГП РФ, 2005. 390 с.
6. Зайцева С.Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации. Рязань : Поверенный, 2002. 150 с.
7. Малиновский А.А. Злоупотребление правом (Основы концепции). М., 2000. 100 с.
8. Тишутина И.В. К вопросу об адвокатах как о субъектах противодействия расследованию // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы. М. : Академия управления МВД России, 2007. С. 97–106.
9. Попов В.С. Участие адвоката-защитника в процессе доказывания на стадии предварительного расследования и в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 27 с.
10. Игнатов С. Отсутствие в УПК РФ правового регулирования механизма реализации подсудимым и осужденным права на приглашение нескольких защитников – пробел в российском уголовно-процессуальном праве // Мировой судья. 2008. № 7. С. 14–18.
11. Резниченко И. Подсудимый вправе самостоятельно решать, сколько ему нужно адвокатов // Российская юстиция. 2000. № 1. С. 43.
12. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9.
13. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии – Strafprozessordnung (StPO): Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam, 2012. 404 с.
14. Андреева О.И. Право на защиту должно быть реальным, практически осуществимым и не иллюзорным // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2016. № 4. С. 10–14.

ABUSE OF RIGHT BY THE DEFENDANT IN A CRIMINAL TRIAL

Oleg A. Zaytsev, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation).
E-mail: nauka@mael.ru

Dmitriy V. Emelyanov, Smolensk Regional Court (Smolensk, Russian Federation).
E-mail: oblsud.sml@sudrf.ru

Keywords: right to protection, abuse of law, defendant, defender, judicial investigation, criminal proceedings.

DOI: 10.17223/9785946216678/6

In the legal literature there is an increased relevance of issues related to the abuse of rights at various stages of criminal proceedings by the participants in the criminal procedure. In this paper, the specifics of the defender's participation in a criminal trial and certain types of their abuse of rights are examined.

The defender is given broad procedural possibilities for defending clients' rights and interests, but due to the conflict nature of the criminal procedure where everyone pursues their own interests, it is possible to carry out actions that are outwardly in the legal field, but have a goal other than protection of rights and legitimate interests; thus, such actions harm the interests of other participants in the criminal procedure and of justice. In the literature, this behaviour is referred to as "abuse of right".

Analysis of the practice shows that the main type of abuse of right by the defender in a criminal trial is the filing of multiple, repeated petitions for the exclusion or discrediting of proof and on other issues arising during the court investigation. The study of this type of abuse of right shows that only the number of petitions submitted does not always indicate abuse of right by the defender. The purpose is important. The defender's petition to protect the rights and legitimate interests of the client testifies to their fair behaviour. At the same time, petitions to delay the case rather than to protect the client's rights and legitimate interests indicate abuse of right by the defender.

The current criminal procedure laws provide for sanctions that impose certain restrictions on any participant in the court investigation, including the defender, for abuse of right: 1) a warning about the inadmissibility of such behaviour; 2) removal from the courtroom; 3) imposition of a money penalty in the order established by Article 117 and 118 of the RF Code of Criminal Procedure. The Supreme Court of the Russian Federation in the Resolution of the Plenum also set another way of influencing the defender who abuses their procedural rights. It is an opportunity for the court not to recognise the right of the accused (defendant) to defence as violated when refusal to satisfy the petition or another restriction in the exercise of certain powers of the defender are caused by the clearly unfair use of these powers to the detriment of the interests of other subjects of criminal procedure relations.

However, with regard to ways to influence the defender who abuses rights, the mechanism for responding to the most typical situations of abuse of right must be given in law. At the same time, the law enforcer must act reasonably, so that the right does not turn from concrete and efficient to theoretical and illusory.

REFERENCES

1. Andreeva, O.I. (2015) Excessive use of subjective right in criminal proceeding: Problems of legal regulation. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of Samara Law Institute*. 2(16). pp. 9–13. (In Russian).
2. Ryabtseva, E.V. (2014) *Zloupotreblenie pravom v ugovnom sudoproizvodstve* [Abuse of right in criminal proceedings]. Moscow: Yurлитinform.
3. Russian Federation (2002) *On the advocacy in the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 29th October 2017). (In Russian).
4. Russian Federation (n.d.) *Code of professional ethics of the lawyer: adopted by the 1st All-Russian Congress of Advocates on January 31, 2003 (edited on April 20, 2017)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841. (Accessed: 29th October 2017). (In Russian).
5. Garnaev, Yu.P. (2005) *Nezakonnaya deyatelnost' advokатов v ugovnom sudoproizvodstve* [Illegal activity of lawyers in criminal proceedings]. Irkutsk: IPKPR GP RF.
6. Zaytseva, S.G. (2002) *“Zloupotreblenie pravom” kak pravovaya kategoriya i kak komponent normativnoy sistemy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Abuse of right as a legal category and a component of the regulatory system of the legislation of the Russian Federation]. Ryazan: Poverennyy.
7. Malinovskiy, A.A. (2000) *Zloupotreblenie pravom (Osnovy kontseptsii)* [Abuse of right (Fundamentals of the concept)]. Moscow: Yurлитinform.
8. Tishutina, I.V. (2007) K voprosu ob advokatakh kak o sub'ektakh protivodeystviya rassledovaniyu [To the issue of lawyers as subjects of counteraction to investigation]. In: Tishutina, I.V. et al. *Rassledovanie i protivodeystvie emu v sostyazatel'nom ugovnom sudoproizvodstve: protsessual'nye i kriminalisticheskie voprosy* [Investigation and counteraction to him in adversarial criminal proceedings: procedural and criminalistic issues]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 97–106.
9. Popov, V.S. (2005) *Uchastie advokata-zashchitnika v protsesse dokazyvaniya na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya i v sude pervoy instantsii* [Participation of attorney for the defense in the process of proving at the stage of preliminary investigation and in the court of first instance]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
10. Ignatov, S. (2008) Otsutstvie v UPK RF pravovogo regulirovaniya mekhanizma realizatsii podsudimym i osuzhdennym prava na priglasenie neskol'kikh zashchitnikov – probel v rossiyskom ugovno-protsessual'nom prave [The lack of the legal regulation of the mechanism for the exercise by defendants and convict of the right to invite several defenders in the Code of Criminal Procedure – a gap in the Russian criminal procedural law]. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 7. pp. 14–18.
11. Reznichenko, I. (2000) Podsudimyy vprave samostoyatel'no reshat', skol'ko emu nuzhno advokатов [The defendant has the right to independently decide how many defenders he needs]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1. pp. 43.
12. Supreme Court of the Russian Federation (2015) On the practice of courts applying legislation that provides the right to protection in criminal proceedings: Resolution

- № 29 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 9. (In Russian).
13. Golovnenkov, P. & Spitsa N. (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germanii – Strafprozessordnung (StPO): Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona* [Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany – Strafprozessordnung (StPO): Scientific and practical commentary and translation]. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam.
 14. Andreeva, O.I. (2016) The right to defense should be real, feasible and not illusory. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika*. 2016. 4. pp. 10–14. (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216678/7

Н.В. Комкова

К ВОПРОСУ О РОЛИ И СТАТУСЕ ДОЗНАВАТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассмотрены вопросы трансформации процессуальных полномочий дознавателя в уголовном судопроизводстве. Исследуются проблемные вопросы новелл в законодательстве, регламентирующих деятельность дознавателя.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, дознаватель, начальник органа дознания, прокурорский надзор, процессуальные полномочия.

Производство дознания по уголовным делам, по которым предварительное следствие не является обязательным, является основной уголовно-процессуальной функцией органа внутренних дел как органа дознания. Преступления, расследуемые в форме дознания, составляют основную массу возбужденных уголовных дел и насчитывают более 120 составов преступлений. Следовательно, дознаватель является значимой процессуальной фигурой в российском уголовном судопроизводстве.

УПК РФ впервые ввел в уголовное судопроизводство понятие дознаватель как самостоятельного участника и наделил его довольно обширным объемом полномочий и относительной процессуальной самостоятельностью. Определение понятия «дознаватель» содержится в п. 7 ст. 5 УПК РФ, согласно которому дознаватель – должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником

органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные Кодексом.

Вплоть до настоящего времени не изжиты рудименты в понимании функций и полномочий органа дознания и дознавателя, что выражается в некорректных отчетных формах, подготовленных надзорными ведомствами, а также в направляемых запросах о предоставлении статистической и иной информации. Несколько лет назад должностным лицом высокого ранга в СМИ была озвучена функция дознавателя только в разрезе производства административного расследования, что уж говорить об обывательском мнении о том, что дознаватель – это «помощник следователя», это тот, кто «занимается незначительными преступлениями, такими как кража мешка картошки», «заводит дела а потом передает их следователю». Однако введением Федерального закона от 23 июля 2010 г. № 172-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» законодатель определил возможность проведения дознания группой дознавателей (ст. 223.2 УПК РФ) несмотря на то, что до этого всегда считалось, что дознание (в отличие от предварительного следствия) проводится по менее сложным делам, для расследования которых не требуется создавать какие-либо группы. В 2016–2017 гг. в УМВД России по Томской области было создано порядка 10 групп под руководством дознавателя для расследования многоэпизодных дел, а также совершенных в области экологии. Кроме того, существует точка зрения, что дознание необходимо ликвидировать как форму предварительного расследования (В.А. Азаров, Н.А. Власова, Ю.В. Деришев, В.М. Лукин, В.М. Савицкий, М.Б. Эркенов, Н.А. Якубович). Авторы полагают, что дознание в качестве формы предварительного расследования необходимо упразднить, а под дознанием понимать только тот институт, который подразумевает только производство неотложных следственных действий. Но данная точка зрения не прослеживается в векторе изменений на законодательном уровне.

В теории уголовного процесса дознаватель рассматривается как подчиненный прокурору чиновник (чаще всего сотрудник полиции), задачей которого является сбор материалов для принятия прокурором решения о передаче материалов о возможном преступлении судебной власти. Функция полицейского дознавателя – это не что иное, как обособившаяся и ставшая самостоятельной часть функции прокурора.

Такое обособление выгодно как с точки зрения эффективности расследования (прокуратура в силу своей малочисленности не может расследовать все уголовные дела и не обладает достаточными возможностями для налаживания должного уровня взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность). Таким образом, о процессуальной самостоятельности дознавателя речи вообще нет. Кроме того, Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. N 440-ФЗ закреплено появление нового субъекта уголовно-процессуальных отношений – руководителя органа дознания:

– по своей сути новый субъект – это тот же самый начальник подразделения дознания, так как согласно ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ, он обладает теми же полномочиями, что и начальник подразделения дознания;

– руководитель органа дознания, видимо, планировался по подобию руководителя следственного органа, который взял некоторые полномочия прокурора: утверждает обвинительный акт или обвинительное постановление, возвращает уголовное дело дознавателю с письменным указанием о производстве дополнительного расследования, пересоставления обвинительного акта или обвинительного постановления, дает дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий и т.д. В Томской области за 3 месяца действия Федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ, наделенными полномочиями воспользовались два начальника органа дознания территориальных органов внутренних дел. Вместе с тем начальник подразделения дознания, впрочем как и органа дознания, до сих пор не упомянут в ч. 2 ст. 158 УПК РФ в числе лиц, наделенных правом внесения процессуального документа – представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, хотя, согласно ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ, безусловно, наделен такими полномочиями в том случае, если он возбуждает уголовное дело, принимает уголовное дело к своему производству и проводит дознание в полном объеме.

Таким образом, дознаватель процессуально находится под одновременным надзором и руководителя органа дознания, и начальника подразделения дознания, и прокурора, эффективно ли это, или вспомним всем известную поговорку «у семи нянек дитя без глаза». Думается, что повышать профессиональный уровень дознавателей их лич-

ную ответственность и дисциплинированность, как, впрочем, и иных должностных лиц правоохранительных органов целесообразнее другими методами: требованиями к образовательному уровню, его повышению, повышением уровня социальной защищенности, отсутствию «дискриминации» со стороны общественного мнения и пр.

Однако отдельные вносимые в законодательство изменения добавляют в уголовно-процессуальное регулирование дисбаланс, которого раньше не было. Например, Федеральный закон от 14 декабря 2015 г. № 380-ФЗ, повышая правовые гарантии дознавателя при обжаловании им указаний прокурора, предусматривает нетипичные меры. Если по общему правилу указания прокурора всегда были для дознавателя обязательными, а крайне редкие случаи несогласия дознавателя с прокурором не приостанавливали их исполнение, то теперь это стало не так однозначно. Хотя в целом ч. 4 ст. 41 УПК РФ продолжает говорить об обязательности указаний прокурора для дознавателя и обжалование вышестоящему прокурору этих указаний не приостанавливает их исполнение; тем не менее, это правило получило ряд исключений, которых ранее не существовало и которые связаны с институтом дознания в сокращенной форме (ч. 5 ст. 226 и ч. 5 ст. 226.8 УПК РФ).

В России полномочия следователя и дознавателя во многом аналогичны при некотором различии в объеме «процессуальной несамостоятельности».

Причина такого положения дел – в реформе судоустройства конца 1920-х – начала 1930-х гг., которой сопутствовал отход от традиционной концепции судебного доказывания. В результате российский дознаватель обрел целый ряд явно не свойственных ему полномочий, его функция и полномочия деформировались, а полицейская составляющая уголовного процесса усилилась [1].

Однако следует обратить внимание на то, что, осуществляя дознание, дознаватель производит определенные следственные действия, несмотря на это, в качестве субъекта их проведения УПК РФ указывает только следователя (ч. 1 ст. 164, ч. 1 ст. 168, ч. 1 ст. 169, ч. 2 ст. 182, ст. 189, 192 УПК РФ и др.). Получается, что ни одно из следственных действий дознаватель законно производить не вправе? Как справедливо отмечает А.А. Осипов, «отсюда теряется какой-либо смысл самого дознания, поскольку, являясь формой предварительного

расследования, оно исключает фактическую возможность проведения самого расследования, так как дознаватель, проводя любые следственные действия и нарушая тем самым действующий уголовно-процессуальный закон, превышает свои процессуальные полномочия» [2. С. 11].

Статьей, легитимирующей процессуальные действия дознавателя, является ч. 1 ст. 223 УПК РФ, в которой законодатель говорит о том, что дознание производится в порядке, предусмотренном гл. 21, 22, 24–29 УПК РФ. Тем не менее указанные главы не в полной мере охватывают действия дознавателя.

Что касается принятых решений дознавателями по уголовным делам, то в определенной степени дознаватель имеет процессуальную возможность инициировать процедуру освобождения лица от уголовной ответственности, что является спорной функцией органа предварительного расследования (например, Федеральным законом от 3.07.2016 г. № 323-ФЗ введена статья Уголовного кодекса Российской Федерации 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»). Однако в 2003 г. законодатель исключил из УПК РФ ст. 26 «Прекращение уголовного дела в связи с изменением обстановки» и переложил на суд решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности по указанному основанию в соответствии со ст. 80.1 УК РФ. Полагаю, что решения о форме, мере и объеме наказания должны принимать все-таки судебные органы, а не должностные лица, осуществляющие уголовное преследование с обвинительным уклоном.

На основании вышеизложенного возникает вопрос, какой линии законодатель придерживается: повышает ли процессуальную самостоятельность дознавателя или наоборот?

Если мы будем конкретизировать частные случаи, которые встречаются в уголовно-процессуальных отношениях, то этому не будет конца и края. Более конструктивным представляется подход к пониманию принципов уголовного процесса, общими закономерностями которыми руководствуется законодатель в ходе законотворческой деятельности. На примере полномочий дознавателя не прослеживается четкая линия статуса дознавателя, так как одной рукой процессуальные нормы наделяют дознавателя дополнительными возможностями, с другой сужают спектр полномочий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки // Информационный банк «Постатейные комментарии и книги». URL: <http://consultant.ru>
2. Осипов А.А. О субъектах, осуществляющих предварительное расследование в форме дознания по действующему уголовно-процессуальному законодательству РФ // Российский следователь. 2009. № 11. С. 11.

THE ROLE AND COMPETENCY OF THE INQUIRER IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Natalia V. Komkova, Russian Federation Internal Affairs Department in Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: komkova78@mail.ru

Keywords: criminal proceedings, inquirer, chief of inquiry body, prosecutor's supervision, procedural powers.

DOI: 10.17223/9785946216678/7

The paper highlights the problem of the inquirer's competency in the sphere of criminal proceedings according to the latest changes in the criminal law. The paper indicates the question of the reasonable basis to increase and to reduce the inquirer's powers. The research contains the analysis of legislation. A conclusion is made that there is no strict vector in this area.

REFERENCES

1. Golovko, L.V. (ed.) (2017) *Kurs ugovornogo protsessa* [Criminal Process]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/golovko_kurs_ugolovnogogo_processa/.
2. Osipov, A.A. (2009) On Subjects Effectuating Preliminary Investigation in the Form of Inquiry in Accordance with Current Criminal Procedure Legislation of the RF. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 11. pp. 11. (In Russian).

С.Л. Лонь

ПРОБЛЕМЫ СОГЛАСОВАННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ И ДЕЙСТВИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) И ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются проблемы, формируемые на основе действующего законодательства в практической деятельности следователей и дознавателей, работающих в соответствующих органах. Определяются условия организационной и процессуальной деятельности этих должностных лиц, которые они должны учитывать для согласования интересов государственного органа, расследования уголовного дела и обеспечения прав обвиняемого и потерпевшего в своих действиях и решениях.

Ключевые слова: организационно-управленческие решения, процессуальные действия, обеспечение прав обвиняемого, защита прав потерпевшего.

Что важнее для следователя и дознавателя при производстве следствия или дознания – обеспечение прав обвиняемого (подозреваемого) или защита прав потерпевшего? Каким образом увязать задачи и содержание их деятельности в рамках соответствующего органа с обеспечением прав обвиняемого (подозреваемого) и защитой прав потерпевшего и как согласовать организационно-управленческие и процессуальные действия и решения, необходимые по уголовному делу? При этом взаимосвязанные между собой положения закона находятся в обратном порядке п. 2 и п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ.

Названные вопросы поставлены не случайно. Они вскрывают внутренний механизм и мотивацию действий названных лиц и связь с их личными и профессиональными интересами, установками и указаниями начальников (руководителей), показателями и отчетными данными ведомств и органов, где они работают.

Если обратиться к уголовно-процессуальному закону и истории его становления и принятия, то можно вспомнить и найти литератур-

ные наработки политического, идеологического и правового характера относительно перевода советского розыскного уголовного процесса на состязательный (проект УПК 1996 г., Модельный кодекс и др.). Многими во главу угла при обсуждении вариантов УПК РФ ставилась доминанта «защиты прав обвиняемого (подозреваемого)» как реакция на репрессии и насилие «под крышей государства» в 30-е, конце 40-х, начале 50-х гг. и других периодов XX в., особенно обсуждаемая американскими учеными и представителями западной юридической науки. В какой-то степени это породило ситуацию в уголовном процессе с некоторым приоритетом прав обвиняемого (подозреваемого) и их защитой. Уже в то время высказывались критические замечания об ослаблении в уголовно-процессуальном законе защиты прав потерпевшего.

Заложенная в основу УПК РФ в конце 90-х – начале 2000-х гг. названная установка, спустя пройденное время, породила еще большее удаление защиты прав потерпевшего от реальных социальных отношений, особенно материального и морального характера. В связи с этим законодатель вынужден был неоднократно вносить изменения, в том числе и в редакцию ст. 42 УПК РФ.

В настоящее время внутренний и внешний механизм предварительного расследования стал наполняться выстраиванием интересов органов следствия и дознания, их должностных лиц, следователей и дознавателей, обвиняемых (подозреваемых), потерпевших и т.д. В цепочке и во взаимосвязи эти интересы еще дальше отодвигают защиту прав потерпевшего в рамках уголовного процесса. Правильно ли это? Социально обусловленная ли это тенденция? Несмотря на научные исследования и разработки вопросов о потерпевшем, гражданском иске в уголовном процессе, гражданском истце и других смежных вопросах, проблема приоритета и согласованности организационно-управленческих и процессуальных решений / действий по обеспечению прав обвиняемого (подозреваемого) и защите прав потерпевшего остается. К ней еще добавляется и фактическая ситуация с доминантой интересов следователя и показателей его работы, отчетными данными и результатами деятельности следственных органов или органов дознания.

Исходя из сказанного, напрашивается вывод, что следователь и дознаватель при согласовании организационно-управленческих и про-

цессуальных действий или решений вначале исходят из данных своей работы и ориентируются на свои показатели по уголовному делу, затем решают вопросы обеспечения прав обвиняемого (они более скандальны и контролируемы) и только потом обращаются к защите прав потерпевшего, особенно материального и морального характера. Должно ли так быть? Насколько логика законодательного закрепления защиты прав потерпевшего в такой ситуации учитывается и в какой степени развитие социальных отношений, связанных с преступлением, в данном случае обеспечивают или гарантируют реализацию положений ч. 1 ст. 46, ст. 52 и ст. 53 Конституции РФ в рамках уголовного процесса и в пределах процессуальных прав потерпевшего, предусмотренных, в частности, ст. 42 УПК РФ?

Организационно-управленческие решения руководителей следственных подразделений, их заместителей оказывают влияние на процессуальную деятельность следователя. Передача уголовных дел следователю, распределение нагрузки между следователями, решения о содействии в проведении следственных действий, поощрение и наказание, премии и денежные выплаты, очередные звания и продвижение по службе и так далее непосредственно влияют на организацию работы следователя, мотивировку своей деятельности, организацию и проведение предварительного следствия. Ориентиры показателей работы являются доминирующими в поведении следователя и корректирующими его уголовно-процессуальную деятельность. В таких условиях обеспечение прав обвиняемого (подозреваемого) отходит на второй план, если не возникает экстренных ситуаций. А защита прав потерпевшего становится третьестепенной, отдаленной задачей следственной деятельности. Может быть, это правильно, так и должно быть, если бы не п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ? Думается, что доминанта публичности уголовного процесса оказывает свое общее влияние на согласование организационно-управленческих и процессуальных действий / решений следователя. Однако не следует забывать, что в истории и в других государствах имел место быть и искомый вариант развития уголовного процесса, сохранившимся вариантом которого являются в современном уголовном процессе дела частного производства. Учитывая наличие объективного противоборства публичного и частного начала в уголовном процессе, проблема согласования организационно-управленческих и процессуальных дей-

ствий / решений следователя применительно к обеспечению прав обвиняемого или защите прав потерпевшего может то обостряться, то скрываться.

В организации уголовно-процессуальной деятельности и организации работы следственных органов это не учитывать нельзя. Поэтому необходимо сформулировать и использовать в практике условия выделения приоритета прав названных участников уголовного процесса:

1. Организационно-правовые условия: наличие специального государственного органа или его подразделения, ответственного за работу с преступлениями; наличие специального должностного лица государственного органа и нормативное закрепление прав и обязанностей следователя, дознавателя; внутренняя организация работы государственного органа с социальной информацией и населением соответствующей территории; характер и тяжесть преступления и его социально-резонансное значение в окружающем обществе; материально-организационные возможности следователя, дознавателя и государственного органа по расследованию; законодательное определение прав обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего и др.

2. Социально-профессиональные условия: доверие населения к следователю, дознавателю и органу, где они работают; добровольно-принудительный характер деятельности следователя (дознавателя); уровень образования и профессиональной подготовленности названных субъектов уголовно-процессуальной деятельности; противодействие или содействие расследованию со стороны обвиняемого (подозреваемого) или потерпевшего и др.

3. Уголовно-процессуальные условия: процессуальные обязанности и возможности следователя (дознавателя); наличие или отсутствие при расследовании уголовного дела обвиняемого (подозреваемого) или потерпевшего до их установления или придание им соответствующего процессуального статуса; проявление соответствующего интереса в реализации своих прав со стороны обвиняемого (подозреваемого) или потерпевшего в расследовании дела или возмещении вреда причиненного преступлением и др.

Говоря о названных условиях, автор не претендует на то, что нет других или не могут быть использованы иные аспекты и варианты прикладного, практического характера или более общего теоретического или организационного уровня.

Вместе с тем из уже изложенного можно принять, что несмотря на принципиальные предписания п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, добраться в уголовном процессе до защиты прав потерпевшего не просто. Может быть поэтому в отдельных странах (Япония), в отдельный период (в России в конце 90-х гг.) предпринимались попытки компенсировать вред от преступления потерпевшему за счет государства, переложив тем самым на него ответственность за преступление и обязанность возместить вред.

К сожалению, динамика развития уголовного процесса такова, что права обвиняемого и потерпевшего появляются в нем тогда, когда сочтет это необходимым следователь (дознатель), а соответственно, тогда и появляется потребность работы с ними.

Взгляд из вне и соответствующий подход к анализу работы органов СК России, МВД России и их сотрудников следственных подразделений предполагают необходимость отталкиваться от социальных показателей их внутриведомственной и уголовно-процессуальной деятельности с учетом интересов населения и государства. При определенных социальных условиях жизни на конкретной территории субъектов РФ и проживающих на ней жителей необходима более гибкая согласованность интересов следственных подразделений СК и МВД России и населения в решении организационно-управленческих и уголовно-процессуальных вопросов.

Теоретический подход к изучению и исследованию практических явлений имеет большое значение при подготовке специалистов, определении социальной ценности и общественной оценки деятельности органов и сотрудников СК и МВД России, принимающих в рамках предоставленных им прав и возложенных обязанностей решения государственной, территориальной масштабности и личной, ведомственной или общегосударственной значимости.

Обсуждение ведомственных проблем с социальных позиций, выявление научно-теоретических основ практических вопросов деятельности органов и сотрудников являются одним из шагов к совершенствованию деятельности СК и МВД России.

Используя взгляд со стороны и подчеркивая социально значимый аспект расследования, следует подчеркнуть, что выделенные условия составляют социально-правовую базу, которая лежит в основе согласования организационно-управленческих и процессуальных дей-

ствий / решений следователей (дознателей), а условия должны учитываться также при формировании, принятии и реализации решений в деятельности руководителей подразделений названных ведомств.

PROBLEMS OF THE CONSISTENCY OF ORGANISATIONAL MANAGERIAL AND PROCEDURAL DECISIONS AND ACTIONS FOR ENSURING THE RIGHTS OF THE ACCUSED AND PROTECTING THE RIGHTS OF THE COMPLAINANT IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Sergey L. Lon, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lonssl@mail.ru

Keywords: organisational managerial decisions, procedural actions, ensuring rights of the accused, protection of rights of complainant.

DOI: 10.17223/9785946216678/8

The paper aims to identify problems between the organisational managerial and criminal procedure activities of the investigative divisions of the Investigative Committee and the Ministry of Internal Affairs of Russia in ensuring the rights of the accused and protecting the rights of the complainant. Analysis of the constitutional, organisational and criminal procedural legislation, the practical activities of bodies and officials, a comparative and historical analysis of the issues of state power, publicity, the protection of the rights of specific participants in the criminal procedure, a systemic approach to the formation of interests of different levels within the state and the disclosure of the conditions for their formation allowed the author to determine the internal mechanism of criminal procedure relations and the conflict of interests, including within the investigation divisions of these bodies and within the state.

The paper proposes to take into account and use certain conditions for the coordination of conflicting interests in the emerging organisational managerial and procedural relations.

1. Organisational legal conditions: a special government body or its unit responsible for dealing with crimes; a special official of a state body and the regulatory fixing of the rights and duties of the investigator, inquirer; internal organisation of the work of a state body with social information and the population of the corresponding territory; the nature and gravity of the crime and its socially resonant significance in the surrounding society; material and organisational capabilities of the investigator, the inquirer and the government investigative body; legislative fixing of the procedure for the appearance of participants in the criminal procedure – the accused (suspect) and the complainant, determination of their status and specific rights to be secured and protected, etc.

2. Social professional conditions: public trust in the investigator, the inquirer and the body where they work; the voluntary-compulsory nature of the investigator's (inquirer's) activities; their level of education and professionalism; counteraction or assistance to the investigation by the accused (suspect) or the complainant, etc.

3. Criminal procedure conditions: procedural duties and capabilities of the investigator (inquirer); presence or absence in the investigation of the criminal case of the

accused (suspect) or the complainant prior to their establishment or giving them an appropriate procedural status; manifestation of the corresponding interest in the exercise of their rights by the accused (suspect) or the complainant in the investigation of the case or in compensation for the harm caused by the crime, etc.

Discussion of departmental problems from social positions, identification of theoretical and practical issues of the activities of bodies and employees is one of the steps to improve the activities of the Investigative Committee and the Ministry of Internal Affairs of Russia.

DOI: 10.17223/9785946216678/9

А.С. Лукомская

ФУНКЦИИ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В статье исследуются вопросы функций потерпевшего, субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Проводится анализ объективной и субъективных функций потерпевшего, с учетом его субъективных целей, достижение которых осуществляется за счет субъективных задач, решения конкретных вопросов в процессе взаимодействия участников уголовно-процессуальных отношений. Результаты исследования показали, что субъективные функции, цели и задачи потерпевшего в уголовном судопроизводстве – это средства удовлетворения его личного ведущего интереса (потребности), иначе как объективная функция исходит из интереса публичного.

Ключевые слова: потерпевший, уголовно-процессуальная функция, субъект уголовно-процессуальной деятельности, субъективные уголовно-процессуальные цели и задачи.

Потерпевший является участником уголовно-процессуального правоотношения, сложной системы связей и взаимодействий, которые всегда основаны на потребностях, интересах и функциях участников.

Понятие «функция» по своей природе полисеманлично. В уголовном процессе понятие функции может быть рассмотрено применительно к конкретному участнику и в объективном, и субъективном смыслах. Поэтому для формирования подхода к понятию уголовно-процессуальной функции потерпевшего был выбран так называемый объективно-субъективный подход, согласно которому, без возбуждения спора о

наличии или отсутствии в уголовном процессе принципа состязательности сторон, с выделенными тремя объективными функциями: обвинения, защиты и разрешения дела, мы исходим из того, что объективные функции, закрепленные в ст. 15 УПК РФ, очерчиваются границами конституционных гарантий: о состязательности и равноправии сторон в уголовном судопроизводстве (ст. 123), об охране прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, обеспечении доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба (ст. 52), а также объективными целями уголовного процесса: 1) защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и 2) защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ).

Объективные функции уголовного процесса состоят из множества субъективных функций участников уголовного судопроизводства, как *часть и целое*. Как верно отметила А.П. Гуськова, «ограничиваться сегодня наличием обозначенных трех функций явно будет не совсем правильно, поскольку система уголовно-процессуальных функций может дифференцироваться в зависимости как от специальных, так и частных целей, а также от стоящих задач уголовного судопроизводства» [1. С. 22].

Можно предположить, что субъективные функции потерпевшего выражаются, или иначе раскрываются, через субъективные цели (уголовно-процессуальную деятельность), которые могут быть достигнуты посредством субъективных задач (решение конкретных вопросов, в процессе взаимодействия участников уголовно-процессуальных отношений). В основе объективной функции потерпевшего лежит публичный интерес, в основе субъективной функции потерпевшего – личный интерес. И если объективная функция потерпевшего представляет собой направление деятельности, то субъективная функция потерпевшего – конкретную деятельность, реализуемую через многообразные цели и задачи.

Не затрагивая более сложный вопрос объективной функции потерпевшего как направления деятельности, я позволю себе охарактеризовать субъективную функцию потерпевшего как конкретную деятельность, исходящую из его уголовно-процессуальных целей, к которым он стремится, и задач, с помощью которых он их достигает, посредством реализации своих субъективных прав.

Конечно, субъективные функции потерпевшего в уголовном судопроизводстве нельзя рассмотреть только исходя из его уголовно-процессуальных целей, к которым он стремится, и задач, с помощью которых он их достигает, поскольку это становится возможным при наличии у потерпевшего *субъективных прав*.

Субъективные функции потерпевшего в уголовном судопроизводстве многообразны, многочисленны и многоаспектны. В этом смысле имеет значение: категория дела; конкретная конфликтная ситуация в рамках уголовного дела по определенному виду преступлений с его спецификой и особенностями; позиция потерпевшего о его субъективной функции в уголовном процессе; способ вовлечения в уголовно-процессуальные отношения и т.д.

Субъективные функции потерпевшего можно дифференцировать исходя из целей, задач, субъективных прав, а также исходя из первичного личного интереса потерпевшего, как, например, стремление к изобличению и справедливому наказанию виновного, стремление к охране своих личных и имущественных прав. Субъективные функции потерпевшего характеризуются совокупностью действий и решений в рамках выполнения конкретных задач, объединенных одной целью.

Одна из субъективных функций потерпевшего в уголовном судопроизводстве – правосстановительная. Она заключается в конкретной деятельности по преодолению несоответствия существующей жизненной ситуации, например причиненного вреда или нарушенного права. Правосстановительная субъективная функция потерпевшего включает в себя цель, например, восстановление прав, охраняемых гражданским, уголовным законодательством: возмещение имущественного и компенсация морального вреда, возмещение вреда, причиненного преступлением. Для этого в уголовном судопроизводстве потерпевший, реализуя свои субъективные права: на участие в доказывании, на обеспечение объективного и беспристрастного хода уголовного судопроизводства, на дачу показаний и др., последовательно решает задачи, связанные с этой целью.

Наряду с целями, субъективные права отграничивают функции этого участника уголовно-процессуальных отношений от функций иных участников и не позволяют их смешения, служат определению места и роли каждого участника. Например, можно разграничить обвинительную функцию прокурора и обвинительную функцию потер-

певшего, которые имеют разные цели и задачи, реализуемые конкретными субъективными правами. Возможность потерпевшего отказаться от обвинения, а также реализации конкретных субъективных прав, в отличие от прокурора, указывает на границу, разделяющие функции этих двух участников уголовно-процессуальных отношений.

Кроме правосстановительной функции потерпевшего, функции обвинения, уголовного преследования, можно выделить превентивную субъективную функцию потерпевшего, например, как по делу о семейном насилии и угрозе убийством, в котором жена, вовлеченная в уголовно-процессуальные отношения, сформулировала свое отношение против функции обвинения и правосстановительной функции. Соответствующих целей не имела, и задач не ставила, потому отказывалась от реализации своих субъективных прав. В действительности имела целью предупредить совершение противоправных деяний, для этого принимала конкретные решения и осуществляла действия, направленные на устрашение. Выступая в прениях, потерпевшая указывала, что не считает подсудимого виновным, не желает ему назначение наказания, поскольку полагает, что сам процесс для него является предупреждением, превентивной мерой.

По результатам проведенного исследования сформирован ряд выводов:

1. В соотношении субъективных функций, целей и задач потерпевшего от преступления можно выделить характерные особенности:

- задачи обуславливают само существование функций потерпевшего;
- задачи определяют содержание функции потерпевшего;
- задачи оказывают влияние на способы, формы и методы реализации функций;
- без определения функций потерпевшего в уголовном судопроизводстве не может быть решена ни одна его задача;
- одна и та же функция потерпевшего может решать ряд задач потерпевшего, также как одна и та же задача может определять различные его функции;
- функции потерпевшего динамичны и трансформируются, преобразуются в зависимости от изменений объективных функций уголовного процесса;
- цель потерпевшего можно рассматривать как прогнозируемый, планируемый полезный результат его деятельности, к которой он

стремится; как некий мотив, отражающий и направляющий функционирование потерпевшего в уголовном судопроизводстве, характер и последовательность выполняемых им задач;

– цели потерпевшего формируют систему субъективных функций этого участника уголовного судопроизводства и др.

2. Причинно-следственная связь между функциями, целями и задачами потерпевшего в уголовном судопроизводстве представляется следующим образом:

– функция потерпевшего – это его непосредственная уголовно-процессуальная деятельность, характеризующаяся его правовым статусом;

– цель потерпевшего в уголовном процессе зависит от объективной действительности, в которой он находится, а также от сознательно-волевой составляющей;

– задача потерпевшего в уголовном процессе представляет собой этап в достижении поставленной цели;

– цель потерпевшего определяет основную причину вовлечения в уголовно-процессуальные отношения посредством реализации своих субъективных прав.

3. Субъективная функция потерпевшего в уголовном судопроизводстве – социально-правовое явление, обладающее свойством динамичности, трансформирующееся исходя из политических, экономических, социальных, а главное культурных преобразований и естественных изменений в государстве.

4. Субъективная функция, цель, задача и субъективные права потерпевшего в уголовном судопроизводстве – это средства удовлетворения его личного ведущего интереса (потребности), иначе как объективная функция исходит из интереса публичного. Объективная функция потерпевшего в уголовном процессе будет определяться в каждом конкретном случае исходя из совокупности его субъективных функций, осуществляемых через реализацию субъективных прав, в рамках выполнения конкретных задач, объединенных определенными целями. В основе разделения объективной и субъективной функций потерпевшего может лежать публичный и частный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуськова А.П. К вопросу об уголовно-процессуальной функции следователя // Вестник ОГУ. Март 2013. № 3 (152). С. 22.

THE FUNCTIONS OF THE COMPLAINANT IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA

Anastasia S. Lukomskaya, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation).
E-mail: nastasia5555@mail.ru

Keywords: complainant, criminal procedure function, subject of criminal procedure activities, subjective criminal procedure goals and tasks.

DOI: 10.17223/9785946216678/9

The study of the complainant's function in the criminal proceedings of Russia was conducted based on the doctrine of the subject of criminal procedure activities. To form an approach to the concept of subjective criminal procedure function of the complainant, the so-called objective-subjective approach was chosen. Without discussing the existence or absence in the criminal procedure of the adversarial principle, with the three objective functions of the criminal procedure (prosecution, defence and resolution of the case) and the fact that the objective functions enshrined in Article 15 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are delimited by the boundaries of constitutional guarantees on competitiveness and equality of parties in criminal proceedings and objective tasks of the criminal procedure, a conclusion is drawn that the subjective function of the complainant in criminal proceedings is a social and legal phenomenon that possesses the property of dynamism and transforms on the basis of political, economic, social and, most importantly, cultural and natural changes in the state.

The subjective function, goal, task and subjective rights of the complainant in criminal proceedings are means of satisfying their personal leading interest (need), otherwise an objective function of the public. The objective function of the complainant in the criminal procedure is determined in each specific case, proceeding from their subjective function carried out through the exercise of subjective rights, in the performance of specific tasks united by a specific goal. The correlation of subjective functions, goals and tasks of the complainant has the following features. Tasks determine the existence of the functions of the complainant and the content of the complainant's function. Tasks affect the ways, forms and methods of implementing functions. Without determining the functions of the complainant in criminal proceedings it is impossible to solve tasks. The same function of the complainant can solve a number of the complainant's tasks and the same task can determine the complainant's various functions. The complainant's goal can be viewed as a predictable planned beneficial result of their activities to which they aspire; as a certain motive that reflects and directs the functioning of the complainant in criminal proceedings, the nature and sequence of their tasks. The complainant's goals form a system of subjective functions of this participant in criminal proceedings, etc.

REFERENCES

1. Guskova, A.P. (2013) On the criminal investigator procedural functions. *Vestnik OGU – Vestnik of the Orenburg State University*. 3(152). pp. 22. (In Russian).

А.Д. Назаров, А.С. Шагинян

РОЛЬ ПРОКУРОРА В УСТРАНЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОШИБОК

В статье рассматривается прокурорский надзор в досудебном производстве по уголовным делам как эффективный способ выявления и устранения следственных ошибок. Делается обоснованный вывод не только о необходимости расширения надзорных полномочий прокурора, но приданию функции процессуального руководства за предварительным следствием полноценного характера. В результате исследования сделаны конкретные законодательные предложения, принятие которых позволит минимизировать допущение следственных ошибок.

Ключевые слова: предварительное расследование, прокурорский надзор, процессуальное руководство, следственные ошибки.

В современной юридической литературе нередко органы прокуратуры не относят ни к одной из ветвей государственной власти: ни к законодательной (представительной), ни к исполнительной, ни к судебной. Считается, что это отдельная, обособленная структура федеральных государственных органов. Основное назначение прокуратуры заключается в том, что она устанавливает любые нарушения законов, от какой бы власти, должностных лиц этой власти они ни исходили, и принимает меры к их устранению [1. С. 5].

Специфика органов прокуратуры, по обоснованному, на наш взгляд, мнению В.Б. Ястребова, заключается в том, что «прокуратура является единственным государственным органом, для которого надзор за исполнением законов составляет смысл, сущность и основу деятельности» [2. С. 17].

В соответствии с действующим законодательством следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания ведомственно не подчинены прокурору. В устоявшейся системе органов уголовной юстиции на прокурора возложена миссия руководителя уголовно-процессуальной деятельности с наделением его соответствующим для выполнения этой миссии набором надзорных полномочий.

В настоящее время прокурор в полной мере не осуществляет процессуального руководства следователями: в прокуратуре теперь нет собственного следственного аппарата, прокуроры не осуществляют расследование уголовных дел, а процессуальное руководство следователем возложено на руководителя следственного органа.

Вместе с тем в современной модели прокурорского надзора прокурор процессуально руководит дознавателем, начальниками подразделения дознания и органа дознания. Это в определенной степени парадокс, когда по сложным уголовным делам (о тяжких и особо тяжких преступлениях), подследственным следователям, прокурор урезан в надзорных функциях, а по малозначительным делам, подследственным дознавателю (органу дознания), он обладает всеми полномочиями по процессуальному руководству дознанием. Но в контексте выявления, исправления и предупреждения ошибок дознавателя (по сути – следственных ошибок¹) такое процессуальное руководство со стороны прокурора только на пользу дела.

На наш взгляд, прокурор должен в пределах предоставленных ему полномочий процессуально руководить и предварительным следствием, и дознанием. В данной связи прокурорский надзор за предварительным расследованием, представляющий собой сложный организационно-правовой механизм, должен включать в себя определенные компоненты:

- реализацию прокурором полномочий руководителя уголовно-процессуальной деятельностью через осуществление процессуального руководства всем предварительным расследованием;

- реализацию прокурором полномочий по осуществлению надзора за исполнением законов всеми должностными лицами органов предварительного следствия и дознания.

В отличие от судебного контроля прокурорский надзор, как и ведомственный контроль, осуществляется начиная с этапа возбуждения уголовного дела и далее в течение всего досудебного производства вплоть до передачи уголовного дела в суд, т.е. *перманентно (непрерывно)*.

¹ По нашему мнению, содержательной разницы между процессуальными фигурами следователя и дознавателя нет, поэтому их отождествление в этой части допустимо.

Современный прокурорский надзор в части выявления, исправления и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве играет особую роль. Реформы, проводимые в последние годы, существенно ослабили влияние прокурорского надзора в уголовном процессе. Однако и сейчас прокурорская власть могущественна. По мнению В.К. Гавло и Н.А. Дудко, «наиболее эффективной формой контроля за предварительным расследованием является прокурорский надзор: он обеспечивает более быстрое выявление и устранение пробелов и ошибок расследования» [3. С. 75].

Среди ученых-правоведов идет дискуссия по поводу современного процессуального статуса прокурора в уголовном судопроизводстве. Часть ученых – это сторонники полного или частичного восстановления утраченных прокурором полномочий по надзору за предварительным следствием [4. С. 76; 5. С. 60; 6. С. 7].

Ряд видных процессуалистов высказывали и продолжают высказывать серьезную тревогу по поводу сворачивания властно-распорядительных полномочий прокурора при осуществлении им надзора за предварительным следствием. По мнению А.Б. Соловьева, «внесение изменений в УПК РФ превращает прокурора в декоративную фигуру, лишенную возможности реально осуществлять надзор за исполнением законов следователями. Образовался своего рода процессуальный вакуум для реализации надзорной функции. Более того, принятыми решениями законодатель практически ликвидировал функцию надзора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства» [7. С. 14]. Другие ученые считают, что возврат к «прокурорскому дознанию» невозможен [8. С. 55]. В.С. Шадрин высказывается за сильную обвинительную власть, прежде всего в лице прокурора, в целях эффективного преследования лиц, совершивших преступления [9. С. 12]. А.С. Барабаш полагает, что прокурор приходит в процесс не как обвинитель, а как представитель органа надзора, поскольку ни в рамках процессуального руководства расследованием, ни в рамках утверждения обвинительного заключения по делу прокурор не участвовал в исследовании доказательств [10. С. 40–45].

В рамках проведенного нами исследования практические работники, отвечая на вопрос «При каких формах контроля (субъектах контроля): самоконтроль следователя, ведомственный контроль руководителя следственного органа, прокурорский надзор со стороны

надзирающего прокурора, судебный контроль суда на досудебных стадиях, деятельность суда на судебных стадиях, деятельность адвоката – наиболее эффективно выявляются ошибки следователя и дознавателя?», расположили надзирающего прокурора в порядке рейтинга таким образом:

- судьи поставили прокурора на первое место (чаще всего);
- работники прокуратуры также определили надзирающему прокурору первое место (чаще всего);
- следователи, руководители следственного органа отнесли прокурора на третье место из шести субъектов контроля;
- адвокаты определили надзирающему прокурору четвертое место в рейтинге эффективности из числа шести контролеров¹.

Соответственно есть все основания сделать вывод о том, что прокурорский надзор двумя «особо статусными» субъектами уголовно-процессуальной деятельности признан самым эффективным средством в выявлении, исправлении и предупреждении ошибок, а позиция иных субъектов уголовно-процессуальной деятельности – следователей, руководителей следственного органа, адвокатов, «не отдавших прокурору первое место», – показывает необходимость совершенствования технологий прокурорского надзора. Тем более, что имеются серьезные причины, снижающие его эффективность: 61,1% прокурорских работников и 33,3% судей считают, что прокурор располагает недостаточным объемом процессуальных полномочий в осуществлении прокурорского надзора за предварительным расследованием уголовных дел; 56,4% следователей и руководителей следственных органов, 44,4% судей, 27,8% адвокатов низкую эффективность прокурорского надзора видят в том, что значительное количество прокурорских работников в настоящее время не имеет опыта следственной работы; 40,7% адвокатов, 33,3% следователей связывают снижение эффективности прокурорского надзора с осуществлением его в условиях конфликтного взаимодействия органов следствия и прокуратуры; 90,2% адвокатов, 59,0% следователей и руководителей следственных органов, 38,9% судей видят сбой в прокурорском

¹ В данной статье приведены результаты анкетирования судей, работников прокуратуры и следствия, адвокатов, которое провели авторы в Красноярском, Хабаровском, Ставропольском краях, республиках Хакасия и Бурятия.

надзоре в его ненадлежащей организации («работа на показатели», «отсутствие постоянного взаимодействия в работе со следователями и дознавателями» и др.). Коррупционную составляющую в деятельности прокуроров, препятствующую эффективному прокурорскому надзору, усмотрели лишь 5,1% опрошенных следователей.

В России в 2011–2016 гг. ежегодно в *досудебных стадиях уголовного судопроизводства* прокуроры выявляли от 4 до 6 млн нарушений закона [11]. Из них более половины – это нарушения при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении. Следовательно, именно прокурорская деятельность не позволила должностным лицам органов уголовной юстиции скрыть от учета преступления.

В 2011–2016 гг. ежегодно прокурорами лично и по их инициативе было *отменено* от 2,3 до 2,6 млн постановлений дознавателей и следователей об отказе в возбуждении уголовного дела. Эти цифры свидетельствуют о наступательной деятельности прокуратуры в выявлении, исправлении и предупреждении следственных ошибок на стадии возбуждения уголовного дела. Но в то же время анализ указанной ситуации дает основания полагать, что на практике действует специфический «технологический конвейер», позволяющий дознавателям и следователям использовать данное прокурорское полномочие для увеличения сроков (в силу различных причин) на этапе возбуждения уголовного дела.

Интересно отметить, что статистика отмен прокурором постановлений о возбуждении уголовного дела на порядок меньше приведенной выше: в 2011–2016 гг. в России прокуроры отменили от 19 до 35,5 тыс. постановлений дознавателей и следователей о возбуждении уголовного дела. Это наглядно показывает, что прокуроры при проведении следственной, а не доследственной проверки, видят снижение вероятности допущения следственных ошибок.

Заметим, что в настоящее время продолжает оставаться актуальным вопрос о возвращении прокурору полномочия своим собственным постановлением *возбуждать уголовные дела* и передавать их дознавателю, следователю для производства расследования. Опрошенные нами 44,4% прокурорских работников, 27,8% судей, 20,3% адвокатов, 17,9% следователей и руководителей следствия положительно высказались о полномочии прокурора возбуждать уголовное дело (уголовное преследование).

В настоящее время у прокурора имеется полномочие выносить мотивированное *постановление о направлении соответствующих материалов* в следственный орган или орган дознания для решения вопроса о производстве расследования по фактам выявленных им нарушений уголовного законодательства (заметим, что именно у прокурора сосредоточивается значительный объем информации по применению сотрудниками правоохранительных органов недозволенных методов деятельности; о нарушениях законности в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина, охраны труда, экономики, ЖКХ, федеральной безопасности, межнациональных отношений и экстремизма, борьбы с коррупцией и др.).

К примеру, в 2011–2016 гг. ежегодно в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в органы предварительного следствия прокурор направлял от 28,7 до 34,2 тыс. материалов. Следователями же было возбуждено от 24,5 до 26,1 тыс. уголовных дел. Это один из аргументов в пользу возвращения прокурору полномочия самому возбуждать уголовные дела.

Прокурор имеет право выставить *требование* органам дознания и следственным органам по устранению нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия, и соответственно рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора, принимать по ней решение. В 2011–2016 гг. в России прокуроры предъявили органам предварительного следствия большое количество требований об устранении нарушений законодательства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ: в 2011 г. – 83 223 требования, в 2012 г. – 115 594, в 2013 г. – 147 337, в 2014 г. – 184 300, в 2015 г. – 215 246, в 2016 г. – 216 076 требований.

В соответствии с ч. 2-1 ст. 37 УПК РФ прокурор по мотивированному письменному запросу имеет право *знакомиться с материалами* находящегося в производстве у следователей уголовного дела. Половина опрошенных в ходе исследования (50,6% работников прокуратуры, 50,4% адвокатов, 50,0% судей) считают важным, чтобы надзирающий прокурор имел право в любой момент запрашивать у следователя материалы уголовного дела для изучения и выставления требований об устранении нарушений законности и дачи письменных указаний по уголовному делу: существующее в действующем законодательстве полномочие прокурора о запросе у следователя через соответ-

ствующее мотивированное постановление материалов уголовных дел имеется, но в рамках дальнейших действий прокурора после изучения уголовного дела говорится о требованиях прокурора по устранению нарушений законности, однако речь не идет о письменных указаниях прокурора по уголовному делу. Полагаем, что было правильно в контексте выявления, исправления и предупреждения следственных ошибок предоставить надзирающему прокурору право давать дознавателям и следователям *обязательные* для них *письменные указания по всем аспектам* производства предварительного расследования.

Именно *прокурор утверждает обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление* по уголовному делу. При поступлении от следователя, дознавателя расследованного уголовного дела надзорная деятельность прокурора по его проверке с целью выявления следственных ошибок приобретает особое значение. Ведь утверждая обвинительное заключение (обвинительный акт, обвинительное постановление), прокурор фактически берет на себя ответственность за то, что в уголовном деле нет следственных ошибок и оно может быть рассмотрено судом.

Представляется чрезвычайно важным, чтобы прокурор, изучая дело и утверждая обвинительное заключение (обвинительный акт, обвинительное постановление), получил положительный ответ на вопрос: «Имеется ли в деле достаточная совокупность относимых, допустимых, достоверных доказательств, позволяющих доказать в суде виновность обвиняемого – как не признающего свою вину, так и признающего, если вдруг в суде он изменит свои показания или откажется от них?».

В этой связи было бы вполне оправданно в законодательном или ведомственном порядке с целью минимизации ошибок, особенно фундаментальных, обязать прокуроров на заключительном этапе расследования по определенной категории дел (особо тяжкие и тяжкие преступления; в случае непризнания обвиняемым своей вины; по делам, где обвиняемый содержится под стражей) проводить наедине или с защитником беседу с обвиняемым по результатам расследования дела, основным содержанием которой стало бы выяснение вопросов: считает ли обвиняемый свою вину доказанной, почему он не признает или признает частично себя виновным, не применялись ли к нему со стороны следователя, дознавателя, сотрудников полиции не-

законные методы ведения следствия, был ли у обвиняемого со следователем, дознавателем психологический контакт, разъяснялись ли обвиняемому его права, было ли ему обеспечено право на защиту, имеет ли он какие-либо просьбы, ходатайства и др.

Говоря о действенном прокурорском надзоре за предварительным расследованием уголовных дел, обеспечивающим выявление, исправление и предупреждение следственных ошибок, отметим, что такой надзор не может строиться лишь по документам и докладам следователя, дознавателя. Живое общение с центральной фигурой уголовного процесса – обвиняемым – подчас может оказаться более эффективным в достижении назначения уголовного судопроизводства.

К тому же для этого нет и организационных препятствий: по УПК РФ обвинительные документы вручает обвиняемому не суд, а прокурор (ст. 222, 226 УПК РФ): вручение обвиняемому этих знаковых итоговых процессуальных документов по поручению (чаще всего устному) прокурора следователями, дознавателями, а не самим прокурором, является незаконной и порочной практикой. Также порочна практика вручения обвиняемому обвинительных документов (заключения, акта, постановления) секретарями канцелярии прокуратуры. А уж тем более недопустимы случаи, когда уголовное дело от следователя, минуя прокуратуру, поступает в суд, а прокурор лишь утверждает обвинительные документы, не изучая материалы уголовного дела.

Прокурор в предусмотренных законом случаях *возвращает уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков*. Изучив уголовное дело, поступившее к нему с итоговым решением следователя, дознавателя (с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением, постановлением о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по различным основаниям, постановлением о приостановлении предварительного расследования), и выявив следственные ошибки, прокурор не только имеет возможность, а по сути обязан вернуть его для производства дополнительного расследования со своими указаниями по ходу доследования. Нет сомнений, что возвращение уголовного

дела прокурором на доследование – мощный фильтр устранения следственных ошибок на стадии предварительного расследования, гарантия направления в дальнейшем (после производства дополнительного расследования) в суд уголовного дела, не содержащего следственных ошибок.

Актуальность возвращения на доследование уголовного дела именно прокурором и именно на стадии предварительного расследования в настоящее время вызвана и тем, что из сферы судебного разбирательства институт возвращения судом (судьей) уголовного дела для производства дополнительного расследования юридически вытеснен, хотя возвращение судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом есть, по нашему глубокому убеждению, не что иное, как «завуалированная» форма возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования.

Разрешение прокурором жалоб и заявлений участников процесса (ст. 124 УПК РФ) – один из эффективных способов выявления нарушений закона по уголовным делам. Расследование уголовного дела, особенно если по нему не установлены лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых, если совершенное преступление приобрело особый общественный резонанс, если следователи, дознаватели допускают волокиту, грубость, бюрократизм, личную заинтересованность, непрофессионализм, нередко сопровождается большим количеством жалоб и заявлений от подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, их родственников, защитников и представителей, от других участников процесса. В 2011–2016 гг. прокуроры в порядке ст. 124 УПК РФ ежегодно рассматривали от 326 до 400 тыс. жалоб граждан на действие (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя при принятии, регистрации и рассмотрении сообщения о преступлении; от 245 до 266 тыс. жалоб по вопросам проведения следствия и дознания.

По результатам рассмотрения жалобы прокурор выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в удовлетворении. Но в любом случае у заявителя есть право обжаловать данное постановление прокурора вышестоящему прокурору и / или в суд. Вдумчивое, законное и справедливое разрешение прокурором таких жалоб и заявлений посредством проверки так

называемых отказных материалов и материалов уголовных дел, личных встреч с лицами, подавшими жалобу, заявление, использование других методов надзорной деятельности в конечном счете позволяют вести расследование уголовного дела в строгом соответствии с требованиями закона.

Самым распространенным способом процессуального реагирования прокурора на серьезные недостатки в деятельности руководителя следственного органа, как показали результаты нашего исследования, является *представление* в адрес вышестоящего руководителя следственного органа. Внося в адрес руководства следственных аппаратов и органов дознания представления об устранении выявленных нарушений, причин и условий, которые этому способствовали, прокурор может поставить, в числе прочего, вопрос о дисциплинарном наказании конкретных следователей (дознавателей), допустивших нарушения закона при расследовании уголовных дел.

В 2011–2016 гг. прокуроры ежегодно вносили от 86,6 до 102,3 тысяч представлений и информации в адрес руководителей органов дознания и предварительного следствия об устранении нарушений законности на досудебных стадиях уголовного процесса. В этот же период ежегодно от 93,5 до 145,3 тыс. должностных лиц органов дознания и предварительного следствия по инициативе прокурора были привлечены к дисциплинарной ответственности. Использование прокурором в необходимых случаях этого полномочия, неблагоприятные последствия для следователей, дознавателей (в служебном, материальном, моральном плане) при наложении дисциплинарных наказаний, заставляют их вести расследование уголовных дел в соответствии с законом, избегая следственных ошибок.

При проверке наличия законных оснований к *прекращению уголовного дела (уголовного преследования)* прокурор обязан убедиться в том, что в материалах уголовного дела есть письменное согласие обвиняемого и другие, необходимые условия для его прекращения, предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законодательством. Полезным было бы на ведомственном уровне обратить внимание прокурора на возможность при прекращении дела по *неразрешимым* основаниям лично провести беседу с лицом, совершившем общественно опасное деяние, чтобы убедиться в его согласии на прекращение дела, в знании им последствий такого прекраще-

ния, в первую очередь, о возможности предъявления к нему со стороны заинтересованных лиц иска в порядке гражданского судопроизводства. Такая встреча имела бы для обвиняемого профилактическое значение, а для прокурора служила бы гарантией того, что какие-либо следственные ошибки по делу исключены. В этой связи отметим, что в 2011–2016 гг. прокурорами или по их инициативе ежегодно было отменено от 24,7 до 31,7 тыс. постановлений о прекращении уголовных дел.

Многолетняя практика изучения прокурором *приостановленных* уголовных дел также показала свою эффективность, особенно по нераскрытым (так называемым темным, неочевидным) преступлениям. Как известно, у прокурора имеется полномочие отменять незаконные и необоснованные постановления дознавателей (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), следователей (ч. 1.1 ст. 211 УПК РФ) о приостановлении предварительного расследования, чем он активно пользуется. Так, в 2011–2016 гг. прокурорами ежегодно отменялось от 405,6 до 443,7 тыс. постановлений о приостановлении предварительного следствия (дознания).

Приведенные нами статистические данные свидетельствуют о том, что активность прокуроров в осуществлении прокурорского надзора за дознанием и предварительным следствием в рамках представленных ему полномочий присутствует, однако показатели допускаемых дознавателями и следователями ошибок по уголовным делам говорят о необходимости совершенствования организационно-процессуального механизма прокурорского надзора.

При проведении в рамках нашего исследования опросов практических работников нас особо интересовали вопросы, связанные с возвращением прокурору утраченных им процессуальных полномочий и наделением его новыми полномочиями. 22,2% судей и работников прокуратуры, 20,5% следователей и руководителей следственных органов полагают, что у *прокурора должно быть право* проводить как отдельные следственные действия, так и полноценное расследование уголовных дел. Адвокаты, напротив, в подавляющем большинстве (92,3%) вообще не считают такое полномочие для прокурора необходимым. Не исключено, что качество прокурорского расследования, учитывая место прокуратуры в системе органов государственной власти и высокий профессиональный уровень прокурорских работников, могли бы быть в целом выше существующих дознания и предвари-

тельного следствия. Но наделение прокурора такими полномочиями несколько противоречит общей направленности проводимой в России правовой реформы. Поэтому, по всей видимости, предварительное расследование и прокурорский надзор должны развиваться как самостоятельные виды уголовно-процессуальной деятельности.

Эффективное «прокурорское включение» в контексте выявления, исправления и предупреждения следственных ошибок было бы значимым в случае возвращения прокурору утраченного им полномочия продлевать сроки предварительного расследования уголовного дела с изучением при этом всех материалов дела: за возвращение данного полномочия высказались 44,4% судей, 38,9% прокурорских работников, 28,2% следователей и руководителей следственных органов, 10,7% адвокатов. По результатам опроса практических работников сделан вывод об актуальности вопроса о возвращении полномочия прокурора *прекращать* своим постановлением *уголовное дело (уголовное преследование)*: за восстановление данного утраченного полномочия высказались 70,2% адвокатов, 28,2% следователей и руководителей следствия, 27,8% работников прокуратуры, 22,2% судей.

Ученые и практики достаточно критически подходят к обсуждению вопроса о том, чтобы с момента возбуждения уголовного дела определять надзирающего за его расследованием прокурора, который будет поддерживать по данному уголовному делу обвинение. Так, 55,6% работников прокуратуры, 51,3% следователей и руководителей следствия, 33,3% судей высказались в пользу такого предложения, но лишь по определенной категории дел (так называемые сложные, громкие, резонансные, по делам, где обвиняемый содержится под стражей, и т.п. уголовные дела), а 70,8% адвокатов, 23,1% следователей и их руководителей считают, что такая схема прокурорского надзора необходима по всем уголовным делам.

Таким образом, считаем, было бы правильно приказом Генерального прокурора Российской Федерации закрепить положение о том, что с момента возбуждения уголовного дела, относящегося к определенной (упомянутых выше) категории, решением соответствующего прокурора определять надзирающего за его расследованием прокурора, который в последующем будет поддерживать по данному уголовному делу обвинение в суде.

Среди ученых и практиков высказываются идеи закрепить на законодательном уровне право прокурора участвовать в предъявлении лицу обвинения. Однако по результатам нашего исследования, предоставление такого права прокурору (на участие в предъявлении обвинения лицу по всем уголовным делам) поддержали лишь 10,4% адвокатов и 5,1% следователей. Это же право прокурора, но при предъявлении обвинения по определенной категории уголовных дел («сложные», «громкие», «резонансные», по делам, где обвиняемый содержится под стражей, и т.п. дела), поддержали уже 25,6% следователей и руководителей следственных органов, 16,7% прокурорских работников, 11,1% судей.

Учитывая это, полагаем, *было бы оправдано и на законодательном уровне, и приказом Генерального прокурора Российской Федерации закрепить за надзирающий прокурором дискреционное полномочие принимать участие (по определенной категории уголовных дел) в предъявлении обвинения лицу с целью минимизировать допущение ошибок по уголовному делу и в «вопросе факта» (фабула обвинения), и в «вопросе права» (квалификация деяния).*

Широко обсуждается в практической среде и идея о возложении на прокурора обязанности по составлению обвинительного заключения по уголовному делу. Данную новеллу поддерживают 20,7% адвокатов, 20,5% следователей и руководителей следствия; 5,6% работников прокуратуры и 5,1% следователей считают, что составлять обвинительное заключение прокурор должен при участии следователя; 7,7% следователей и руководителей следствия, 5,6% судей полагают, что прокурор при участии следователя должен составлять обвинительное заключение по определенной категории уголовных дел («сложное», «громкое», «резонансное», по делам, где обвиняемый содержится под стражей, и т.п.).

Несмотря на приведенные выше результаты опроса практических работников, мы полагаем, что было бы также полезно и на законодательном уровне, и приказом Генерального прокурора Российской Федерации закрепить, что по определенной категории сложных уголовных дел надзирающий прокурор совместно со следователем могут составлять обвинительное заключение, что позволит, на наш взгляд, минимизировать ошибки по уголовным делам.

Необходимо отметить, что при анкетировании подавляющая часть респондентов к указанным выше новациям отнеслась с насторожен-

ностью, предпочтя оставить все в полномочиях прокурора без особых изменений. К этому необходимо относиться с пониманием, пытаясь просматривать в направлениях всех ответов рациональные моменты, с тем, чтобы с учетом такого отношения вносить научно обоснованные предложения законодателю и правоприменителю по изменению к лучшему ситуации со следственными ошибками.

Как известно, окончательные решения по вопросам, связанным с вмешательством субъектов, ведущих уголовный процесс, в охраняемые Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина, законодатель относит к прерогативе суда. Но при этом прокурорский надзор носит (и должен в большей мере носить) «предсудебный» характер. Важную миссию законодатель отводит прокурору при принятии решения о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу, продлении сроков содержания обвиняемого под стражей. Так, согласно ч. 3 ст. 108, ч. 2 ст. 109 УПК РФ дознаватель *только с согласия прокурора* может возбуждать ходатайство перед судом о принятии соответствующего решения.

Согласно ч. 4 ст. 108 УПК РФ участие прокурора в судебном заседании при разрешении вопросов о заключении лица под стражу, продлении сроков содержания лица под стражей обязательно. Позиция прокурора, своевременно выявившего фундаментальную ошибку при принятии решений о заключении лица под стражу или продлении сроков его содержания под стражей, может быть определяющей для суда.

Вместе с тем представляется важным усилить процессуальные полномочия прокурора при решении вопроса о заключении лица под стражу и продлении сроков его содержания под стражей. Речь идет о полномочии прокурора утверждать ходатайство следователя о заключении лица под стражу или продлении сроков содержания под стражей (т.е. при отсутствии на постановлении следователя визы прокурора «утверждаю» или «согласен» материалы в суд не могут быть направлены). За указанное выше полномочие прокурора при опросе высказались 44,4% работников прокуратуры, 28,2% следователей и руководителей следствия, 11,1% судей, 10,8% адвокатов.

С появлением в уголовном судопроизводстве института досудебного соглашения о сотрудничестве между прокурором и обвиняемым вопрос о мере пресечения (не заключения под стражу, а иной, более мягкой) может стать предметом соглашения, вследствие чего и пози-

ция прокурора в суде при заключении под стражу и продлении сроков содержания под стражей может быть лояльной по отношению к лицу, который пошел на сотрудничество с прокурором.

Изложенные выше положения концептуально обосновывают *модель перманентного прокурорского надзора* как основной контрольно-надзорной деятельности при досудебном производстве по уголовному делу, которая эффективно позволяет реализовать стратегии уголовного судопроизводства и защиты прав человека. Данная модель прокурорского надзора в качестве значимого надзорного полномочия прокурора предусматривает полноценное процессуальное руководство процессуальной деятельностью в досудебном производстве. Будучи таким руководителем, прокурор должен обладать властными полномочиями по возбуждению уголовных дел, корректировке предварительного расследования (отмена незаконных и / или необоснованных постановлений следователя (дознателя), продление сроков предварительного расследования и т.п.), разрешению жалоб участников уголовного судопроизводства и заинтересованных лиц, выставлению официальных требований об устранении нарушений закона, даче заключений при осуществлении судом судебного контроля на досудебных стадиях, выражению согласия как гаранта законности на производство процессуальных действий, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина, определение в необходимых случаях конкретного органа, призванного произвести полное, всестороннее и объективное расследование по уголовному делу в соответствии с требованиями закона и правил подследственности, возвращению уголовного дела следователю и дознавателю на дополнительное расследование и др.; полномочиями по окончательному инкриминированию уголовного обвинения лицу, а также заключению с ним досудебного соглашения о сотрудничестве и прекращению уголовного преследования.

При такой модели прокурорского надзора нами не исключается в законодательном порядке передача части полномочий суда на досудебных стадиях уголовного процесса прокурору. Именно такая модель прокурорского надзора позволит, как представляется, своевременно и эффективно выявлять, исправлять и предупреждать следственные ошибки на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаров В.А., Терехин А.А. Акты прокурорского реагирования в российском уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2014. 200 с.
2. Ястребов В.Б. Надзор за исполнением законов как основная функция прокуратуры // Проблемы совершенствования прокурорского надзора. К 275-летию Российской прокуратуры : материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Б. Ястребов. М., 1997. С. 17–18.
3. Гавло В.К., Дудко Н.А. Необходимость совершенствования института возвращения судом уголовных дел на дополнительное расследование // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2 (66). С. 74–77.
4. Буланова Н. Правовая регламентация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Уголовное право. 2009. № 3. С. 73–76.
5. Никитин Е.Л. Концептуальный подход к определению функций и системы полномочий прокуратуры в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 6. С. 58–64.
6. Осюк Т. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. 2010. № 3. С. 3–9.
7. Соловьев А.Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса прокурора // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 10–16.
8. Шейфер С.А. Реформа предварительного следствия: правовой статус и взаимоотношения прокурора и руководителя следственного органа // Государство и право. М., 2009. № 4. С. 49–55.
9. Шадрин В.С. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора и органов предварительного расследования. Досудебное производство. СПб. : СПб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 180 с.
10. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. 257 с.
11. Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации: URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/>

THE ROLE OF THE PROSECUTOR IN THE ELIMINATION OF INVESTIGATIVE ERRORS

Aleksandr D. Nazarov, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: anazarov61@mail.ru

Armen S. Shaginyan, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ashaginyan@sfu-kras.ru

Keywords: preliminary investigation, prosecutor's supervision, procedural management, investigative errors.

The aim of this study is to develop a modern concept of the prosecutor's supervisory and procedural management of preliminary investigation through the prism of investigative errors in criminal procedure activities, to describe its structure and content.

The methodological basis is the dialectical method of scientific cognition of social and legal phenomena in their interconnection and interdependence, combined with other general scientific and special methods of cognition: formal-logical, system-structural, historical-legal, comparative-legal, statistical, etc. The paper uses the results of theoretical research in the field of criminal procedure law, statistical data on the prosecutor's office and preliminary investigation of the all-Russian and regional levels for 2011–2016, data of interviewing and surveying of law enforcement officers (judges, prosecutors, heads of investigative bodies, investigators (inquirers), lawyers), including data obtained by the method of covert interviewing and expert survey in Krasnoyarsk Krai, the Republics of Khakassia and Buryatia. In the same regions, criminal cases and materials in the archives of courts have been studied.

As a result of the study, the authors substantiate the model of permanent prosecutor's supervision as the main control and supervisory activity in pre-trial proceedings in a criminal case which provides for a full procedural management of the investigator's activities. As such a manager, the prosecutor must have the power to initiate criminal proceedings, correct the preliminary investigation (cancel illegal and/or unreasonable decisions of the investigator (inquirer), extend the period of the preliminary investigation, etc.), resolve complaints of participants in criminal proceedings and interested persons, issue formal demands for the elimination of violations of the law, make conclusions when the court exercises judicial control at pre-trial stages, express consent as a guarantor of legality for the conduct of procedural actions that encroach on the constitutional rights and freedoms of man and citizen, decide in necessary cases on the specific body called upon to carry out a full, comprehensive and objective investigation in a criminal case in accordance with the requirements of the law and the rules of investigation, return the criminal case to the investigator and the inquirer for additional investigation, etc.; powers to finally incriminate criminal charges against a person, to conclude a pre-trial cooperation agreement with them and to stop criminal prosecution.

REFERENCES

1. Azarov, V.A., Terekhin, A.A. (2014) *Akty prokurorskogo reagirovaniya v Rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Acts of prosecutorial response in Russian criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
2. Yastrebov, V.B. (1997) Nadzor za ispolneniem zakonov kak osnovnaya funktsiya prokuratury [Supervision over the execution of laws as the main function of the Prosecutor's Office]. In: Yastrebov, V.B. (ed.) *Problemy sovershenstvovaniya prokurorskogo nadzora* [Problems of improving the prosecutor's supervision]. Moscow: [s.n.]. pp. 17–18.

3. Gavlo, V.K. & Dudko, N.A. (2010) Neobkhodimost' sovershenstvovaniya instituta vozvrashcheniya sudom ugovolnykh del na dopolnitel'noe *rassledovanie* [The need to improve the institution of the return of criminal cases for additional investigation by the court]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 2-2 (66). pp. 74–77.
4. Bulanova, N. (2009) Pravovaya reglamentatsiya prokurorskogo nadzora za protsessual'noy deyatelnost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya [Legal regulation of prosecutor's supervision over the procedural activity of the bodies of preliminary investigation]. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 73–76.
5. Nikitin, E.L. (2008) Kontseptual'nyy podkhod k opredeleniyu funktsiy i sistemy polnomochiy prokuratury v Rossii [A conceptual approach to the definition of functions and the system of powers of the prosecutor's office in Russia]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 6. pp. 58–64.
6. Osyuk, T. (2010) Usmotrenie prokurora v ugovolnom protsesse [Prosecutor's examination in the criminal trial]. *Zakonnost'*. 3. pp. 3–9.
7. Soloviev, A.B. (2007) Problema obespecheniya zakonnosti pri proizvodstve predvaritel'nogo sledstviya v svyazi s izmeneniem protsessual'nogo statusa prokurora [The problem of ensuring legality in the preliminary investigation in connection with the change in the procedural status of the prosecutor]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 3. pp. 10–16.
8. Sheyfer, S.A. (2009) Reforma predvaritel'nogo sledstviya: pravovoy status i vzaimootnosheniya prokurora i rukovoditelya sledstvennogo organa [Reform of the preliminary investigation: The legal status and relations of the prosecutor and the head of the investigative body]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 4. pp. 49–55.
9. Shadrin, V.S. (2005) *Ugolovno-protsessual'naya deyatelnost' prokurora i organov predvaritel'nogo rassledovaniya. Dosudebnoe proizvodstvo* [Criminal procedural activity of the prosecutor and preliminary investigation bodies. Pretrial procedure]. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of General Prosecutor's Office of the Russian Federation.
10. Barabash, A.S. (2005) *Priroda rossiyskogo ugovolnogo protsessa, tseli ugovolno-protsessual'noy deyatelnosti i ikh ustanovlenie* [The nature of the Russian criminal process, the objectives of criminal procedural activity and their establishment]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
11. The Office of the Prosecutor General of the Russian Federation. (n.d.) *Osnovnye statisticheskie dannye o deyatelnosti organov prokuratury* [Basic statistical data on the activities of prosecution authorities]. [Online] Available from: <https://genproc.gov.ru/stat/data/>.

Е.В. Носкова

РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА К ПРОИЗВОДСТВУ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье исследованы международно-правовые и внутригосударственные нормативные предпосылки привлечения специалиста к производству по уголовному делу; проводится анализ изменений уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации; исследуется предмет производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности; обосновано отсутствие объективной необходимости относить рассмотрение ряда вопросов, связанных с освобождением от уголовной ответственности, к полномочиям судей.

Ключевые слова: полномочия суда при производстве о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ [1] действующий Уголовно-процессуальный кодекс был дополнен ст. 25.1 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» и главой 51.1 «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности». В них законодатель предусмотрел очередную форму особого производства по уголовному делу, чем лишней раз усилил дифференциацию системы отечественного уголовного судопроизводства.

В науке нет единства мнений относительно оценки данной тенденции, однако ученые не перестают спорить о правовой природе и сущности внедряемых правовых институтов. Не имея намерения углубляться в дискуссию по данному вопросу, хотелось бы остановиться на проблеме целесообразности отнесения рассмотрения вопроса о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности к компетенции суда.

В соответствии с ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ, ходатайство о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления неболь-

шой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня либо мировым судьей, к подсудности которых относится рассмотрение соответствующей категории уголовных дел, по месту производства предварительного расследования в срок не позднее 10 суток со дня поступления ходатайства в суд с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, защитника, если последний участвует в уголовном деле, потерпевшего и / или его законного представителя, представителя прокурора. Такое ходатайство направляется в суд вместе с материалами уголовного дела.

К содержанию производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности, в соответствии в УПК РФ и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 отнесено рассмотрение вопросов:

- о наличии подозрения или обвинения в совершении преступления небольшой или средней тяжести;
- установлении факта совершения преступления впервые;
- возмещении ущерба или иным образом заглаживании причиненного преступлением вреда;
- наличии иных оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования;
- согласии лица, в отношении которого суд прекращает уголовное дело и / или уголовное преследование по данному основанию;
- материальном положении лица и его семьи;
- определении размера, порядка и срока уплаты судебного штрафа как правового последствия совершения преступления;
- обращении к исполнению решения о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Если учитывать ранее сформулированные правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ относительно содержания производств по освобождению от уголовной ответственности при наличии различных оснований (в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, назначением судебного штрафа, истечением сроков давности и по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности), то под возмещением ущерба Пленум Верховного Суда РФ предлагает понимать иные меры, направленные на восстановление нарушенных в

результате преступления прав и законных интересов потерпевшего, а под заглаживанием вреда – имущественную, в том числе денежную, компенсацию морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие других мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства [2]. В приведенных формулировках обращает на себя внимание акцент на позиции потерпевшего.

В этой связи, думается, предмет производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности следовало бы дополнить обязанностью установить согласие потерпевшего.

Исходя из предмета разбирательства, а также периода, в который допускается инициирование особого производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (в любой момент производства по уголовному делу до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции – до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу), можно сделать вывод, что вопрос о факте совершения преступления небольшой или средней тяжести, т.е. его квалификации и установлении всех элементов состава преступления, в числе которых особое место отведено вине, не требуется. Именно на это указывает Пункт 14 Генеральных принципов Рекомендации N R (99) 19, согласно которому Участие в медиации не должно быть использоваться в качестве доказательства признания вины в последующие судебные разбирательства [3]. То есть признание фактов или даже признание вины подозреваемым, обвиняемым, в ходе посреднических или иных внесудебных процедур (не в ходе разбирательства дела по существу), не должно использоваться в качестве доказательств в последующем уголовном судопроизводстве.

Сам по себе институт освобождения от уголовной ответственности неоднократно становился объектом научного изучения. В первую очередь внимание ученых обусловлено отсутствием легального определения содержания данного понятия в Уголовном кодексе РФ, равно, впрочем, как и УК РСФСР 1961 г. Так, по мнению М.И. Якубовича, освобождение от уголовной ответственности «означает, что в силу

предусмотренных законом материально-правовых оснований государство не реагирует на такое деяние и не признает такое лицо преступником: деяние либо не расценивается государством как преступление, либо по меньшей мере не подлежит вменению в вину как преступление [4. С. 85]. М.С. Строгович считал, что общие виды освобождения от уголовной ответственности предполагают декриминализацию деяний. По его мнению, «речь идет в данном случае не о преступлении, а о противоправном, антиобщественном поведении» [5. С. 23].

Некоторые современные специалисты также считают, что содержанием освобождения от уголовной ответственности является совокупность, по существу, поощрительных уголовно-правовых норм, применяющихся в случаях, когда нет необходимости прибегать к мерам репрессивного характера, а при применении освобождения от уголовной ответственности к лицу, совершившему преступление, государство оказывает ему доверие, по сути, проявляет милосердие и прощение, заменяя уголовную ответственность поощрительным воздействием, также направленным на исправление виновного, предупреждение совершения новых преступлений и являющимся правовым стимулом для его положительного поведения после совершения преступления [6], сводя его к процессуальному акту, содержащему отказ государства от реализации своих прав по официальному признанию лица виновным в совершении преступления и применению к нему мер уголовного наказания либо объявляющему подобное признание со всеми вытекающими последствиями несостоявшимся [7].

Подобные выводы наталкивают на мысль об отсутствии реальной необходимости относить рассмотрение вопросов о назначении мер уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности к полномочиям судебного корпуса. Укрепление данной позиции можно, с одной стороны, найти в международно-правовой документации. В частности, Заключение № 6 Консультативного совета европейских судей Совета Европы от 24.11.2004 г. «О справедливом судебном разбирательстве в разумные сроки и роли судов в судебных процессах с учетом альтернативных способов разрешения споров» [8] содержит некоторые принципы, которые могут быть использованы при оптимизации нагрузки на судей, а с другой – в участвовавших сетованиях профессионального сообщества в связи с увеличением нагрузки на судей. Так, 6–8 декабря 2016 г. прошел IX Все-

российский съезд судей. В прозвучавших выступлениях неоднократно поднималась тема высокой загруженности судов. О излишней нагрузке судов упоминал в ходе своего выступления и Президент РФ Владимир Путин, охарактеризовав данную проблему как одну из наиболее значимых и актуальных в сфере осуществления правосудия в России. В связи с этим Съезд поручил Судебному департаменту разработать с участием Российского государственного университета правосудия проект федерального закона о нормах служебной нагрузки судей и работников аппаратов судов Российской Федерации [9]. «Тенденция постоянного увеличения количества рассматриваемых судами дел, роста нагрузки на судей негативно сказывается на соблюдении разумных сроков рассмотрения дела, а также на качестве выносимых судебных актов. При этом улучшение работы судов не снизит количества обращений за судебной защитой, а повышение качества защиты, наоборот, способствует увеличению числа дел в судах. Таким образом, обеспечение права на справедливое и публичное судебное разбирательство в разумные сроки обуславливает необходимость оптимизации судебной нагрузки» [10], – подчеркивает президиум Совета судей.

О достаточно высоких показателях нагрузки на судей свидетельствуют и данные, представленные на официальном сайте Управления Судебного департамента в Томской области [11].

Вместе с тем вопросы о реальности возмещения ущерба или иным образом заглаживании причиненного преступлением вреда зачастую остаются не просто за рамками судебного разбирательства, а вне регламентированной процедуры рассмотрения уголовных дел или материалов. Дело в том, что эта работа требует относительно продолжительного времени и существенных трудозатрат, что несовместимо с вышеописанной необходимостью оптимизации судебной нагрузки. Кроме того, необходимы и специальные знания в сфере человеческих отношений, особенностей восприятия, мышления, поведения личности. Эти знания не входят в сферу обязательной и необходимой компетенции как кандидатов на должность судьи, так и действующих членов судейского корпуса.

Выход из сложившейся ситуации видится в усилении использования одного из имеющихся уголовно-процессуальных доказательств – заключения специалиста. Согласно ст. 80 УПК РФ, это представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед

специалистом сторонами. Такое суждение лица, специально привлекаемого к участию в производстве по уголовному делу, может быть основано на использовании комплекса специальных знаний в сфере психологии, конфликтологии, социологии, входящих в его профессиональную компетенцию. Результаты исследований специалистов могут быть оформлены в виде заключений, содержащих не только ссылки на источники, но и используемые для исследования методики, рекомендации и разъяснения судам об особенностях психологического отношения и восприятия произошедших событий подозреваемым (обвиняемыми) и потерпевшими, оценку особенностей их поведения и реакций.

Кроме того, рациональным представляется использовать знания и навыки специалистов в целях формирования стремления и стимулирования возмещения ущерба или иным образом заглаживания причиненного преступлением вреда. Именно такое поведение регламентировано как социально одобряемое, являющееся необходимым условием для освобождения от уголовной ответственности в связи с применением не только судебного штрафа, но и по основаниям, предусмотренным ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ: в связи с деятельным раскаянием, с примирением с потерпевшим и по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Основанные на подобных заключениях выводы суда о состоявшемся возмещении ущерба или о заглаживании причиненного преступлением вреда в ходе производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности, по нашему мнению, только выиграют с точки зрения обоснованности.

В качестве иллюстрации возможностей применения таких специалистов можно привести опыт Кемеровской области, учредившей Отдел судебных психологов [12]. Действия по сопровождению уголовного судопроизводства осуществляются специалистами-психологами на основании Соглашения о взаимодействии, заключенного между Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Кемеровской области и Государственной организацией образования «Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи “Здоровье и развитие личности”», структурным подразделением которой и является Служба судебных психологов. Несмотря на то что Соглашением предусмот-

рена направленность совместной деятельности на обеспечение соблюдения прав и законных интересов только несовершеннолетних, привлекаемых к участию в предварительном расследовании преступлений на территории Кемеровской области, на практике специалистов привлекают в гораздо более широком спектре судебной деятельности: по уголовным делам с участием совершеннолетних, в раках рассмотрения семейных споров, например об определении места жительства ребенка после расторжения брака, и в ряде других случаев.

Таким образом, в действующей системе нормативной регламентации уголовного судопроизводства уже заложено большинство механизмов, необходимых для привлечения к разрешению уголовных дел специалистов (п. 62 ст. 5, ст. 131, 168, 191, 271, 280, 425). В некоторых случаях, например по делам несовершеннолетних, их участие даже признано обязательным. Тем не менее данный институт необоснованно остается слабовостребованным в отечественном уголовном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: Федеральный закон от 03.07.2016 г. 323-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_200696/ режим доступа свободный (дата обращения: 29.01.2017).
2. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_148355 (дата обращения: 29.01.2017).
3. Mediation in penal matters Recommendation N° R (99) 19 adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 15 September 199. URL: [http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/victims/Rec%20\(1999\)19.pdf](http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/victims/Rec%20(1999)19.pdf) (дата обращения: 29.01.2017).
4. Якубович М.И. Освобождение от уголовной ответственности в связи с передачей виновного на поруки // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 84–87.
5. Строгович М.С. Об уголовно-процессуальном законе // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. 187 с.
6. Аввакумова О.Ю. Уголовно-правовая регламентация освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. канд. юрид. наук. 2007. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 29.01.2017).

7. Леонтьевский В.А. Освобождение от уголовной ответственности: проблемы обеспечения законности процессуальных решений : автореф. дис. канд. юрид. наук. 2002. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 29.01.2017).
8. On fair trial within a reasonable time and judge's role in trials taking into account alternative means of dispute settlement: Strasbourg, 24 November 2004 Consultative council of European Judges (CCJE) Opinion No. 6 (2004). URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp> (дата обращения: 29.01.2017).
9. Владимир Путин принял участие в работе IX Всероссийского съезда судей. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53419> (дата обращения: 29.01.2017).
10. О результатах деятельности рабочей группы по выполнению поручения Президента Российской Федерации от 5 декабря 2010 г. № Пр-3520 о путях оптимизации нагрузки на судей: Постановление Президиума Совета судей Российской Федерации от 24 марта 2011 г. № 257 URL: <http://ark.ssrif.ru/page/776/detail> (дата обращения: 29.01.2017).
11. Официальный сайт Управления Судебного департамента в Томской области. URL: <http://usd.tms.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=22> (дата обращения: 29.01.2017).
12. О положительном опыте психологического сопровождения следственных действий участием несовершеннолетних в Следственном комитете Российской Федерации. URL: <http://kemvaleo.ru> (дата обращения: 29.01.2017).

EXPANSION OF THE OPPORTUNITIES TO INVOLVE EXPERTS IN PROCEEDINGS ON CRIMINAL CASES

Elena V. Noskova, West-Siberian Branch of the Russian University of Justice; Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: NoskovaElena@mail.ru

Keywords: powers of court in proceedings on measure of criminal law nature when exempting from criminal liability.

DOI: 10.17223/9785946216678/11

The paper examines the international legal and Russian regulatory prerequisites for involving experts in criminal proceedings. The author analyses the changes in the criminal procedure laws of the Russian Federation that regulate the proceedings for setting a court fine as a criminal law measure when exempting from criminal liability. The subject of proceedings on the imposition of a measure of a criminal law nature when exempting from criminal liability is studied. In view of the tendency to increase the burden on judges, no objective need to refer a number of issues related to the exemption from criminal liability to the powers of judges is justified.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2016) *On introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on improving the foundation and order of release from criminal liability: Federal Law 323-FZ of July 3, 2016*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_200696/. (Accessed: 29th January 2017). (In Russian).

2. Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *On application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Resolution No. 19 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_148355/. (Accessed: 29th January 2017). (In Russian).
3. The Council of Europe. (1999) *Mediation in penal matters Recommendation N° R (99) 19 adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 15 September 1999*. [Online] Available from: [http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/victims/Rec%20\(1999\)19.pdf](http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/victims/Rec%20(1999)19.pdf). (Accessed: 29th January 2017).
4. Yakubovich, M.I. (1961) Osvobozhdenie ot ugolovnoy otvetstvennosti v svyazi s peredachey vinovnogo na poruki [Exemption from criminal liability in connection with the transfer of the guilty to bail]. In: Yakubovich, M.I. et al. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo v period razvernutogo stroitel'stva kommunizma* [The Soviet state and law in the period of the extensive construction of communism]. Moscow: [s.n.]. pp. 84–87.
5. Strogovich, M.S. (1978) Ob ugolovno-protsessual'nom zakone [On the criminal procedure law]. In: Larin, A.M. (ed.) *Problemy pravosudiya i ugolovnogo prava* [Problems of justice and criminal law]. Moscow: IGRAN.
6. Avvakumova, O.Yu. (2007) *Ugolovno-pravovaya reglamentatsiya osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti* [Penal regulation of exemption from criminal liability]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <http://www.dissercat.com> (Accessed: 29th January 2017).
7. Leontievskiy, V.A. (2002) *Osvobozhdenie ot ugolovnoy otvetstvennosti: problemy obespecheniya zakonnosti protsessual'nykh resheniy* [Exemption from criminal liability: problems of ensuring the legality of procedural decisions]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <http://www.dissercat.com>. (Accessed: 29th January 2017).
8. Consultative Council of European Judges (CCJE). (2004) *On fair trial within a reasonable time and judge's role in trials taking into account alternative means of dispute settlement: Strasbourg, 24 November 2004 Consultative council of European Judges (CCJE) Opinion No. 6 (2004)*. [Online] Available from: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?> (Accessed: 29th January 2017).
9. Kremlin.ru. (2016) *Vladimir Putin prinyal uchastie v rabote IX Vserossiyskogo s"ezda sudey* [Vladimir Putin took part in the 9th All-Russian Congress of Judges]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/53419/> (Accessed: 29th January 2017).
10. Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation. (2011) *On the results of the working group on the implementation of Instruction No. Pr-3520 of the President of the Russian Federation of December 5, 2010 On ways to optimise the burden on judges: Decision No. 257 of the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation of March 24, 2011*. [Online] Available from: <http://ark.ssr.f.ru/page/776/detail/>. (Accessed: 29th January 2017). (In Russian).
11. Judicial Department in Tomsk Region. (2016) *Official site of the Judicial Department of Tomsk Region*. [Online] Available from: <http://usd.tms.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=22>. (Accessed: 29th January 2017). (In Russian).

12. Investigation Committee of the Russian Federation. (2016) *O polozhitel'nom opyte psikhologicheskogo soprovozhdeniya sledstvennykh deystviy uchastiem nesovershennoletnikh v Sledstvennom komitete Rossiyskoy Federatsii* [On the positive experience of psychological support for investigative activities involving minors in the Investigation Committee of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://kemvaleo.ru>. (Accessed: 29th January 2017).

DOI: 10.17223/9785946216678/12

А. Ф. Олчёнов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ЭТИКИ

Статья посвящена вопросам, связанным с адвокатской этикой, нравственным основам деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве. Сделана попытка квалифицировать дисциплинарные проступки по видам. Приводятся примеры из дисциплинарной практики, которые указывают на некоторые проблемы нравственной составляющей в деятельности адвокатов в уголовном судопроизводстве. Обращается внимание на особое значение норм Кодекса профессиональной этики адвоката в практической деятельности адвоката.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская этика, профессиональная деятельность, доверитель.

31 января 2003 г. Первый Всероссийский съезд адвокатов в целях поддержания профессиональной чести и сознания нравственной ответственности адвокатов перед обществом, развивая традиции российской присяжной адвокатуры, принял первый в истории российской адвокатуры Кодекс профессиональной этики адвоката, в котором устанавливаются обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, а также на международных стандартах и правилах адвокатской профессии.

Адвокатская этика имеет важное значение прежде всего для организации и деятельности самой адвокатуры, ибо от того, насколько соблюдаются ее нормы, зависят, во-первых, как репутация отдельного адвоката и эффективность его деятельности, так и авторитет адвокатуры в целом. Во-вторых, их применение, в частности в уголовно-

процессуальной деятельности, является неременным условием успешного решения задач судопроизводства.

Нравственной основой деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве является обязанность соблюдать нормы морали по отношению к доверителю, к должностным лицам и государственным органам, в производстве которых находится уголовное дело, к другим участникам уголовного процесса.

Проблема взаимоотношений участников следствия и судебного разбирательства имеет важное теоретическое и практическое значение. От того, каковы эти взаимоотношения, во многом зависит ход уголовного судопроизводства в целом.

Отдельного внимания заслуживает вопрос, касающийся этики отношений между адвокатом и следователем. Ведь будучи основными участниками процесса в стадии предварительного расследования, адвокат и следователь должны строить свою деятельность в строгом соответствии с законом, его требованиями, что, в свою очередь, будет исключать возможность возникновения большинства этических проблем в отношениях между ними.

Для того чтобы не быть голословным, мною изучена некоторая часть дисциплинарной практики квалификационных комиссий адвокатских палат разных субъектов в последние годы. Полагаю, что устоявшаяся дисциплинарная практика может указывать на некоторые проблемы нравственной составляющей в деятельности адвокатов в уголовном судопроизводстве.

Проступки, явившиеся поводами для дисциплинарных производств, совершенные адвокатами, можно разделить на две группы: дисциплинарные проступки в отношении доверителей и дисциплинарные проступки в отношении судебно-следственных органов.

1. Дисциплинарные проступки в отношении доверителей. При рассмотрении обращений доверителей, квалификационные комиссии адвокатских палат субъектов РФ исходили из того, что в силу пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан честно, разумно, добросовестно и активно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами, а также честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности.

Являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам (абз. 1 п. 1 ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»), адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он может и должен совершить для надлежащей защиты прав и законных интересов доверителя. Границами такой самостоятельности выступают требования пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также нормы соответствующего процессуального законодательства. Поэтому квалификационная комиссия адвокатских палат проверяет формальное соответствие действий адвоката по исполнению поручения доверителя требованиям законодательства об адвокатской деятельности, отсутствие грубых и очевидных ошибок адвоката при исполнении поручения доверителя. Это полностью соотносится с позицией Европейского Суда по правам человека, который указывал в качестве общего правила, что риск ошибок, совершенных адвокатом, несет доверитель.

Вместе с тем квалификационные комиссии адвокатских палат считают, что грубыми и очевидными ошибками адвоката являются, например, передоверие исполнения поручения стажеру или помощнику адвоката, уклонение от исполнения поручения доверителя, пассивность адвоката при осуществлении защиты, исполнение поручения по обжалованию судебного акта без изучения материалов дела, несоответствие составленных адвокатом процессуальных документов требованиям соответствующего процессуального законодательства, закрепление в соглашении об оказании юридической помощи гарантий исполнения поручения и т.п.

Определенные трудности возникали в случае досрочного расторжения соглашения на защиту по уголовному делу. Прежде всего, квалификационная комиссия Адвокатской палаты Московской области считает, что таким правом обладает доверитель. Включение адвокатом в соглашение условий, умаляющих это право доверителя или ставящих его в зависимость от выплаты какой-либо денежной суммы, является дисциплинарным проступком. Расторжение соглашения доверителем влечет отсутствие у адвоката правовых оснований для продолжения осуществления защиты.

При этом необходимо отметить, что возможность реализации адвокатом права на досрочное расторжение соглашения на защиту по

уголовному делу неоднозначна, поскольку реализация такого права влечет отказ от принятой на себя защиты.

Также по рассматриваемому вопросу квалификационная комиссия Адвокатской палаты Московской области руководствовалась Разъяснением Совета Адвокатской палаты г. Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», в котором обоснованно указывается, что пересмотр размера вознаграждения, закрепленного в соглашении, возможен только с добровольного согласия доверителя и понуждение его к расторжению соглашения, в случае отказа увеличить вознаграждение, является серьезным дисциплинарным проступком, который порочит честь и достоинство профессии адвоката.

За 2015 г. в четырех случаях квалификационная комиссия Адвокатской палаты Московской области сталкивалась с соглашениями об оказании юридической помощи, в которые были включены условия о неустойке, выплачиваемой доверителем при досрочном расторжении или при несвоевременном внесении вознаграждения.

Законодательство об адвокатской деятельности не содержит прямого запрета на включение условия о выплате доверителем неустойки в соглашение об оказании юридической помощи, равно как и не предусматривает возможность ее установления.

В настоящее время в ряде адвокатских палат (АП) субъектов РФ приняты правила, устанавливающие недопустимость включения неустойки в соглашение об оказании юридической помощи как подрывающее доверие к адвокатуре и не соответствующее адвокатской этике (см.: Решение Совета АП Костромской области от 19.03.2015 г. № 4, Решение Совета АП Челябинской области от 29.04.2010 г.), либо на это указывается в дисциплинарной практике (см.: Обзор дисциплинарной практики Совета АП г. Москвы (по состоянию на 26.11.2010 г.)).

В адвокатском сообществе продолжает оставаться актуальной тема защиты прав адвоката при вызове его на допрос в качестве свидетеля. Здесь достаточно отметить рекомендации, выпущенные Адвокатской палатой Санкт-Петербурга в 2012 г. На таком фоне совершенно необъяснимыми выглядят два случая в 2015 г., когда квалификационной комиссией Адвокатской палаты Московской области было установлено, что адвокаты не только дали показания против своих доверите-

лей, но и очень подробно изложили обстоятельства преступлений, совершенных подзащитными. При этом адвокаты объясняли свои действия необходимостью... «помочь следствию».

В четырех случаях, опять же происшедших в 2015 г., квалификационная комиссия Адвокатской палаты Московской области устанавливала нарушение адвокатами обязанности по обжалованию приговора суда, предусмотренной пп. 2 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката. Адвокатами не были представлены письменные заявления об отказе от обжалования. Как и ранее, адвокаты объясняли свои нарушения незнанием указанной нормы Кодекса профессиональной этики адвоката.

Здесь необходимо обратить внимание на один случай, когда адвокат не обжаловал постановление суда об избрании в отношении доверителя меры пресечения в виде заключения под стражу. Квалификационная комиссия Адвокатской палаты Московской области отметила, что адвокат обязан быть последовательным и использовать все возможности судебной защиты для отстаивания прав и законных интересов доверителя. Органы адвокатского самоуправления строго придерживаются установки: содержание пп. 2 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката распространяется не только на приговор суда, но и на все вопросы, разрешаемые при его постановлении, в том числе судебные акты по вопросу об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу.

2. Дисциплинарные проступки в отношении судебно-следственных органов. В 2015 г. Квалификационной комиссией Адвокатской палаты Московской области было рассмотрено 23 обращения, поступивших из судов и пяти представлений Управления Министерства юстиции по Московской области, основанных на обращении следователей. Рассмотрение таких обращений в истекшем году приобрело дополнительную значимость в связи с активным обсуждением возможности закрепления на законодательном уровне такой юридической категории, как «злоупотребление правом на судебную защиту». В ходе таких обсуждений представители судебно-следственных органов склонны считать, что злоупотребление правом допускают исключительно адвокаты. Необходимо отметить, что Верховный Суд РФ уже определил в п. 18 Постановления № 29 от 30.06.2015 г., что рассматривается как злоупотребление адвокатом правом на судебную защиту.

Определенным откликом на сложившуюся ситуацию можно считать уже три поступивших судебных обращения, которые содержали указание, что действия адвоката являются злоупотреблением правом. При этом заявители выходили за рамки определения, предложенного ВС РФ, и указывали, что злоупотребление правом на судебную защиту выражается в неявках адвоката в судебное заседание.

Для дисциплинарного производства сообщение суда (судьи) в адрес адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката (пп. 4 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката). Установление же оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества, для которых частное определение или постановление суда не имеет преюдициальной силы (пп. 9 п. 3, п. 7 ст. 31, п. 7 ст. 33 ФЗ от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»).

Учитывая вышеизложенное комиссия признала, что доводы только четырех обращений подтверждаются надлежащими, непротиворечивыми доказательствами. Три обращения были связаны с неявками адвоката в судебное заседание. В одном обращении говорилось о том, что адвокатом была подана апелляционная жалоба, содержащая огромное количество орфографических и стилистических ошибок. Адвокат объяснил случившееся сбоем программы Word, установленной на компьютере.

Стилистика составления процессуальных документов действительно не регламентируется какими-либо нормативными документами либо правилами. Однако, согласно ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката, нравственные критерии и традиции адвокатуры являются одной из основ обязательных правил поведения адвоката при осуществлении адвокатской деятельности, установленных Кодексом профессиональной этики адвоката. Ошибки в документах, исходящих от адвоката в адрес судебно-следственных органов, традиционно рассматривались в качестве дисциплинарного проступка. Неуважение к суду может проявляться в составленных адвокатом документах. Поскольку апелляционная жалоба является процессуальным документом, к составлению которого законом предъявляются определенные требования, наличие в ней значительного количества орфографических и стилистических ошибок рассматривается как неуважение к суду апелляционной инстанции.

Признано наличие в действии адвоката нарушений по дисциплинарному производству, возбужденному по постановлению вице-президента Адвокатской палаты Московской области, на основании обращения следователя, в котором сообщалось об отказе адвоката подписать постановление о привлечении его доверителя в качестве обвиняемого и постановление о назначении экспертизы.

В соответствии с ч. 2 ст. 53 УПК РФ защитник, участвующий в производстве следственного действия, в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному вправе давать ему в присутствии следователя краткие консультации, задавать с разрешения следователя вопросы допрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного действия. Соответственно данной нормой не предусмотрено право на отказ от подписания процессуальных документов. Напротив, в силу п. 5 ст. 172 УПК РФ, следователь, удостоверившись в личности обвиняемого, объявляет ему и его защитнику, если он участвует в уголовном деле, постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. При этом следователь разъясняет обвиняемому существо предъявленного обвинения, а также его права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ, что удостоверяется подписями обвиняемого, его защитника и следователя на постановлении с указанием даты и времени предъявления обвинения.

В связи с вышеизложенным квалификационная комиссия Адвокатской палаты Московской области посчитала, что такой отказ адвоката не может рассматриваться как совершенный в интересах доверителя: фактически вместо того, чтобы активно защищать права подзащитного, зафиксировать выявленные нарушения, подать замечания, адвокат без объяснений отказался от подписи, не учитывая при этом, что отказ от подписи сам по себе не влечет признание такого постановления недопустимым доказательством.

В квалификационную комиссию Адвокатской палаты Московской области поступали обращения о том, что адвокаты отказывались от защиты, занимали позицию, противоположную позиции доверителя. Часть обращений содержала сведения об активных действиях адвокатов по защите прав своих доверителей, которые по определенным причинам не устраивали суды. Комиссия отмечала, что адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, ко-

торые он может и должен совершить для надлежащей защиты прав и законных интересов доверителя. Представители органов государственной власти не вправе указывать адвокату на необходимость совершения (несовершения) каких-либо действий для защиты прав его доверителя. Данный вопрос относится к исключительной компетенции доверителя адвоката.

Вышеуказанные примеры, которых в правоприменительной практике уголовно-процессуального закона большое количество, являются подтверждением значения адвоката в уголовном судопроизводстве и тем самым еще более актуализируют проблемы адвокатской этики.

Статья 10 Кодекса адвокатской этики гласит, что закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные на несоблюдение закона или нарушение правил, предусмотренных Кодексом адвоката, не могут быть исполнены адвокатом.

Таким образом, при осуществлении своей профессиональной деятельности адвокат не должен прибегать (даже в случае обращения к нему с подобными просьбами подзащитного) к незаконным методам защиты, к действиям, входящим в противоречие с его нравственными принципами, так как данные действия не соответствуют правилам уголовного судопроизводства и этическим правилам поведения, установленным нормами Кодекса адвоката. Из вышеперечисленного можно сделать вывод: надлежащее исполнение адвокатом указанных обязанностей и определяет модель должного его нравственно-правового поведения в уголовном производстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».
2. Кодекс профессиональной этики адвоката (с изменениями и дополнениями, утвержденными шестым Всероссийским съездом адвокатов 22.04.2013).
3. Решение Совета АП Костромской области от 19.03.2015 г. № 4, Решение Совета АП Челябинской области от 29.04.2010 г.
4. Обзор дисциплинарной практики Совета АП г. Москвы (по состоянию на 26.11.2010 г.).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

SOME PROBLEMS OF ADVOCATE ETHICS

Arzhan F. Olchyonov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: arzhan.olchenov@yandex.ru

Keywords: advocate, advocate ethics, professional activity, client.

DOI: 10.17223/9785946216678/12

Advocate ethics is first important for organising the activities of the bar because the reputation of an individual advocate and the efficiency of their activities and the authority of the bar as a whole depend on how much the norms of ethics are observed. Their application, in criminal procedure activities in particular, is an indispensable condition for the successful solution of the tasks of court proceedings.

The problem of the relations between the participants in the investigation and the trial is of great theoretical and practical importance, since the course of the criminal proceedings as a whole largely depends on what these relationships are.

The issue concerning the ethics of the relations between the advocate and the investigator deserves special attention. Being the main participants of the procedure in the preliminary investigation stage, the advocate and the investigator must base their activities in strict compliance with the law, its requirements, which in turn will exclude most of ethical problems in the relations between them.

The author has studied the disciplinary practice of qualification committees of advocate chambers of various subjects of recent years, and believes that the established disciplinary practice may point to some problems of the moral component in the activities of advocates in criminal proceedings.

Misdemeanours which became grounds for disciplinary proceedings that advocates committed can be divided into two groups: (1) disciplinary offences against trustees; (2) disciplinary offences against judicial and investigative bodies.

Article 10 of the Code of Advocate Ethics states that law and morality in the profession of an advocate are higher than the will of the client. Any wishes, requests or instructions of the client aimed at non-compliance with the law or violation of the rules provided by the Code of Advocate cannot be performed by an advocate.

Thus, in the course of their professional activities, advocates should not resort (even at a client's requests) to illegal methods of defence, to actions that contradict their moral principles, as these actions do not comply with the rules of criminal justice and ethical rules of conduct established by the norms of the Code of Advocate. From the above, it can be concluded that the advocate's proper performance of duties determines the model of the moral and legal conduct in criminal proceedings.

REFERENCES

1. Russian Federation (2002) *Federal Law No. 63-FZ of 31.05.2002 On advocacy in the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/. (In Russian).
2. Russian Federation. (n.d.) *The Code of Lawyer's Professional Ethics (with amendments and additions approved by the Sixth All-Russian Congress of Lawyers on*

- April 22, 2013*). [Online] Available from: <http://base.garant.ru/12130519/>. (In Russian).
3. Kostroma Region. (2015) *Reshenie Soveta AP Kostromskoy oblasti ot 19.03.2015 g. № 4, Reshenie Soveta AP Chelyabinskoy oblasti ot 29.04.2010 g.* [Decision No. 4 of the Board of Lawyer's Chamber of Kostroma Region of March 19, 2015; Decision of the Council of the Lawyer's Chamber of Chelyabinsk Region of April 29, 2010].
 4. Russian Federation. (n.d.) *Review of the disciplinary practice of the Moscow City Council (as of November 26, 2010)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=126826#0>. (In Russian).
 5. Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Resolution No. 29 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.06.2015, On the practice of the courts applying legislation that provides the right to protection in criminal proceedings*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/. (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216678/13

А.В. Пилюк

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С УПЛАТОЙ СУДЕБНОГО ШТРАФА: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ УПК РФ дополнен главой 51.1, регламентирующей процедуру прекращения уголовного дела с уплатой судебного штрафа. Оценивая перспективы применения новелл УПК РФ, автор указывает, что применение механизма, в котором основную роль играют органы предварительного расследования, не будет эффективным в силу того, что основным критерием их работы является число направленных в суд уголовных дел. Предлагается предоставить право обращения с заявлением о прекращении уголовного дела и об уплате штрафа обвиняемому и потерпевшему либо предоставить прокурору право обращаться к обвиняемому с предложением об уплате штрафа и прекращении уголовного преследования.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебный штраф, органы предварительного расследования, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования.

Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ УПК РФ дополнен положениями гл. 51.1 УПК РФ, регулирующими альтернативный способ разрешения уголовных дел – производство по назначению меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности, предусматривающей прекращение уголовного преследования с уплатой судебного штрафа. С введением нового производства были дополнены новыми положениями и иные разделы УПК, в частности, введена ст. 25.1 УПК РФ, устанавливающая, что суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, в порядке, установленном настоящим Кодексом, в случаях, предусмотренных ст. 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, и назначить данному лицу меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Часть 2 этой же статьи устанавливает, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа допускается в любой момент производства по уголовному делу до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции – до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу. В Уголовный кодекс РФ (УК РФ) одновременно с изменениями УПК РФ внесена ст. 76.2 УК РФ, устанавливающая, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Представляется, что положения УК и УПК, регламентирующие уплату судебного штрафа, призваны, по мысли их создателей, как и положения гл. 40, 40.1, 32.1 УПК РФ, разгрузить судебную систему. Не останавливаясь на основаниях и условиях применения положений гл. 51.1 УПК РФ, выскажем мнение о перспективах применения института прекращения уголовного дела с уплатой судебного штрафа.

Отметим, что конструкции, схожие с примененными в УПК РФ в настоящее время, давно и хорошо известны. Статьей 41-2 УПК Франции по делам о нескольких десятках малозначительных деяний, определяемых как «уголовные проступки», к которым относятся отдельные насильственные действия, проступки против интересов семьи, мелкие имущественные преступления, предусматривается процедура назначения «уголовного штрафа по соглашению» (*composition penale*). В случае признания лицом вины прокурор до возбуждения уголовного преследования может предложить уплатить в казну штраф в размере, не превышающем 25 тыс. франков, и половину штрафа, установленного за проступок в качестве наказания (единовременно или в рассрочку до года; передать государству предметы, ставшие орудием преступления или добытые преступным путем; передать секретарю трибунала водительские права или охотничье удостоверение (в случае совершения мелких преступлений соответствующей категории) на срок до 4 месяцев; бесплатно выполнить общественные работы продолжительностью до 60 часов в срок до 6 месяцев). При этом принципиальным требованием является также обязательное возмещение потерпевшему лицу имущественного ущерба. Если обвиняемый согласен с предложением прокурора, материалы передаются в суд для утверждения соглашения между ними. Судья после допроса в присутствии адвокатов подсудимого и потерпевшего либо утверждает соглашение, либо отказывает в нем, причем решение судьи не обжалуется, а предложение прокурора теряет силу. Все фактически исполненное до этого момента подлежит зачету [1. С. 337].

Согласно ст. 216-бис Кодекса уголовного расследования Бельгии во избежание судебного разбирательства по всем делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет, обвиняемый, не отрицающий своей вины и уплативший в казну устанавливаемую в каждом конкретном случае сумму (если преступлением причинен вред только интересам государства), а также полностью возместивший ущерб потерпевшему (если вред причинен интересам частного лица), освобождается от уголовной ответственности с прекращением дела в досудебной стадии уголовного процесса. Примерно треть всех уголовных дел, поступающих из полиции в прокуратуру, разрешаются именно таким способом. Применяется подобная упрощенная форма разрешения уголовного дела и в Нидерландах [2. С. 9].

Отличие европейских процедур от норм гл. 51.1 УПК РФ очевидно: инициатором прекращения уголовного преследования выступает либо прокурор, как во Франции, либо обвиняемый, добровольно возместивший ущерб и уплативший (согласный уплатить) штраф. В Российской Федерации решение о процедуре судопроизводства отдано на усмотрение следователя и дознавателя, которым предоставлено право подать ходатайство о прекращении уголовного дела на имя суда с согласия начальника следственного отдела либо прокурора, мнение же обвиняемого и потерпевшего определяющей роли не играет. На основании каких критериев у следователя и дознавателя должно возникнуть мнение, что в отношении лица следует прекратить уголовное преследование, законодатель не устанавливает. Полагаем, что это неправильно, дискреция должностных лиц не должна носить неограниченный характер, напротив, провозглашая целью борьбу с преступностью, дискрецию следует либо максимально ограничивать, либо четко определять ее пределы.

В этой связи можем уверенно предположить, что положения гл. 51.1 УПК РФ эффективно работать не будут, так как качество работы органов предварительного расследования оценивается по количеству расследованных и направленных ими в суд уголовных дел. Известно, к примеру, что случаев прекращения уголовных дел на стадии предварительного расследования в связи с примирением потерпевшего и обвиняемого единицы, следователи и дознаватели либо вообще не рассматривают подобные ходатайства, либо разъясняют участникам судопроизводства право заявить ходатайство в суде, где у потерпевшего и подсудимого уже имеется реальная возможность окончить уголовное дело миром. Таким образом, вероятнее всего, органы предварительного расследования будут обращаться в суд с ходатайством о прекращении уголовного преследования лишь в крайних, экстраординарных случаях, причем преимущественно тогда, когда вина обвиняемого не находит своего подтверждения, т.е. необоснованно.

Представляется, верность подобной точки зрения подтверждается тем, что с момента принятия изменений в УПК РФ до момента написания данной статьи в Тюменской области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах случаев применения положений гл. 51.1 УПК РФ практически не было, нет устойчивой и обширной практики и в иных субъектах федерации.

Представляется, что процедура уплаты судебного штрафа по соглашению может быть эффективной в РФ при наличии следующих принципиальных моментов: обращаться к суду с ходатайством о ее применении должны либо обвиняемый и потерпевший, либо прокурор, на которого было бы целесообразно возложить обязанность рассматривать обращения потерпевшего и обвиняемого в досудебном порядке и принимать решение о поддержке их ходатайства либо об его отклонении с возможностью ревизии в судебном порядке принятого им решения. Возможен и французский вариант, при котором прокурор по своей инициативе на самой ранней стадии предлагает возместить ущерб и уплатить штраф, он еще более предпочтителен в связи с тем, что государство в данном случае сможет реально сэкономить ресурсы, поскольку решение о прекращении уголовного преследования (либо даже об отсутствии самой его необходимости) будет принято на самой ранней стадии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М. : Зерцало–М, 2002. 480 с.
2. Капугин А.Г., Мониц М.В., Компромисс в уголовном судопроизводстве. Красноярск : СибЮИ МВД РФ, 2008. 120 с.

TERMINATION OF THE CRIMINAL CASE WITH PAYMENT OF A COURT FINE: ASSESSMENT OF EFFICIENCY AND PERSPECTIVES OF APPLICATION

Aleksey V. Piyuk, Megion City Court (Khanty-Mansiysk, Russian Federation). E-mail: avaleks2@yandex.ru

Keywords: criminal procedure, court fine, bodies of preliminary investigation, termination of criminal case, cessation of criminal prosecution.

DOI: 10.17223/9785946216678/13

Federal Law No. 323-FZ of July 3, 2016 amended the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with Chapter 51.1, which regulates the procedure for termination of a criminal case with payment of a court fine. Forms of alternative resolution of criminal cases reminiscent of the procedure provided for in Chapter 51.1 of the RF Code of Criminal Procedure have long been applied in European countries – France, Belgium and the Netherlands, but the difference between European procedures and the norms of Chapter 51.1 of the RF Code of Criminal Procedure is obvious: the initiator of the cessation of criminal prosecution is either the prosecutor or the accused who voluntarily reimbursed the damage and paid (agreed to pay) a fine. In the Russian Federation,

the right to file a petition to the court for the termination of a criminal case, with the consent of the head of the investigation department or the prosecutor, is granted to the investigator or the inquirer, while the opinion of the accused and the victim is not decisive. The author believes that the provisions of the RF Criminal Code and the RF Criminal Procedure Code regulating the payment of a court fine, like the provisions of Chapters 40, 40.1, 32.1 of the RF Code of Criminal Procedure, called, in the opinion of their creators, to relieve the judicial system will not work effectively, because the quality of the work of the preliminary investigation bodies is estimated by the number of criminal cases investigated and sent to court. Thus, the preliminary investigation bodies will apply to the court with a petition for the termination of a criminal case only in extreme, extraordinary cases, mostly when the defendant's guilt is not proved. The author's opinion is confirmed by the data of court statistics. Since the adoption of changes in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation until the writing of this paper, there have been practically no instances of applying the provisions of Chapter 51.1 of the RF Code of Criminal Procedure in Tyumen Oblast, Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets Autonomous Okrugs. There is no stable and extensive practice in other subjects of the Russian Federation. It seems that the discretion of officials should not be unlimited; on the contrary, proclaiming the goal of combating crime, discretion should either be limited to the maximum or its limits should be clearly outlined. The procedure for payment of a court fine by agreement can be efficient in the Russian Federation only if the petition to the court to apply it is made by the accused and the victim, or the prosecutor, who should have the obligation to examine appeals of the victim and the accused in pre-trial order and decide to support them or reject them with the possibility of a court revision of the prosecutor's decision. The French version, in which the prosecutor offers to compensate for damage and pay a fine at the earliest stage, is even more preferable, as the state in this case can actually save resources, since the decision on the cessation of criminal prosecution (or even the lack of its necessity) will be made at the earliest stage.

REFERENCES

1. Gutsenko, K.F., Golovko L.V. & Filimonov B.A. (2002) *Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv* [The criminal process of Western states]. Moscow: Zertsalo-M.
2. Kalugin, A.G. & Monid, M.V. (2008) *Kompromiss v ugolovnom sudoproizvodstve* [Compromise in criminal proceedings]. Krasnoyarsk: SibYul MVD RF.

К.В. Скоблик

ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ

В статье, исходя из выделения в доказывании, наряду с диалектико-логической стороной, формально-логической стороны, разбираются четыре логических закона-требования. Показано их действие в процессе принятия познавательного уголовно-процессуального решения, обоснована необходимость их соблюдения субъектом доказывания. Параллельно критикуется часть существующих положений процессуальной доктрины по поднятому вопросу. В завершении указывается на организацию формальной логикой оценочной деятельности в доказывании и при принятии познавательного решения.

Ключевые слова: законы формальной логики, доказывание, принятие познавательного уголовно-процессуального решения, оценка.

Формальная логика изучает логическую форму, т.е. способ связи частей мыслимого содержания в рассуждении. Поскольку же логическая форма возникает везде, где есть связь мыслей, то мыслительная деятельность в доказывании и при принятии познавательного решения¹ также проходит в логической форме и не должна отступать от четырех формально-логических законов [1. С. 163].

Первый закон – закон тождества. Аристотель, сформулировавший его, указывал: «Нельзя ничего мыслить, если каждый раз не мыслить что-нибудь одно» [2. С. 118]. Наиболее понятно, на взгляд исследователя, содержание закона выразил В.Ф. Асмус: «Согласно этому закону, необходимая логическая связь между мыслями возможна лишь при условии, если всякий раз, когда в рассуждении или выводе появляется

¹ Познавательное – основанный на знании прошлого проект процессуального действия, влияющий на достижение целей публичного уголовного процесса, определяемых его назначением и началом (решение об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, решение о привлечении лица в качестве обвиняемого, о составлении обвинительного заключения / обвинительного акта, постановлении приговора в части установления обстоятельств, подлежащих доказыванию).

мысль о каком-либо предмете, мы будем мыслить именно этот самый предмет и в том же самом содержании его признаков» [3. С. 15].

Значимость этого закона для логического мышления обнаруживается при его нарушении. Так, из двух посылок – «Все собранные доказательства по уголовному делу № 2200034 являются достоверными» и «Ни одно доказательство не соответствующее действительности не является достоверным» – логически необходимое заключение «Ни одно доказательство, не соответствующее действительности не является доказательством, собранным по уголовному делу № 2200034», следует только тогда, когда в понятие «достоверность» вложено одинаковое содержание. Действительно, пусть во второй посылке под достоверностью понимается относимость, тогда пропадет связующий два суждения средний термин «достоверность», что не позволит, в итоге, сделать логически необходимый вывод. Применяя указанное к информационным, логическим доказательствам и обстоятельствам ст. 73 УПК РФ [4]¹, утверждаем, что при мыслительной (оценочной) деятельности в доказывании и принятии познавательного решения содержание доказательств и обстоятельств, подлежащих доказыванию, не может меняться должностным лицом произвольно, за исключением случаев внесения таких изменений практической (собрание, проверка) деятельностью.

Второй закон суть закон противоречия. О нем Аристотель говорил: «...невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении» [2. С. 120]. Это означает, что «не могут быть сразу истинными два высказывания, из которых одно утверждает нечто о предмете, а другое отрицает то же самое об этом же самом предмете и в то же самое время» [3. С. 17]. Возьмем два суждения: «Всей информации, полученной от потерпевшей Б., можно верить» и «Всей информации, полученной от потерпевшей Б., нельзя верить». Ясно, что оба они не могут быть истинными, так же ясно и то, что в случае допущения субъектом доказывания в своем мышлении логического противоречия и признания двух этих суждений истинными, невозможно однозначно решить вопрос об использовании информации от Б. в доказывании.

¹ О различии информационных, логических доказательств и обстоятельств, подлежащих доказыванию, см.: [5].

Закон противоречия рассматривается в связке с законом исключенного третьего: *tertium non datur* (лат.) – третьего не дано – означающим: «...если относительно чего бы то ни было необходимо либо утверждение, либо отрицание, то невозможно, чтобы и отрицание, и утверждение были ложными, ибо ложным может быть лишь один из обоих членов противоречия» [6. С. 11]. Суть этого закона четко выразил С.И. Поварнин: «Из двух противоречащих суждений одно, по необходимости, истинно, другое ложно» [7. С. 8]. Заметим, если закон противоречия просто запрещает одновременную истинность противоположных или противоречащих суждений, то закон исключенного третьего позволяет переходить от истинности одних к ложности других и наоборот [6. С. 53]. Пусть есть два суждения: 1) нож, обнаруженный на месте происшествия, содержит потожировые следы Н.; 2) нож, обнаруженный на месте происшествия, не содержит потожировых следов Н. По закону противоречия эти суждения не могут быть одновременно истинными, а по закону исключенного третьего признание истинным или же ложным одного из них позволяет субъекту доказывания логически необходимо признать уже другое суждения ложным или истинным.

Завершая анализ законов противоречия и исключенного третьего, очертим границы, дабы не распространить их на недоступную им сферу. Оба закона охватывают все суждения, находящиеся в отношениях противоположности и противоречия, однако закон исключенного третьего, в отличие от закона противоречия, не распространяется на противоположные суждения, могущие быть одновременно ложными, поскольку в этом случае переход от ложности одного суждения к истинности другого невозможен [6. С. 51, 53]. Применяя данные положения к уголовно-процессуальному доказыванию и принятию познавательного решения, заключаем о невозможности достоверности между собой полностью или в части противоположных или противоречащих друг другу в этой части или полностью информационных доказательств. Если достоверно / недостоверно одно, то недостоверно / достоверно другое. Последнее положение верно, только если они оба не недостоверны.

Четвертый и последний закон достаточного основания сформулировал не Аристотель, а Лейбниц¹: «Наши заключения основаны на

¹ Несмотря на распространенность этой позиции, П.С. Попов и Н.И. Стяжкин замечают: «Демокрит выделяет – в качестве эмпирического закона мышления –

двух великих принципах, на принципе противоречия и принципе *ratio sufficiens* (разумной достаточности), в силу которого мы принимаем, что ни один факт не является истинным или действительным, ни одно положение не является истинным, без того, чтобы не было достаточного основания, почему оно таково, а не иначе...» [2. С. 120]. С.И. Поварнин разъясняет: «Каждая мысль в логическом мышлении связана по своему содержанию с некоторыми другими мыслями так, что необходимо из них вытекает» [7. С. 14]. Например: «П. в момент совершения преступления был либо в месте А., либо в месте Б. (основание 1). П. в момент совершения преступления не был в месте А. (основание 2). Следовательно (логическая связь), П. в момент совершения преступления был в месте Б. (заключение)». Вывод, в данном случае, следует из других посылок только лишь потому, что они есть достаточное основание для него.

В заключение отнесемся к пониманию рассмотренных законов другими процессуалистами. А.Р. Белкин пишет: «Важные правила доказывания вытекают из логического закона противоречия... Вот эти правила: а) доказываемое обстоятельство не должно иметь противоречивого содержания, т.е. не быть внутренне противоречивым; б) нельзя одним актом доказывания пытаться доказать два логически противоречивых обстоятельства, факта; в) доказательства, используемые для доказывания, обстоятельства, не должны противоречить друг другу» [9. С. 104]. Однако А.Р. Белкин применяет закон противоречия лишь к противоречию, оставляя отношение противоположности за гранью, сужая тем самым сферу действия этого закона¹. Из его рассуждений следует возможность для субъекта доказывания использовать, например, непротиворечивые, но противоположные по содержа-

так называемый закон достаточного основания. Еще его учитель Левкипп утверждал: «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании в силу необходимости». Это первая в истории формулировка закона о достаточном основании» [8. С. 20].

¹ Логика отмечают: «Закон противоречия относится к обоим видам несовместимости суждений. Первый вид – противоположность (контрарность), второй – противоречие (контрадикторность). Для противоположности невозможна одновременная истинность двух суждений, но не исключена их одновременная ложность. Например, предложения *Все лошади белые* и *Все лошади не белые* одновременно ложны. Противоречие – более сильное отношение... Пример противоречия: *Все лошади белые* и *Неверно, что все лошади белые*» [6. С. 51–52].

нию доказательства. Пусть есть показания двух свидетелей: 1) «Все задержанные присутствовали на месте совершения преступления»; 2) «Ни один из задержанных не присутствовал на месте совершения преступления». Суждения эти противоположны, поскольку могут быть одновременно ложными (возможно присутствие только части задержанных на месте совершения преступления), но они не могут быть одновременно истинными. Однако, следуя логике А.Р. Белкина, два этих доказательства, несмотря на невозможность их одновременной достоверности, можно использовать для доказывания какого-либо обстоятельства из-за отсутствия здесь отношения противоречия.

Далее А.Р. Белкин указывает: «Два доказываемых факта, обстоятельства, противоречащие друг другу, не могут быть оба истинными или оба ложными. Это правило основано на логическом законе исключения третьего: два противоречащих суждения не могут быть одновременно ни истинными, ни ложными и нет между ними среднего термина» [9. С. 105]. Утверждая это, ученый снова ограничивает сферу действия, но уже закона исключенного третьего, лишь отношением противоречия. Если признать сказанное им, то тогда два доказываемых факта, находящиеся в отношении противоположности, могут быть одновременно ложными. Так-то оно так, но, если ситуация такова, что факты, находящиеся в отношении противоположности, не ложны одновременно, то, следуя логике А.Р. Белкина, на них не действует закон исключенного третьего и субъект доказывания не должен на основе истинности одного факта заключить о ложности другого и наоборот. Такое положение ограничивает познавательные способности должностного лица, запрещая ему совершать часть логических операций.

Все сказанное подводит нас к выводу о том, что задача формальной логики в уголовно-процессуальном доказывании и при принятии познавательного решения – организовывать оценку в части логической формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. М. : Гардарики, 2005. 254 с.
2. Рузавин Г.И. Логика и аргументации : учеб. пособие для вузов. М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. 351 с.
3. Асмус В.Ф. Логика : учеб. М. : Едиториал УРСС, 1947. 388 с.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 23.12.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (часть I), ст. 61; № 14, ст. 1908; № 18, ст. 2515; № 28, ст. 4559. Российская газета. 23.12.2016. № 292.
5. Барабаш А.С. Механизм установления свойств и характеристик доказательств в уголовно-процессуальном доказывании // Вестник Красноярского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2005. № 6. С. 181–185.
6. Логика : учебник / С.С. Гусев, Э.Ф. Караваев, Г.В. Карпов и др. ; под ред. А.И. Мигунова, И.Б. Микиргумова, Б.И. Федорова. М. : Проспект, 2010. 675 с.
7. Поварнин С.И. Общее учение о доказательстве. Петроград : Тип. Акц. Общ. Типографского Дела, 7 тома, 26. 1916. 224 с.
8. Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от Античности до эпохи Возрождения. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. 222 с.
9. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : Норма, 2007. 525 с.

THE FORMAL-LOGICAL SIDE OF MAKING A COGNITIVE CRIMINAL PROCEDURE DECISION

Konstantin V. Skoblik, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: 8923362@gmail.com

Keywords: laws of formal logic, proving, making cognitive criminal procedure decision, assessment.

DOI: 10.17223/9785946216678/14

Specifying the mechanism of cognitive activity in the public model of the criminal procedure, the author identifies the formal logical and dialectical logical aspects in proving, whose implementation in unity ensures the formation of a cognitive solution. This solution is a project of a procedural action that influences reaching the aims of a public criminal trial determined by its purpose and principle (decision to refuse to initiate a criminal case, to terminate a criminal case or criminal prosecution, decision to accuse a person, to prepare the indictment, to make a verdict with regard to establishing the circumstances subject to proof, etc.) based on knowledge of the past.

In this paper the author examined the operation of four logical laws (identity, contradiction, excluded third, sufficient grounds) in criminal procedure activities and showed their importance in the formation of informative logical evidence and circumstances subject to proof (Article 73 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). This allowed him to assert the following: 1) thinking (assessing) activity in proving and making a cognitive decision – like any thinking activity – goes in a logical form and must not deviate from four formal logical laws; 2) in thinking (evaluating) activity when proving and making a cognitive decision, the content of evidence and circumstances subject to proof cannot be changed by an official arbitrarily, except for cases when such changes are made by practical (collection, verification) activity; 3) it is impossible that all information evidence, in whole or in part contradictory or inconsistent with each other, were all true. If one element is true / not true, the other is not true / true. This provision is true only if they are both not true.

The paper ends with a thesis about the organisation of formal logic in terms of the logical form of evaluation in proving and in making a cognitive decision. The paper also expresses a critical attitude to a number of legal procedure experts' theses about the effect of the laws of formal logic in proving.

The above conclusions are obtained on the basis of the idea of the Russian criminal procedure as public, using deduction (transfer of the provisions of logic to the criminal procedure), analysis (separation of parts of proving) and synthesis (the thesis of their unity).

REFERENCES

1. Sorina, G.V. (2005) *Prinyatie resheniy kak intellektual'naya deyatel'nost'* [Decision-making as an intellectual activity]. Moscow: Gardariki.
2. Ruzavin, G.I. (1997) *Logika i argumentatsii* [Logic and Arguments]. Moscow: Kul'tura i sport, YuNITI.
3. Asmus, V.F. (1947) *Logika* [Logic]. Moscow: Editorial URSS.
4. Russian Federation (2016) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 g. № 174-FZ (s izm. ot 23.12.2016) [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on December 23, 2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation bulletin of the Russian Federation*. Art. 4559.
5. Barabash, A.S. (2005) Mekhanizm ustanovleniya svoystv i kharakteristik dokazatel'stv v ugovovno-protsessual'nom dokazyvanii [The mechanism of establishing the properties and characteristics of evidence in criminal procedural proving]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosuniversiteta*. 6. pp. 181–185.
6. Gusev, S.S., Karavaev, E.F., Karpov, G.V. et al. (2010) *Logika* [Logic]. Moscow: Prospekt.
7. Povarin, S.I. (1916) *Obshchee uchenie o dokazatel'stve* [General Teaching on Proving]. Petrograd: Tip. Akts. Obshch. Tipografskogo Dela, 7 rota, 26.
8. Popov, P.S. & Styazhkin N.I. (1974) *Razvitie logicheskikh idey ot antichnosti do epokhi vozrozhdeniya* [The development of logical ideas from Antiquity to the Renaissance]. Moscow: Moscow State University.
9. Belkin, A.R. (2007) *Teoriya dokazyvaniya v ugovovnom sudoproizvodstve* [Theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow: Norma.

Д.В. Татьяна

УЧАСТИЕ НОТАРИУСА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: НЕРАЗРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ

Право нотариуса встречаться с находящимся под стражей или домашним арестом подозреваемым или обвиняемым в целях удостоверения доверенности на представление его интересов в сфере предпринимательской деятельности вызвало ряд вопросов, требующих решения. Автором предлагается в целях их решения ввести норму в УПК РФ, которая должна регулировать процессуальное положение нотариуса как иного участника уголовного процесса и процессуальный порядок допуска нотариуса к подозреваемому или обвиняемому.

Ключевые слова: участник, уголовный процесс, нотариус, права обвиняемого, защита прав,следователь, порядок, допуск.

Участники уголовного судопроизводства определены во втором разделе УПК РФ. Их понятие дано в п. 58 ст. 5 УПК РФ, согласно которой под участниками уголовного судопроизводства понимаются лица, принимающие участие в уголовном процессе. Учитывая, что в теории уголовного процесса понятия «судопроизводство» и «процесс» являются тождественными, то под участниками уголовного судопроизводства следует понимать любое лицо, которое в нем принимает участие.

Для определения состава участников уголовного судопроизводства следует рассмотреть понятие уголовного процесса, ведь именно участие в нем позволяет говорить о конкретном лице как участнике процесса. Уголовный процесс представляет собой процедуру производства по уголовному делу, т.е. по делу о совершении преступления [1. С. 17]. Таким образом, каждый участник процесса должен быть связан с обстоятельствами расследования преступления либо оказанием помощи одному из его участников.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ кроме лиц, указанных в гл. 5–9, в качестве участников процесса содержит большое количество норм, в которых указываются лица, которые тем или иным образом оказываются связанными с производством по уголовному делу, но при этом не принимают непосредственного участия в процессе производства по

нему (например, поручитель, залогодатель, помощник судьи и др.). Одним из таких участников является нотариус.

Для определения места нотариуса в уголовном процессе следует рассмотреть цели его участия. Исходя из законодательства, регламентирующего деятельность нотариуса, следует отметить, что он обеспечивает защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц, реализуя их конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи [2]. Нотариус оказывает ее посредством совершения закрепленных законодательством нотариальных действий.

Федеральным законом РФ № 325-ФЗ от 3 июля 2016 г. были внесены дополнения в ст. 46 и 47 УПК РФ, регламентирующие права и обязанности обвиняемого в уголовном процессе. Указанным законом были введены в ст. 46 п. 3¹, а в ст. 47 – п. 9, согласно которого с момента заключения под стражу или домашнего ареста подозреваемый или обвиняемый может иметь свидания без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов обвиняемого в сфере предпринимательской деятельности. Законодатель указал на запрет для нотариуса совершать нотариальные действия в отношении имущества, денежных средств и иных ценностей, на которые может быть наложен арест в случаях, предусмотренных УПК РФ.

Для ответа на вопрос: является ли нотариус участником уголовного судопроизводства, исходя из положений п. 3¹ ч. 4 ст. 46 и п. 9¹ ч. 4 ст. 47 УПК РФ, следует рассмотреть следующие положения:

– процессуальный порядок допуска нотариуса к подозреваемому или обвиняемому, находящемуся под стражей или домашним арестом;

– о какой предпринимательской деятельности подозреваемого, обвиняемого идет речь: только его профессиональная деятельность, не связанная с расследуемым преступлением, или профессиональная деятельность, связанная с расследуемым преступлением;

– кто и каким образом должен уведомить нотариуса об имуществе, денежных средствах и иных ценностях, на которые может быть наложен арест;

– вправе ли следователь отбирать подпись у нотариуса о том, что он предупрежден о недопустимости совершения указанных действий.

В УПК РФ законодатель не определил порядок вызова и допуска нотариуса в следственный изолятор к обвиняемому или подозреваемому

тому. Возникает вопрос о возможности допуска нотариуса к указанным лицам по аналогии допуска к ним священнослужителя. Данный порядок не может являться допустимым, поскольку допуск священнослужителя обусловлен незыблемым конституционным правом человека на свободу вероисповедания, лишить которого его никто не может. Священнослужитель обязан соблюдать тайну исповеди, он не вправе сообщать о полученной в ее процессе информации никому, в том числе представителям органов предварительного расследования и суда. Появление священнослужителя не связано никаким образом с выполнением подозреваемым или обвиняемым своей профессиональной деятельности, поэтому участие священнослужителя в УПК РФ не предусмотрено.

Появление нотариуса у подозреваемого или обвиняемого, согласно указанным нормам УПК РФ, связано с занятием ими предпринимательской деятельности. Нотариат является несудебной формой защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов. Удостоверяя бесспорные факты, в наличии которых нотариус может убедиться непосредственно либо на основании соответствующих документов, он во многих случаях предупреждает возникновение в суде споров о праве [З. С. 9].

Подозреваемый и обвиняемый, занимающиеся указанным видом деятельности, могут совершить преступление, как непосредственно связанное с ее осуществлением, так и любое другое преступление, которое не имеет к указанному виду деятельности никакого отношения. Применение меры пресечения в виде домашнего ареста или заключения под стражу к подозреваемому или обвиняемому, осуществляющему предпринимательскую деятельность, не должно отражаться на возможности функционирования предприятия, владельцем которого является указанное лицо, если речь не идет о приостановлении или прекращении незаконной деятельности самого предприятия.

Для обеспечения возможности продолжать осуществлять деятельность предприятия предприниматель должен иметь возможность распоряжаться кредитом и осуществлять ряд организационных и управленческих функций. В этих целях законодатель предоставил ему возможность общаться с нотариусом неограниченное количество времени по вопросам, связанным с предпринимательской деятельностью подозреваемого или обвиняемого.

Нотариус в соответствии со ст. 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате обязан соблюдать нотариальную тайну. Он не вправе разглашать данные, полученные от своего доверителя, при этом нотариус не имеет права принимать участие в заключении незаконных сделок, иных нарушений закона. Поскольку участие нотариуса связано с осуществлением предпринимательской деятельности, то нотариус должен получить согласие (допуск) у следователя или дознавателя на встречу с подозреваемым или обвиняемым. Основанием для получения допуска нотариусом может выступать заявление подозреваемого или обвиняемого, сделанное в письменной форме либо отраженное в протоколе следственного действия, о необходимости представить ему возможность встретиться с нотариусом для решения вопросов, связанных с предпринимательской деятельностью; либо заявление сотрудников предприятия, не являющихся распорядителями кредита, о необходимости допуска нотариуса к подозреваемому или обвиняемому в целях решения производственных вопросов; либо заявление самого нотариуса, сделанное следователю или дознавателю, о необходимости встречи с подозреваемым или обвиняемым для решения указанных вопросов. Нотариус должен представить следователю соответствующие документы, подтверждающие его статус нотариуса.

Удостоверившись в полномочиях нотариуса, следователь должен предоставить разрешение (допуск) для встречи с подозреваемым или обвиняемым. Только при наличии разрешения следователя или дознавателя нотариус может быть допущен для работы с подозреваемым или обвиняемым в следственном изоляторе, в противном случае ему не может быть предоставлена возможность встречи с ними. Наличие разрешения следователя или дознавателя, выданное нотариусу, не может ограничивать количество встреч последнего с обвиняемым или подозреваемым. Как и адвокат, нотариус, имея разрешение следователя, может встречаться с подозреваемым или обвиняемым неограниченное количество раз. При направлении уголовного дела в суд, полагаю, что нотариус должен получить указанное разрешение у судьи, поскольку обвиняемый будет числиться за судом и только суд будет иметь право давать разрешение на встречу обвиняемого с иными лицами.

При обращении с ходатайством о возможности встречи нотариуса с подозреваемым или обвиняемым возникает вопрос о праве следователя или дознавателя отказать в удовлетворении указанного ходатай-

ства. Полагаю, что если речь идет о законной предпринимательской деятельности, приостановление которой может повлечь негативные последствия, то отказывать в удовлетворении указанного ходатайства представляется недопустимым, поскольку при причинении ущерба в связи с противодействием осуществления предпринимательской деятельности органами предварительного расследования, обязанность его возмещения будет лежать на виновной стороне. Презюмируется отсутствие интереса у нотариуса на совершение противоправных действий, в том числе на оказание помощи обвиняемому или подозреваемому совершать их.

Учитывая, что нотариус не имеет права разглашать нотариальную тайну, следователь не вправе допрашивать его о предмете встреч и работе с подозреваемым или обвиняемым. При этом следует отметить, что нотариус не имеет права совершать противоправные действия либо оказывать помощь с их совершении. В связи с этим следователь имеет право отобрать подпись у нотариуса о том, что он предупрежден о недопустимости совершения указанных действий, которые могут быть связаны с разглашением информации, полученной от обвиняемого или подозреваемого. Нотариус не вправе отказаться от дачи указанной подписки. Ссылаться на то, что он встречается с подозреваемым или обвиняемым по вопросам предпринимательской деятельности, не связанным с фактом привлечения к уголовной ответственности лица, которому он оказывает юридическую помощь, беспредметно, поскольку их встречи проходят с соблюдением нотариальной тайны, учитывая, что клиент нотариуса в указанном случае имеет особый статус, который обусловлен нарушением им уголовного закона, то нотариус обязан дать требуемую от него подписку о неразглашении данных предварительного следствия.

Законодатель указал, что нотариусу запрещается совершение нотариальных действий с подозреваемым или обвиняемым в отношении имущества, денежных средств и иных ценностей, на которые может быть наложен арест. При этом не указано, когда, кто и в какой форме должен сделать указанное предупреждение. Обязанность принятия мер по обеспечению гражданского иска, возмещению причиненного ущерба, конфискации имущества лежит на органах предварительного расследования, суде; соответственно, должностное лицо, которое допускает нотариуса к подозреваемому или обвиняемому, обязано его

уведомить в письменной форме о недопустимости совершения каких-либо действий распорядительного характера в отношении указанного имущества. Нотариус не должен заключать сделок в отношении имущества и денежных средств сомнительного происхождения, наличие предупреждения об этом нотариуса является гарантией от совершения им незаконных действий.

Нотариуса следует отнести к иным участникам уголовного процесса, поскольку он оказывает квалифицированную юридическую помощь подозреваемым или обвиняемым в ограниченных случаях, не связанных с защитой от обвинения. Необходимо в гл. 8 УПК РФ ввести норму, регламентирующую цели, основания и процессуальный порядок участия нотариуса по уголовным делам, а также порядок предупреждения их о недопустимости совершения нотариальных действий в отношении имущества, денежных средств и иных ценностей, на которые может быть наложен арест.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный процесс : учеб. / под ред. В.А. Лазаревой. М. : Юстиция, 2015. 656 с.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 г. № 4462-1 (в ред. ФЗ № 363-ФЗ от 03.07.2016) // СПС КонсультантПлюс.
3. Бегичев А.В. Правозащитная деятельность нотариата в сфере соблюдения прав и законных интересов участников гражданского оборота при обеспечении доказательств : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 35 с.

PARTICIPATION OF THE NOTARY IN PROCEEDINGS ON CRIMINAL CASES: UNRESOLVED ISSUES

Dmitry V. Tatyatin, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: rok25-12@mail.ru

Keywords: participant, criminal trial, notary, rights of defendant, protection of rights, investigator, order, admission.

DOI: 10.17223/9785946216678/15

The criminal procedure legislation of the Russian Federation does not regulate the order of the notary's participation in criminal proceedings, but provides for their right to meet with the suspect and the accused for the purpose of certifying one's power to represent the suspect's interests in business in Articles 46 and 47 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The order of the admission of the notary to the defendant and the suspect is not established. In practice there are issues connected with the determination of the status of the notary and their participation in criminal proceedings. The procedural order of the admission of the notary to the suspect or the defendant who is in custody or under house

arrest by the permission of the investigator or the inquirer must be established. As the notary helps the defendant or the suspect on business matters, to exclude an opportunity to dispose of the property or money of the suspect or the defendant which is or can be seized, the investigator or the inquirer are obliged to notify the notary on it and warn them about the possible negative consequences if the notary helps the suspect or the defendant to dispose of the specified property. When giving a permission to meet with the suspect or the defendant the investigator shall warn the notary about the inadmissibility to disclose information on the preliminary investigation and take away the notary's non-disclosure agreement. The notary has no right to refuse to give this agreement. Considering the bases of participation of the notary in criminal proceedings it is proposed to classify them as other participants of criminal proceedings as they render qualified legal aid to the suspect or the defendant in cases which are not connected with defence against accusation. It is proposed to introduce a regulation into Chapter 8 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation that settles the purposes, bases and the procedural order of the notary's participation in criminal cases, and also the order of warning them about the inadmissibility of making notarial actions concerning property, money and other values which can be seized.

REFERENCES

1. Lazareva, V.A. (ed.) (2015) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Process]. Moscow: Yustitsiya.
2. Russian Federation (2016) *Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on the notary of February 11, 1993, No. 4462-1 (amended as Federal Law No. 363-FZ of July 3, 2013)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/. (In Russian).
3. Begichev, A.V. (2016) *Pravozashchitnaya deyatel'nost' notariata v sfere soblyudeniya prav i zakonnykh interesov uchastnikov grazhdanskogo oborota pri obespechenii dokazatel'stv* [Human rights activities of the notary in the sphere of observance of the rights and legitimate interests of the participants of civil traffic with the provision of evidence]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

DOI: 10.17223/9785946216678/16

А.В. Боярская

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ И ИХ ДОСУДЕБНОЙ И СУДЕБНОЙ ЧАСТЕЙ

В статье рассматривается система процессуальных форм уголовного судопроизводства с точки зрения взаимодействия таких ее компонентов, как уголовно-процессуальные производства, досудебные и судебные производства. Предметом исследования выступают особый порядок принятия судебного решения, особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, сокращенное дознание, производство по уголовным делам частного обвинения у мирового судьи. Анализируются способы их взаимодействия друг с другом и процедурами, осуществляемыми в обычном режиме.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, уголовно-процессуальное производство, досудебное производство, судебное производство, дифференциация уголовного судопроизводства.

Объектом исследования в данной статье выступает система процессуальных форм уголовного судопроизводства и такие ее компоненты, как уголовно-процессуальные производства, а также их досудебные и судебные части, рассматриваемые как составляющие единого производства по уголовному делу. При этом отметим, что под уголовно-процессуальным производством мы понимаем цельный правоприменительный процесс, взятый с момента его инициации в установленном законом порядке до момента его завершения вынесением итогового процессуального решения, в рамках которого осуществляется разрешение уголовного дела через установление его фактических обстоятельств и юридической основы, т.е. через осуществление доказывания. В отличие от уголовно-процессуального производства, досудебное и судебное производства по уголовному делу, как правило,

не исчерпывают собой правоприменительный процесс по отдельному уголовному делу, хотя они настолько автономны, что включают в себя все его логические стадии и в их рамках производится полноценный процесс доказывания [1. С. 46–47].

В качестве предмета исследования обозначим способы взаимодействия дифференцированных процедурно-процессуальных форм досудебных и судебных производств или единых уголовно-процессуальных производств, таких как особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный гл. 40 УПК РФ, особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, сокращенное дознание и производство по уголовным делам частного обвинения. При первом приближении укажем, что здесь возможны следующие комбинации: указанные процедуры могут, во-первых, выстраиваться в определенной последовательности; во-вторых, «накладываться» друг на друга, формируя «двукратно упрощенную» процедуру; в-третьих, реализовываться параллельно.

Приведем пример первого из упомянутых вариантов комбинаторики уголовно-процессуальных форм. Он связан с особым порядком судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Будучи взят как процесс рассмотрения и разрешения одного уголовного дела, он включает в себя досудебную и судебную части и является дифференцированным на всех своих этапах.

Стандартный порядок производства по уголовному делу здесь дополнен новым блоком уголовно-процессуальных форм, связанных с заключением и проверкой исполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве. Также предполагается серьезное сокращение судебного следствия.

При этом благодаря положениям п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 [2], согласно которому в тех случаях, когда по уголовному делу установлено соблюдение всех условий досудебного соглашения о сотрудничестве, однако суд в силу различных причин выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и переходе к общему порядку, наказание назначается по правилам ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ, данная процессуальная форма имеет два варианта своего построения: упрощенный и усложненный.

Первый складывается, если процедура полностью развивается в соответствии с предписаниями ст. 317.7 УПК РФ. Но если при заклю-

ченном досудебном соглашении о сотрудничестве невозможно рассмотреть уголовное дело в упрощенном порядке, за счет дополнения и уточнения предмета доказывания обстоятельствами, указанными в ч. 1 ст. 317.5 и ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ, применяется не общий порядок судебного разбирательства, а специфический вариант дифференцированного судебного производства, предполагающий усложнение процессуальной формы. Последнее достигается за счет введения блока процедур, связанных с заключением и проверкой исполнения обвиняемым (подсудимым) условий досудебного соглашения о сотрудничестве, что в последнем случае не компенсируется почти полным упразднением судебного следствия.

Как верно указывает Н.В. Редькин, нельзя допускать упрощения одного и того же производства как на досудебной, так и судебной стадиях, так как это может привести к разбалансированности процедуры и нарушению прав участников уголовного судопроизводства [3. С. 51]. Отталкиваясь от приведенной позиции, обратимся к примеру сокращенного дознания, для которого также характерно видоизменение процессуальной формы как досудебного, так и судебного производства.

Рассматриваемый процессуальный порядок является производным от особого порядка судебного разбирательства и общей процедуры дознания. При его формировании оказались затронуты предмет, пределы и средства доказывания. Как верно указывает О.И. Андреева, процессуальная экономия в данном случае достигается за счет сужения предмета доказывания, возможности использования сведений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении вне процедуры собирания доказательств, и возможности исключения из процесса доказывания проверки доказательств [4. С. 6]. Разумеется, при введении данной упрощенной процедуры круг следственных действий, доступных на стадии возбуждения уголовного дела, расширился настолько, что, как отмечает М.К. Свиридов, следственных действий здесь стало больше, чем не следственных [5. С. 64]. Однако процесс доказывания оказался деформированным настолько, что осуждение лица осуществляется практически на основании его собственного признания.

Аналогичный вывод можно сформулировать применительно к сочетанию особого порядка принятия судебного решения и производства по уголовным делам частного обвинения, который является при-

мером пересечения самостоятельного упрощенного производства по делам частного обвинения и упрощенной судебной процедуры, предусмотренной гл. 40 УПК РФ. В рассматриваемом случае, учитывая отсутствие досудебного производства по уголовным делам частного обвинения, практически полностью исключается процесс доказывания и создается возможность вынесения обвинительного приговора только лишь на основании признания вины. Процессуальная форма такого «дважды упрощенного» производства законом в полной мере не урегулирована, законодатели ограничились в данном случае только упоминанием о подобной вариации процедуры. Конкретизируется порядок реализации соответствующего смешанного производства Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [6].

Полагаем, допущение подобного сочетания недостаточно обосновано, хотя некоторые авторы, тем не менее, поддерживают идею формирования таких процедур [7. С. 32–33]. Более правильной представляется позиция, указывающая на недопустимость обсуждаемой комбинации в силу слишком высокого риска осуществления неправильной квалификации содеянного. Как верно указывают И.В. Жеребятьев, Е.А. Телегина, С.М. Ягофаров, по делам частного обвинения, «в отличие от публичного и частно-публичного обвинения полная доказательственная база и точная квалификация преступного деяния, объем обвинения, наличие смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т.д. могут стать известны сторонам только после окончания судебного следствия» [8. С. 27–28]. Следовательно, в анализируемой ситуации, предполагающей направление ходатайства об особом порядке судебного разбирательства в период от момента вручения лицу заявления потерпевшего о привлечении его к уголовной ответственности до вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания, неоправданно высок риск привлечения лица к уголовной ответственности за преступное деяние, которое оно фактически не совершало.

Пример параллельного развития взаимосвязанных уголовно-процессуальных производств вновь дает гл. 40.1 УПК РФ. Он отражен в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей

второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» [9].

Появление в уголовном процессе РФ процедуры особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве сразу поставило вопрос о доказывании по уголовным делам, основному и выделенному, производство по которым осуществляется параллельно в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве [10. С. 20–21; 11; 12. С. 41–44]. Как верно указывает А.В. Пилюк, «выделение уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, и рассмотрение его раздельно с уголовным делом по обвинению иных лиц способствуют возникновению множества коллизий и сложностей» [13. С. 74]. Думается, одна из них состоит в том, что Конституционному Суду РФ пришлось признать существование нового участника уголовного процесса: обвиняемого по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, допрашиваемого в судебном заседании по основному уголовному делу в целях получения показаний в отношении других соучастников преступления. На него не распространяются требования ст. 307 и 308 УК Российской Федерации об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний. Данное лицо не считается ни подсудимым (обвиняемым), ни свидетелем по основному уголовному делу. Принятие Конституционным Судом РФ соответствующего решения обосновывается ссылками на актуальную практику Европейского Суда по правам человека [14. С. 14–15], однако глубинной причиной данной ситуации, полагаем, является недостаточное внимание к вопросу системного взаимодействия процессуальных форм.

На основании изложенного можно сказать, что детальной проработки уголовно-процессуальной формы каждого отдельного дифференцированного производства недостаточно. Следует принимать во внимание сложный, системный характер уголовно-процессуальной формы, требующий не только учета специфики внутреннего построения каждой процедуры, но и характера ее взаимодействия с процессуальными формами иных самостоятельных уголовно-процессуальных производств, их досудебной или судебной частями.

По итогам рассуждения, соглашаясь с Т.В. Трубниковой, укажем, что дифференциация уголовного судопроизводства должна осуществляться в строго определенных пределах и не должна превращать в фикцию право на судебную защиту [15. С. 136], а также сформулируем следующие выводы:

1. Уголовно-процессуальная форма представляет собой многоуровневую сложноорганизованную систему. Структура системы уголовно-процессуальных форм зависит от полноты реализации в ней взаимодействующих свойств последовательности и многовариантности.

Недооценка свойства многовариантности, присущего уголовно-процессуальной форме порождает проблему комбинаторики (сочетания) отдельных элементов системы уголовно-процессуальных форм. Осуществляемые в общем порядке и дифференцированные уголовно-процессуальные производства, их досудебная и судебная части могут накладываться друг на друга, выстраиваться последовательно, образуя различные комбинации, либо реализовываться параллельно.

3. Сочетание отдельных компонентов системы уголовно-процессуальных форм, особенно дифференцированных, следует осуществлять в соответствии со следующими общими правилами:

– в уголовно-процессуальном производстве должно быть не менее одного полного доказательственного цикла, включающего в себя все элементы процесса доказывания;

– наложение или последовательная реализация уголовно-процессуальных форм, упрощающих одновременно досудебное и судебное производство, должны считаться недопустимыми; особое внимание следует обращать на исключение случаев образования «двукратно упрощенных» уголовно-процессуальных форм;

– вводя в систему процессуальных форм новое дифференцированное производство, следует четко определять свойства и варианты его юридической конструкции (усложненное или упрощенное), а также предусмотреть все возможные способы его сочетания и взаимодействия с иными процедурно-процессуальными формами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боярская А.В. Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2012. 246 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных

- дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. 2012. 11 июля.
3. Редькин Н.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного процесса России : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 233 с.
 4. Андреева О.И. Проблемы производства дознания в сокращенной форме // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 5–14.
 5. Свиридов М.К. Содержание стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 2 (20). С. 61–68.
 6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. 2006. 20 декабря; 2010. 2 марта; 2010. 30 декабря; 2012. 17 февраля; 2012. 14 июня; 2015. 29 декабря.
 7. Головинская И.В. Мировая юстиция: концепция совершенствования уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2008. 53 с.
 8. Жеребятьев И.В., Телегина Е.А., Ягофаров С.М. Применение особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам частного обвинения // Мировой судья. 2016. № 7. С. 24–30.
 9. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
 10. Булатов Б.Б., Козловский П.В. Совершенствование показаний как вида доказательств в уголовном процессе // Российский следователь. 2012. № 9. С. 19–22.
 11. Головкин Л.В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 3. В стиле новых тенденций // СПС КонсультантПлюс.
 12. Новиков С.А. Показания обвиняемого в уголовном процессе России: проблемы допустимости // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 41–44.
 13. Пилюк А.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы и пути их решения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 4 (22). С. 69–75.
 14. Осипов А.Л. Процессуальное значение и правила оценки показаний соучастников подсудимых: конституционно-правовые и международно-правовые аспекты // Адвокат. 2016. № 9. С. 14–20.
 15. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 131–139.

PROBLEMS OF SYSTEM INTERCONNECTION OF DIFFERENTIATED CRIMINAL PROCEDURE PROCEEDINGS AND THEIR PRE-TRIAL AND TRIAL PARTS

Aleksandra V. Boyarskaya, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: ba.omsu@gmail.com

Keywords: criminal procedure form, criminal procedure proceedings, pre-trial proceedings, trial proceedings, differentiation of criminal proceedings.

DOI: 10.17223/9785946216678/16

The paper considers the system of procedural forms in criminal proceedings from the point of view of interconnection of its components – criminal procedure, pre-trial and trial proceedings. Criminal procedure proceedings refer to the whole law enforcement process from its initiation in the order established by the law until its completion by making the final procedural decision. Within this process a criminal case is resolved by establishing its actual circumstances and legal basis, that is, through proving. Unlike criminal procedure proceedings, pre-trial and trial ones in a criminal case, as a rule, do not exhaust the law enforcement process in a separate criminal case, although they are so autonomous that they include all of its logical stages, and within their framework a full-fledged process of proving is carried out. The subjects of the study are the special procedure for the adoption of a judicial decision, the special procedure for the trial in the conclusion of a pre-trial cooperation agreement, the simplified inquiry, proceedings on criminal cases of private prosecution by a justice of the peace. The ways of their interaction with each other and the procedures carried out in the general order are analysed. The criminal procedure form is considered as a multilevel complex system whose structure depends on how complete the implementation of its mutually complementary properties of consistency and multi-variation are. Underestimation of the multi-variation property inherent in the criminal procedure form raises the problem of combination of separate elements of the system of criminal procedure forms. General order and differentiated criminal procedure proceedings, their pre-trial and trial parts can overlap, come consistently, form various combinations, or be implemented in parallel. The conclusion is drawn that separate components of the system of criminal procedure forms, especially differentiated ones, must be combined in accordance with certain general rules: 1) criminal procedure proceedings must have at least one complete evidentiary cycle that includes all the elements of proving; 2) the overlap or the consistent implementation of criminal procedure forms that simultaneously simplify pre-trial and trial proceedings should be considered inadmissible, special attention should be paid to the elimination of “doubly simplified” criminal procedure forms; 3) introducing new differentiated proceedings into the system of procedural forms, it is necessary to clearly determine the properties and variants of its legal structure (complicated or simplified), and also to provide all possible ways of its combination and interaction with other procedural forms.

REFERENCES

1. Boyarskaya, A.V. (2012) *Dokazyvanie v uproshchennykh sudebnykh proizvodstvakh ugovol'nogo protsesssa Rossii* [Proving in simplified court proceedings of the Russian criminal process]. Abstract of Law Cand. Diss. Omsk.
2. The Supreme Court of the Russian Federation. (2012) Resolution 16 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation On the practice of applying special procedures for the trial of criminal cases in courts during the conclusion of a pre-trial cooperation agreement. *Rossiyskaya gazeta*. (In Russian).

3. Redkin, N.V. (2007) *Osobyi poryadok sudebnogo razbiratel'stva v sisteme ugovolnogo protsesssa Rossii* [The special order of the trial in the system of Russian criminal process]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
4. Andreeva, O.I. (2014) The problems of a reduced inquiry. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4(14). pp. 5–14. (In Russian).
5. Sviridov, M.K. (2016) The content of the stage of instituting criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2(20). pp. 61–68. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/20/8
6. The Supreme Court of the Russian Federation. (2006) Resolution 60 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation 60 On the application of special procedures for the trial of criminal cases by courts. *Rossiyskaya gazeta*. (In Russian).
7. Golovinskaya, I.V. (2008) *Mirovaya yustitsiya: kontseptsiya sovershenstvovaniya ugovolnogo sudoproizvodstva* [World Justice: The concept of improving criminal justice]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladimir.
8. Zherebyatiev I.V., Telegina, E.A. & Yagofarov, S.M. (2016) Application of Special Procedure of Judicial Trial on Criminal Cases of Private Prosecution. *Mirovaya sud'ya – Magistrate Judge*. 7. pp. 24–30. (In Russian).
9. The Constitutional Court of the Russian Federation (2016). *Resolution 17-P of the Constitutional Court of the Russian Federation on the case of verification of the constitutionality of the provisions of Parts 2 and 8 of Article 56, Part 2 of Article 278 and Chapter 40.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen D.V. Usenko*. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. (In Russian).
10. Bulatov, B.B. & Kozlovskiy, P.V. (2012) The improvement of testimony as a kind of evidence in criminal procedure. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 9. pp. 19–22. (In Russian).
11. Golovko, L.V. (2012) *Kazakhstan: desovetizatsiya ugovolnogo protsesssa. Stat'ya 3. V stile novykh tendentsiy* [Kazakhstan: Desovetisation of the criminal process. Article 3. In the style of new trends]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=64142#0>.
12. Novikov, S.A. (2014) Testimony of the accused in criminal proceedings in Russia: problems of admissibility. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2. pp. 41–44. (In Russian).
13. Piyuk, A.V. (2016) Pretrial cooperation agreement: problems and solutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4(22). pp. 69–75. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/22/8
14. Osipov, A.L. (2016) Protseessual'noe znachenie i pravila otsenki pokazaniy souchastnikov podsudimyykh: konstitutsionno-pravovye i mezhdunarodno-pravovye aspekty [Procedural value and rules for assessing the testimony of defendants' accomplices: constitutional and legal and international legal aspects]. *Advokat*. 9. pp. 14–20.
15. Trubnikova, T.V. (2015) Predely uproshtcheniya ugovolnogo protsesssa [Limits of the criminal process simplification]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 12. pp. 131–139.

А.А. Брестер, Е.А. Юришина

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК КАК ПРОЦЕДУРА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О НАКАЗАНИИ

В статье рассматривается вопрос о назначении наказания через призму особого порядка судебного разбирательства, в частности с прицелом на изучение характеристик личности. Анализируется юридическая доктрина, законодательство, в частности нормы, регулирующие назначение наказания в особом порядке, а также проводится их соотношение с правоприменительной практикой.

Ключевые слова: уголовный процесс, назначение наказания, особый порядок, обстоятельства, характеризующие личность, уголовно-процессуальное доказывание.

При подробном изучении процессуальных аспектов назначения наказания процедура применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) представляет исключительный интерес. Если в общем порядке вопрос о наказании может быть растворен в исследовании общей совокупности представленных в суд доказательств, может не иметь активного освещения участниками со стороны защиты (ввиду, например, позиции невиновности), то при особом порядке вопрос о наказании является для суда основным после выяснения соблюдения всех необходимых условий проведения разбирательства без судебного следствия [1]. Именно здесь мы должны увидеть весь арсенал доказательств, средств и методов, при помощи которых суд приходит к выводу о необходимости применения конкретного вида и размера наказания. В рамках поиска ответа на вопрос о том, что может дать уголовный процесс для решения вопроса о наказании, мы, казалось бы, нашли идеальный объект для изучения – особый порядок. Но так ли это?

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ¹ в процентном соотношении доля особого порядка в целом по России в

¹ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2016 год. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

судах общей юрисдикции по первой инстанции в 2016 г. составила 65,8% (из 967 146 уголовных дел, оконченных в 2016 г., 636 431 было рассмотрено в особом порядке); по Сибирскому федеральному округу цифра составила 66,35% (119 520 дел из 180 130). Для сравнения, в 2015 году эти цифры составляли 56,6 и 53,3% соответственно. Авторы данной статьи не могут относиться положительно к такой тенденции применения упрощенной формы [2], но этот вопрос мы оставляем в стороне. Может быть, именно такое количество дел в особом порядке даст нам богатый материал для изучения процедуры назначения наказания.

Нас интересует тот этап назначения наказания, когда после всех формальных подсчетов в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным законом должна происходить оценка личности подсудимого с целью выбрать то наказание, которое, с большой долей вероятности, максимально эффективно способно достичь цели наказания в виде исправления осужденного¹. Первоначальные этапы выбора наказания во многом базируются на квалификации преступления. Итоговый же шаг нужен суду, чтобы индивидуализировать и назначить виновному конкретное соразмерное наказание. На нем мы и остановимся.

Часть 3 ст. 60 УК РФ весьма абстрактно гласит о том, что суду при принятии решения о виде и размере уголовного наказания необходимо учитывать характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Аналогичные требования содержатся и в процессуальном законодательстве в ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Учитывая тот факт, что общественная опасность и обстоятельства, предусмотренные ст. 61 и 63 УК РФ, были установлены при определении статьи, по которой будет квалифицировано содеянное, при производстве предварительного расследования, то суду остается лишь изучить характеристики личности, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а также те смягчающие и отягчающие обстоятельства, которые могут иметь реальное значение при назначении наказания.

¹ Авторы исходят именно из этой цели наказания здесь и в дальнейшем.

Что же именно должен изучить судья для определения наказания? Статья 316 УПК РФ говорит нам, что «могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание». В этом контексте, конечно, «могут» (равнозначно «должны») быть исследованы, так как именно с этими обстоятельствами законодатель связывает окончательный вывод о виде и размере наказания.

Ребром стоит та часть нормы, которая обязывает суд изучать «обстоятельства, характеризующие личность». Отдельно отметим, что закон не содержит понятия «личность», на сведения о которой законодатель предлагает нам ссылаться и в УПК РФ, и в УК РФ. Вместе с тем отсутствие критериев оценки личности применительно к наказанию существенно затрудняет выбор конкретного наказания из предложенной законодателем санкции.

Проведенное эмпирическое исследование, основанное как на наблюдении за конкретными судебными процессами, так и на подробном анализе более двух сотен приговоров¹ в части обоснования выбора вида и размера уголовного наказания, показало, что одни судьи понимают под личностью совокупность юридических фактов (женат, имеет детей, трудоустроен, наличие «криминального» прошлого), другие – состояние здоровья (инвалид, имеет тяжелое заболевание и т.д.), третьи – характеризующий материал (справки, характеристики, показания свидетелей на предмет межличностных отношений). Четвертые же оперируют смягчающими и отягчающими обстоятельствами, подменяя ими характеристики личности: стоит отметить, что в целом подобные сведения, как правило, носят типовой характер, который в большинстве своем не несет никакой информативной нагрузки как данных, характеризующих личность, что лишает суд объективной возможности оценить личность: вряд ли наличие иждивенца или отсутствие регистрации могут дать полную картину о том, что за подсудимый предстал перед судом². Подобную информацию было бы

¹ По итогам работы в судебных архивах, а также путем случайной выборки приговоров с применением баз данных «Росправосудие» (www.rospravosudie.com) и ГАС «Правосудие».

² Стоит отметить, что совокупный анализ приговоров судов первой инстанции показал исключительную «сухость» формулировок, мотивирующих выбор судьей конкретного наказания. Это особенно актуально в свете того, что УПК РФ зако-

уместно называть данными о личности, т.е. юридическими фактами и свойствами физического лица, но никак не данными, способными хоть как-то охарактеризовать именно личность с индивидуальным набором характеристик и качеств, которые потенциально могли бы сказаться на выборе эффективного именно для конкретного лица уголовного наказания.

Эту неопределенность подтверждает и Верховный Суд РФ, который в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 г. № 1 «О судебном приговоре» говорит о том, что к иным сведениям о личности подсудимого, имеющим значение для дела, относятся, в частности, данные об имеющейся у подсудимого инвалидности, наличии у него государственных наград, почетных, воинских и иных званий, о прежних судимостях. Но остается непонятным, как эти сведения могут сказаться на обоснованном и рациональном выборе наказания.

В литературе вопрос о том, что такое «обстоятельства, характеризующие личность», ставился не раз [3, 4]. С.В. Савин, анализируя понятие личности и оценку ее свойств применительно к назначению наказания, делает очень важный вывод: важно уяснить социальную сущность, внутреннюю природу человека, чем он живет, с тем чтобы при назначении наказания полностью учесть данные о личности подсудимого. Это в наибольшей степени будет способствовать достижению таких целей наказания, как исправление осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений [4].

При совокупном анализе законодательства и, что наиболее важно, судебной практики мы делаем вывод, что суд, устанавливая те обстоятельства, под которыми он понимает данные о личности (возраст, состояние здоровья и т.д.), ставит перед собой цель просто назначить

надательно закрепляет обязанность судов мотивировать вынесенный приговор в части выбора вида и размера наказания (ст. 307 УПК РФ). Суды в подавляющем большинстве случаев просто производят в приговоре перечисление каких-либо сведений и фактов об осужденном (женат, инвалид, ранее в ответственности не привлекался, характеризуется удовлетворительно и т.д.), но ни в одном изученном нами приговоре судьи не указывали, как именно и каким образом та или иная, как принято их называть, характеристика личности влияет на выбор конкретного вида и размера наказания, а также не объясняется, почему именно избранное наказание способно достичь исправительного эффекта.

наказание, а не изучить сущностные характеристики лица с целью его последующего исправления.

Это же подтверждает серия глубинных интервью, проведенных нами с практикующими судьями в целях понимания реально существующего на сегодняшний день на практике механизма назначения наказания. Если для одних судей действительно важно исправить лицо, находящееся на скамье подсудимых, то для других первоочередная задача – воздать по закону и в соответствии с содеянным, а все, что касается исправления – дело уже второстепенное. И это наиболее простой путь, который подразумевает лишь перевод юридически значимых обстоятельств в область цифр и вынуждает практически механично и вслепую наказывать осужденного в рамках сложившейся практики по той или иной категории уголовных дел.

Безусловно, большую роль в назначении наказания играют правила формализации – суд анализирует характеризующие материалы, принимает решение, высчитывает наказание чисто математически. Но в том разрыве, что имеется между минимумом и максимумом размера выбранного вида наказания, проявляется другая сторона принятия соответствующего решения. В отсутствии критериев принятия такого решения и при полной неопределенности законодательных абстрактных формулировок о личности, ее характеристиках и т.п. судьи находят собственные критерии, которые, скорее, человеческие, а не юридические.

Также в ходе интервьюирования при рассуждении о критериях определения вида и размера квалификации в рамках возможного, судьи давали понять, что при назначении наказания для них большое значение имеют такие обстоятельства, как поведение подсудимого в процессе, его манера общения с другими участниками, отзывы других лиц, например свидетелей, о том, каким осужденный является в жизни, а также личная способность судьи воспринимать подсудимых (верят они или нет в его раскаяние или же полное безразличие к личности подсудимого) – но все это никак не отражается в приговоре, зато существенно влияет на решение суда о том, нуждается ли человек в изоляции, например, и насколько долгой. Пока мы не оцениваем адекватность указанного подхода и причины его существования, а просто констатируем – неправовые факторы играют серьезную роль в выборе наказания судом.

Но что делать суду, если рассмотрение проходит в особом порядке? Получается, что суд лишен возможности того наблюдения, которое сегодня играет существенную роль в принятии решения о наказании? Есть ли у суда возможность хотя бы приблизительно понять, что за человек предстал перед ним? Для иллюстрации ответа на этот вопрос мы провели выборочный анализ 15 протоколов судебных заседаний Железнодорожного районного суда г. Красноярска (метод случайной выборки) за 2013–2017 гг. на предмет продолжительности разбирательства в особом порядке. Средняя продолжительность рассмотрения одного дела в особом порядке составила 29 минут. Среднее время, прошедшее с момента ухода судьи в совещательную комнату до начала оглашения приговора, – 48 минут. Опыт наблюдения в иных районах края показывает, что полученные результаты выглядят даже несколько лучше.

Достаточно ли судье 25–30 минут, чтобы сделать вывод о необходимости применения наказания в отношении подсудимого? Ответ однозначный: нет. Ведь в это время входят и формальные процедуры, которые занимают не менее половины судебного заседания, такие как оглашение состава суда, разъяснение прав и т.д. Получается, что на решение вопроса о наказании с учетом необходимости оглашения ряда доказательств и прений сторон уходит не более 15 минут. Изучение более широкого массива практики показывает, что и того меньше.

Вряд ли можно сказать, что суд успевает оценить подсудимого и уж тем более сформировать внутреннее убеждение, позволяющее адекватно, соразмерно и справедливо назначить наказание. Но стоит отметить, что особый порядок является, безусловно, удобной процедурой, позволяющей экономить время и силы, о чем говорили все респонденты в процессе интервьюирования.

Второй показательный момент, на который стоит обратить пристальное внимание, – продолжительность принятия решения. Мы можем увидеть, что суд назначает наказание за 48 минут, а в некоторых случаях суду было достаточно и 25 минут чистого времени. Если мы примем во внимание то, что суду необходимо время на техническую часть работы (написать текст решения – указать фактические обстоятельства, перечислить имеющиеся в каждом конкретном деле смягчающие и отягчающие обстоятельства, сделать ссылку на характери-

зующие материалы, обосновать вывод, проверить текст на ошибки, распечатать и подписать), то можем ли мы сказать, что у суда объективно хватает времени на то, чтобы все обдумать, оценить то, что было изучено в процессе, и принять однозначно решение – нуждается ли человек в наказании, связанным с изоляцией от общества, а если нет, то прийти к выводу о другом наказании, в том числе об условном лишении свободы?

Полагаем, что ответ будет аналогичным предыдущему: нет. Позволим предположить, что за то время, которое суды отводят на подготовку приговора, невозможно взвесить «за» и «против», скорее, в этом случае речь идет именно о чисто технической работе – о подготовке текста приговора. Полагаем, это может свидетельствовать об «автоматизме» в работе суда по назначению наказания в особом порядке – о закономерной повторяемости приговоров с одной и той же формулировкой. Скорее всего именно этим объясняется и то, что по ряду составов приговоры в особом порядке могут быть такими же по строгости, а то и более строгими, чем приговоры в общем порядке [5; 6. С. 172].

Механизм принятия решения о наказании на сегодняшний день не выработан, у суда нет критериев, которыми он должен руководствоваться при выборе вида и размера санкции в пределах возможного. Это очень ярко видно именно при анализе процессов, проведенных в особом порядке – там, где процесс изучения личности в целях назначения наказания должен занимать центральное место, где он, по сути, единственный процесс доказывания [7]. Именно тут мы видим, что никакого такого процесса, который направлен на назначение наказания, нет. Есть перечисление «характеризующих» материалов и мнение участников и все. Это позволяет уверенно говорить, что то же самое происходит и при рассмотрении дела в общем порядке. Иначе судьи переносили бы какие-то механизмы из общего в специальный процесс.

И это обнажает то, о чем многие знают, но почти никто не говорит. Как правило, назначенное наказание не соответствует как индивидуальным особенностям осужденного, учет которых в перспективе должен повлечь исправление лица, так и требованиям справедливого правосудия. Итоговое решение о наказании после определения максимума и минимума возможного – решение судьи как человека, а не как юриста, и влияют на него неправовые факторы в силу отсутствия понятных критериев и разработанных алгоритмов принятия такого

решения. Возможно, это недостижимая цель в рамках уголовного процесса. Тогда вопрос об итоговом наказании нужно будет переносить на более поздний, пенитенциарный этап. А может быть и в рамках процесса мы способны сделать так, чтобы назначенное наказание было адекватным заявленной цели? Это, конечно, большой вопрос для дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брестер А.А. Об ошибочном отнесении особого порядка принятия судебного решения к уголовно-процессуальной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 140–147.
2. Брестер А.А. Особый порядок судебного разбирательства и уголовно-процессуальная деятельность // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2014. С. 46–51.
3. Барабаш А.С. Значимость понятия «личность» в уголовно-процессуальной деятельности // Вопросы уголовного права и процесса в условиях правовой реформы : межвуз. сб. Красноярск : изд-во КГУ, 1999. С. 16–21.
4. Савин С.В. Проблемы учета личности виновного при назначении наказания // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 1 (42). С. 225–228.
5. Титаев К.Д., Поздняков М.Л. Порядок особый – приговор обычный: практика применения особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) в российских судах // Аналитические записки по проблемам правоприменения. СПб. : ИПП ЕУ СПб., 2012. URL: http://www.enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/pm_gl_40_UPK_fin.pdf
6. Питер Х. Соломон-мл. Сделка с правосудием в России: особый порядок судебного разбирательства // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. М. : Статут, 2012.
7. Барабаш А.С., Брестер А.А. Установление обстоятельств совершенного преступления и оснований назначения наказания – два самостоятельных этапа судебного следствия // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 167–172.

SPECIAL PROCEDURE AS THE PROCEDURE FOR THE DECISION ON PUNISHMENT

Aleksandr A. Brester, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation).
E-mail: russ28@yandex.ru

Elena A. Yurishina, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation).
E-mail: elena.yurishina@gmail.com

Keywords: criminal procedure, imposition of punishment, special order, circumstances characterising person, criminal procedure proving.

DOI: 10.17223/9785946216678/17

The paper aims to identify the problems of the criteria for choosing the type and size of the criminal punishment, to describe the current mechanism for the adoption of such a decision by judges and to formulate a theoretical problem related to the lack of a clear legislative regulation of this issue. The special procedure for the trial (Chapter 40 of the RF Code of Criminal Procedure) is the model for describing this mechanism since in its “pure” form it is nothing more than the selection, imposition and justification of the convict’s punishment.

For the empirical basis of the research, the authors used legal techniques and methods of social sciences, interviewing in particular. It is in-depth interviews that made it possible to determine the basic theses of the empirical study of the presented material. Respondents were practicing judges with at least 10 years of experience as a federal judge, who regularly review criminal cases and face the practice of applying a special procedure for litigation. In addition to personal communication with the judges, the authors analyse judicial practice both in conjunction with the results of interviewing, and apart from them.

The theoretical basis was works of various procedure law experts that discuss certain aspects of the issue under consideration, as well as issues of criminal proceedings and criminal procedure proving at the stage of punishment imposition. In addition to the above, the authors pay great attention to the analysis of court documents and criminal and criminal procedure legislation.

Based on the results of the study, the authors identify an urgent problem in criminal punishment imposition that consists in the absence of a single and clear criterion for its selection. They point to gaps in law enforcement that are associated not only with the indicated problem, but also with practical differences in approaches to punishment imposition in different judges and lack of justification of their decisions in sentences, which does not give an understanding of the reasons for the choice made. They also show the need for a legislative regulation of this issue.

REFERENCES

1. Brester, A.A. (2015) Ob oshibochnom otneseniі osobogo poryadka prinyatiya sudebnogo resheniya k ugolovno-protsessual'noy deyatelnosti [On the erroneous attribution of a special procedure for the adoption of a judicial decision to criminal procedural activity]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 12. pp. 140–147.
2. Brester, A.A. (2014) Osoby poryadok sudebnogo razbitatel'stva i ugolovno-protsessual'naya deyatelnost' [Special order of the trial and criminal procedural activity]. In: Eliseev, S.A., Sviridov, M.K. & Akhmedshin, R.L. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 46–51.
3. Barabash, A.S. (1999) Znachimost' ponyatiya “lichnost” v ugolovno-protsessual'noy deyatelnosti [The significance of the concept of “personality” in criminal procedural activity]. In: Barabash, A.S. et al. *Voprosy ugolovnogo prava i protsessy v usloviyakh pravovoy reform* [Problems of criminal law and process under legal reform]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 16–21.

4. Savin, S.V. (2015) Problemy ucheta lichnosti vinovnogo pri naznachanii nakazaniya [Problems of recording the perpetrator's identity when assigning punishment]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo*. 1(42). pp. 225–228.
5. Titaev, K.D. & Pozdnyakov, M.L. (2012) *Poryadok osoby – prigovor obychnyy: praktika primeneniya osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva (gl. 40 UPK RF) v ros-siyskikh sudakh* [The special order – the ordinary verdict: on applying a special order of the trial (Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure) in Russian courts]. St. Petersburg: The Institute for the Rule of Law. [Online] Available from: http://www.enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/pm_gl_40_UPK_fin.pdf.
6. Solomon, P.H. Jr. (2012) Sdelka s pravosudiem v Rossii: osobyy poryadok sudebnogo razbiratel'stva [A deal with justice in Russia: a special order of judicial proceedings]. In: Volkov, V.V. (ed.) *Kak sud'i prinyimayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava* [How judges make decisions: empirical research of law]. Moscow: Statut.
7. Barabash, A.S. & Brester, A.A. (2014) Ustanovlenie obstoyatel'stv sovershennogo prestupleniya i osnovaniy naznacheniya nakazaniya – dva samostoyatel'nykh etapa sudebnogo sledstviya [Determination of the circumstances of the crime and the grounds for imposing punishment as two independent stages of the judicial investigation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*. 1(38). pp. 167–172.

DOI: 10.17223/9785946216678/18

Н.А. Дудина

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СВЕТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

Статья посвящена юридическому анализу некоторых последних законодательных изменений Уголовно-процессуального кодекса РФ в части порядка производства уголовного дела при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Также предметом рассмотрения явились некоторые нерешенные проблемы применения института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, анализ изменений в законодательстве, правоприменительная практика, цели института досудебного соглашения, порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, несовершеннолетние обвиняемые (подозреваемые).

Глава 40.1 УПК РФ, регламентирующая порядок производства и особый порядок принятия судебного решения по уголовному делу

при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве была введена Федеральным законом № 141-ФЗ от 29.06.2009 г. Практически 8 лет институт досудебного соглашения о сотрудничестве существует в российском уголовном процессе. Несмотря на то что исследованию данной темы посвящено большое количество научных работ, разрозненность правоприменительной и судебной практики досудебного соглашения о сотрудничестве порождает интерес ученых к дальнейшему ее изучению.

Следует отметить, что законодатель весьма неторопливо реагировал на отдельные коллизийные вопросы, требующие незамедлительного разрешения. В 2015 г. и особенно активно в 2016 г. были внесены существенные изменения и дополнения в гл. 40.1 УПК РФ. Некоторые из них будут являться предметом рассмотрения данной статьи.

Прежде чем перейти к анализу изменений законодательства, хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты, которые так или иначе затронуты научным сообществом, отдельные из них нашли свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», но законодателем они по-прежнему оставлены без внимания.

Во-первых, исходя из целевого предназначения института досудебного соглашения о сотрудничестве, который был создан для борьбы с особо опасными преступлениями, совершенными организованными преступными сообществами, путем оказания государством особого воздействия на обвиняемого (подозреваемого) с целью побудить его сотрудничать со следствием для изобличения соучастников того же преступления либо лиц, совершивших иные преступления, в обмен на гарантии снижения ему наказания.

Сегодня можно утверждать, что правоприменитель ушел от изначального посыла законодателя и «использует» институт досудебного соглашения о сотрудничестве «по своему усмотрению». Об этом свидетельствуют данные, предоставленные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации (здесь и далее использованы статистические данные, размещенные на официальном сайте Судебного департамента при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3213>).

Судами общей юрисдикции в первом полугодии 2015 г. и в аналогичном периоде 2016 г. были рассмотрены уголовные дела (при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве):

Преступления по степени тяжести	2015	2016
Особо тяжкие	676	703
Тяжкие	592	494
Средней тяжести	366	301
Небольшой тяжести	597	564

По видам преступлений (число дел):

Виды преступлений	2015			2016		
	Число дел, рассмотренных по существу с вынесением приговора	Осуждено лиц	Число лиц, в отношении которых дело прекращено	Число дел, рассмотренных по существу с вынесением приговора	Осуждено лиц	Число лиц, в отношении которых дело прекращено
Незаконные действия с наркотическими средствами и психотропными веществами	758	769	1	755	763	1
Кража	497	443	89	345	319	60
Прочие	284	189	111	247	181	81

Приведенные данные свидетельствуют, что на первом месте – особо тяжкие преступления, это, безусловно, положительный момент; на втором – небольшой тяжести, что заставляет задуматься над вопросом: «А целесообразно ли заключать досудебное соглашение о сотрудничестве по данной категории дел?». Исходя из цели института досудебного соглашения о сотрудничестве, отраженной в пояснительной записке данный факт ставится под сомнение.

По видам преступления, согласно данным, приведенным выше, можно говорить о положительной динамике использования досудебного соглашения о сотрудничестве для раскрытия преступлений в

сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, поскольку такие преступления, как правило, совершаются группой лиц. Но вряд ли можно утверждать, что для расследования краж необходимо с обвиняемыми (подозреваемыми) заключать досудебное соглашение о сотрудничестве, ведь законодательством предусмотрены и другие «формы сотрудничества» (деятельное раскаяние, например).

Кроме того, законодатель по-прежнему не решил вопрос о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними обвиняемыми (подозреваемыми). Пленум Верховного Суда РФ в 2012 г. давал разъяснение по этому поводу, согласно которому положения главы 40.1 УПК РФ не применяются в отношении подозреваемых или обвиняемых, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет. Но практика свидетельствует об обратном. Ниже приведены статистические данные по делам, рассмотренным в особом порядке, в отношении несовершеннолетних лиц, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (за первое полугодие 2015 г. и аналогичный период 2016 г.):

	2015	2016
Всего осуждено	6	4
В возрасте 14–15 лет	1	1
В возрасте 16–17 лет	5	3
Преступление совершено в группе	1	2
В группе с участием взрослых	1	2

В научной литературе имеется несколько точек зрения по данному поводу. Некоторые исследователи допускают возможность участия несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) при условии наделения определенными правами законного представителя, такими как подписание ходатайства несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, участие в составлении досудебного соглашения и подписание его, участие в принятии судебного решения в отношении несовершеннолетнего, обосновывая это тем, что по смыслу ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ законодатель указал возможность приглашения защитника законным представителем обвиняемого (подозреваемого) [1. С. 14–17; 2. С. 12–17].

Представители другой точки зрения отрицают возможность участия в процедуре заключения досудебного соглашения несовершеннолетних обвиняемых, лиц, имеющих «пороки воли», страдающих психическими и физическими недостатками, так как для такой категории участников предусмотрены специальные производства [3. С. 190; 4. С. 190].

Некоторые авторы предлагают разделить два правовых института и рассматривать отдельно институт досудебного соглашения о сотрудничестве и институт особого порядка судебного разбирательства. Наказание в случае соблюдения подсудимым всех условий и выполнения всех обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, назначается с учетом ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ, в том числе и при общем порядке судебного разбирательства. В таком случае возможно заключать досудебное соглашение о сотрудничестве и с несовершеннолетними обвиняемыми (подозреваемыми), «безотносительно к проблеме возможности применения по таким делам особого порядка судебного разбирательства» [5. С. 57–60].

Необходимо понимать, что несовершеннолетние лица не всегда способны правильно оценить характер своих действий и тем более действий возможных соучастников совершенного преступления, степень угрозы безопасности им и их близким. Следовательно, порядок производства по уголовным делам, который определяется нормами гл. 40.1 УПК, вряд ли можно применять в отношении несовершеннолетних, а также лиц, страдающих психическими и физическими недостатками.

Рассмотрев отдельные проблемные вопросы, перейдем к некоторым новеллам.

Во-первых, в положительную сторону изменен порядок составления досудебного соглашения о сотрудничестве. В ст. 317.3 УПК РФ появилась ч. 2.1, согласно которой теперь прокурор обязан разъяснить обвиняемому (подозреваемому), заявившему ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, что в случае отказа от дачи показаний в суде в отношении соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления, его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Данное изменение, на наш взгляд, дополняет отдельные гарантии прав обвиняемого (подозреваемого).

Во-вторых, после рассмотрения уголовного дела, выделенного в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство, он может быть привлечен к участию в основном уголовном деле в отношении соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления. Согласно постановлению Конституционного Суда от 10.07.2016 г. № 17-П обвиняемый по выделенному уголовному делу может участвовать в разбирательстве по основному уголовному делу в целях дачи показаний в отношении соучастников того же преступления, но статус его не определен: он и не обвиняемый, и не подсудимый по основному уголовному делу, и не свидетель, т.е. статус такого лица и его правовое положение не определены уголовно-процессуальным законом. Таким образом, допрос этого лица по выделенному уголовному делу должен проводиться по аналогии с процедурой заслушивания показаний свидетелей, но с учетом правового положения лица, которое является обвиняемым по выделенному уголовному делу. Для устранения возможных коллизий и судебных ошибок законодателю следует определиться со статусом такого участника и внести соответствующие изменения в УПК РФ.

В заключении хотелось бы сказать, что действующие новеллы гл. 40.1 УПК РФ (в данной статье рассмотрены лишь некоторые из них) разрешили ряд сложных проблем, но, к сожалению, еще многие вопросы, такие как наличие механизма препятствующего оговору или самоговору, и другие, не менее важные, остаются в «тени», вследствие чего правоприменитель вынужден действовать по наитию, что видится опасным и недопустимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апостолова Н.Н. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо совершенствовать // Российский судья. 2010. № 1. С. 14–17.
2. Агаев З.Р. Правовое регулирование досудебного соглашения о сотрудничестве в России // Адвокат. 2010. № 9. С. 12–17.
3. Пиюк А.В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса. Томск, 2011. С. 190.
4. Мищенко Е.В. Проблемы дифференциации и унификации форм производств по отдельным категориям уголовных дел : дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2014. С. 100.

5. Овсянников И.В. Допустимо ли заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними? // Законность. 2016. № 6.

PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT IN THE LIGHT OF NEW LAWS

Nadezhda A. Dudina, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: nadezhda.dudina.87@mail.ru

Keywords: pre-trial cooperation agreement, analysis of changes in legislation, law enforcement practice, objectives of pre-trial cooperation agreement, procedure for concluding pre-trial cooperation agreement, accused minor.

DOI: 10.17223/9785946216678/18

The paper aims to systematise and analyse some legislative changes in the RF Code of Criminal Procedure concerning the institution of the pre-trial cooperation agreement and certain provisions that have not been changed, with a view to further reform the institution. The research used general scientific methods of empirical research: comparison and description; general methods of analysis and generalisation; the study of literature and court performance; the private scientific statistical method. The paper analyses various statistical data provided by the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for the first six months of 2015 and of 2016. This analysis allowed making the following main conclusions.

1) The law enforcer departed from the initial intent of the legislator and “uses” the institution of the pre-trial cooperation agreement “at their discretion” (not only for especially grave or grave crimes, but also for crimes of medium and little gravity).

2) The legislator still has not decided on the possibility of concluding a pre-trial cooperation agreement with accused (suspected) minors.

3) It seems that the procedure for proceedings on criminal cases determined by the rules of Chapter 40.1 of the RF Code of Criminal Procedure can hardly be applied to minors because of their inability (in some cases) to correctly assess the nature of their actions and actions of possible accomplices in the crime committed, the degree of threat to their own and their relatives’ safety.

4) The procedure for drafting a pre-trial cooperation agreement has been slightly changed to strengthen the guarantees for exercising the rights of the accused (suspect) in the conclusion of a pre-trial cooperation agreement. According to these changes, now the prosecutor is obliged to explain to the accused (the suspect) who requested a pre-trial cooperation agreement that, if they refuse to testify in court regarding the accomplices of the crime and other persons who committed crimes, their testimony can be used as evidence in a criminal case.

5) According to the decision of the Constitutional Court of 10 June 2016 No. 17-P, the accused in a separate criminal case may participate in the main criminal case in order to testify regarding the accomplices of the same crime, but their status is not determined, they are neither the accused nor the defendant in the main criminal case, and not a witness, that is, the status of such a person and their legal standing are not determined by the criminal procedure law. To eliminate possible collisions and judicial er-

rors, the legislator should determine the status of such a participant and make appropriate changes to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

6) The current new elements of Chapter 40.1 of the RF Code of Criminal Procedure (only a few of them are considered in this paper) have unconditionally resolved a number of complex issues, but many more issues (e.g., the mechanism that obstructs slander or self-incrimination, etc.) are not settled; as a consequence, the law enforcer is forced to act intuitively, which is seen as dangerous and unacceptable.

REFERENCES

1. Apostolova, N.N. (2010) Special procedure of adoption of judicial decision in conclusion of prejudicial agreement on cooperation shall be improved. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Investigator*. 1. pp. 14–17. (In Russian).
2. Agaev, Z.R. (2010) Pravovoe regulirovanie dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v Rossii [Legal regulation of pre-trial cooperation agreement in Russia]. *Advokat*. 9. pp. 12–17.
3. Piyuk, A.V. (2011) *Problemy primeneniya uproshchennykh form razresheniya ugovolnykh del v sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii v svete tipologii sovremennogo ugovolnogo protsessa* [The problems of applying simplified forms of the resolution of criminal cases in the legal proceedings of the Russian Federation in the light of the typology of the modern criminal process]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Mishchenko, E.V. (2014) *Problemy differentsiatsii i unifikatsii form proizvodstv po otdel'nym kategoriyam ugovolnykh del* [Problems of differentiation and unification of procedure in certain categories of criminal cases]. Law Dr. Diss. Orenburg.
5. Ovsyannikov, I.V. (2016) Is the pre-trial cooperation agreement with a minor permissible? *Zakonnost'*. 6.

DOI: 10.17223/9785946216678/19

Н.А. Дудко

О СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ В РАЙОННЫХ СУДАХ

Рассматривается вопрос о введении с 1 июня 2018 г. суда присяжных в районных судах, что стало логическим завершением обсуждения вопроса о необходимости дальнейшего развития института суда присяжных. Применение института присяжных заседателей в районных судах соответствует Концепции судебной реформы в РСФСР, одобренной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г., и международной практике суда присяжных, например в Республике Казахстан. На основе общетеоретических положений и анализа законодательства сделан вывод о необходимости проведения мероприятий по подготовке районных судов к рассмотрению уголовных дел с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: суд присяжных, ходатайство о суде присяжных, списки присяжных заседателей, подсудность уголовных дел.

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» закрепил очередной этап развития института суда присяжных в Российской Федерации: с 1 июня 2018 г. районные суды, наряду с краевыми (областными) судами, будут рассматривать уголовные дела с участием присяжных заседателей [1]. Принятие ФЗ № 190 стало логическим завершением обсуждения вопроса о необходимости дальнейшего развития института суда присяжных. Суд присяжных многие годы является предметом дискуссий представителей теории и практики уголовного процесса. Эти дискуссии значительно активизировались после встречи 5 декабря 2014 г. Президента РФ с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека, федеральными и региональными омбудсменами. На встрече была озвучена проблема сокращения количества преступлений, подсудных суду присяжных [2]. По итогам встречи Президент РФ поручил Верховному Суду РФ совместно с Правительством РФ, Администрацией Президента РФ, Генеральной прокуратурой РФ и Советом по развитию гражданского общества и правам человека подготовить предложения о расширении применения института присяжных заседателей [3]. Вопрос о суде присяжных был включен в Послание Президента Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. [4] и в перечень поручений от 8 декабря 2015 г. по реализации Послания Президента Федеральному Собранию: подготовить и представить предложения о внесении в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих увеличение числа составов преступлений, подсудных суду с участием присяжных заседателей; сокращение числа присяжных заседателей в составе коллегии присяжных заседателей с сохранением самостоятельности коллегии в принятии решений [5]. На семинаре-совещании председателей судов 16 февраля 2016 г. Президент РФ отметил, что необходимо расширить сферу деятельности судов с участием присяжных до уровня районных судов [6].

Применение института присяжных заседателей в районных судах предусматривала Концепция судебной реформы в РСФСР, одобренная Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. [7]. Предполага-

лось применять институт присяжных заседателей в федеральных районных судах (1 профессиональный судья и 12 присяжных заседателей), федеральных окружных судах и Верховном Суде РФ (3 профессиональных судьи и 12 присяжных заседателей) [7. С. 54–55]. Однако в дальнейшем суд присяжных был введен только в судах субъектов РФ: верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190 закрепил возможность с 1 июня 2018 г. рассматривать уголовные дела с участием присяжных заседателей не только в судах субъектов РФ, но и в районных судах [1].

Рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей в судах районного звена соответствует международной практике. В Республике Казахстан созданы специализированные межрайонные суды по уголовным делам [8, 9]. Например, в городе Алматы действует один специализированный межрайонный суд по уголовным делам [10]. Межрайонным судам по уголовным делам подсудны дела об особо тяжких преступлениях (ст. 308 УПК РК), в том числе рассматриваемые судом присяжных. Суд с участием присяжных заседателей в межрайонном специализированном суде по уголовным делам действует в составе одного судьи и десяти присяжных заседателей (ст. 632 УПК РК).

В соответствии с ФЗ от 23 июня 2016 г. № 190 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» в районных судах с участием присяжных заседателей будут рассматриваться две категории дел: 1) уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ст. 277, 295, 317 и 357 Уголовного кодекса Российской Федерации, по которым в соответствии с положениями УК РФ и в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, т.е. подсудные краевому (областному) суду, но переданные в районные суды (п. 2, п. 2-1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ [11]); 2) уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 105, ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (п. 2-1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ) [1].

Возникает вопрос: выполнено ли поручение Президента РФ от 8 декабря 2015 г. по реализации Послания Президента Федеральному

Собранию о внесении в законодательство РФ изменений, предусматривающих увеличение числа составов преступлений, подсудных суду с участием присяжных заседателей? Выполнено, но не в полной мере. Число составов преступлений, подсудных суду с участием присяжных заседателей в краевых (областных) и районных судах, фактически будет увеличено только на два состава: ч. 1 ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ. Таким образом, проблема значительного сокращения подсудности уголовных дел суду присяжных (79 составов преступлений в 2012 г. [12], 25 составов преступлений в 2013 г. [13], 30 составов преступлений в 2014 г. [14], 32 состава преступлений в 2018 г. [1]) остается актуальной и предполагает внесение соответствующих изменений в УПК РФ.

Для обеспечения рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей в районных судах необходимо провести различного характера подготовительные мероприятия, например: оборудовать залы судебных заседаний и совещательные комнаты присяжных заседателей; составить списки кандидатов в присяжные заседатели; определить «базовые» районные суды, материально-техническое оснащение которых позволит рассматривать уголовные дела с участием присяжных заседателей; провести обучение судей, помощников судей, секретарей судебных заседаний, государственных обвинителей. Важным направлением подготовки к суду присяжных в районных судах является разработка рекомендаций судьям районных судов по рассмотрению уголовных дел с участием присяжных заседателей. Это могут быть методические рекомендации Верховного Суда РФ или краевых (областных) судов на основе анализа практики суда присяжных. Возможно, соответствующие уточнения и изменения будут внесены в Постановление Пленума Верховного Суда от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» [15]. Прежде всего, необходимо обратить внимание судей районных судов на ошибки, допущенные при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей, по применению правила действия уголовно-процессуального закона во времени (ст. 4 УПК РФ) [16]. Правило немедленного действия уголовно-процессуального закона во времени предполагает, что обвиняемый может заявить ходатайство о рассмотрении его дела судом с

участием присяжных заседателей только после введения суда присяжных в районных судах, т.е. после 1 июня 2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей : федеральный закон от 23.06.2016 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26, ч. 1. Ст. 3859.
2. Стенограмма встречи Президента РФ с федеральными и региональными омбудсменами // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru>.
3. Перечень поручений по итогам встречи с членами Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, уполномоченными по правам человека и по защите прав предпринимателей // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru>.
4. Послание Президента Федеральному Собранию (3 декабря 2015 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru>.
5. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г., подписанный Президентом РФ 8 декабря 2015 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru>.
6. Семинар-совещание председателей судов (16 февраля 2016 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru>.
7. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М., 1992. 111 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗПК. URL: <http://medialaw.asia/posts/10-07-2014/83305.html>.
9. О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан : конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 г. № 132-II (с изм. и доп. по состоянию на 04.12.2015). URL: <http://base.spinform.ru>.
10. Судебная система. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РФ : федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.
12. О внесении изменений в статьи 230 и 232 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 05.06.2012 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 24. Ст. 3071.
13. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 2 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства : федеральный закон от 23.07.2013 г. № 217-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 23, ч. 1. Ст. 4050.

14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 05.05.2014 г. № 130-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2335.
15. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 (с изм., внесенным постановлением Пленума от 22 декабря 2015 г. № 59) // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrf.ru>
16. Дудко Н.А. Право обвиняемого на суд присяжных: действие уголовно-процессуального закона во времени // Журнал российского права. 2011. № 3. С. 80–84.

ON JURY TRIALS IN DISTRICT COURTS

Nina A. Dudko, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: Dudko-NA@yandex.ru

Keywords: jury trial, petition for jury trial, jury lists, admissibility of criminal cases.

DOI: 10.17223/9785946216678/19

The paper aims to study the organisation and activities of jury trials in connection with the adoption of Federal Law No. 190 of 23 June 2016 “On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the expansion of the application of the institution of jurors” and the introduction of jury trials from 1 June 2018. The following conclusions are made on the basis of general theoretical provisions of the theory of law and criminal procedure, analysis of the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

The Criminal Procedure Code of the Russian Federation now allows considering criminal cases with juries not only in regional but also district courts, which was the logical end of the discussion on the need to further develop the jury trial institution. The use of jury trials in district courts corresponds to the Concept of the Judicial Reform in the RSFSR approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on 24 October 1991 and to the international practice of the jury trial, for example, in the Republic of Kazakhstan.

The order of the President of the Russian Federation of 8 December 2015 on the implementation of the President’s Address to the Federal Assembly on introducing amendments to the legislation of the Russian Federation which envisages an increase in the number of crime components that are subject to trial by jury is not fully implemented. The number of crime components considered by jury trials in regional and district courts will in fact increase by only two components: Part 1 of Article 105 and Part 4 of Article 111 of the RF Criminal Code.

To ensure the consideration of criminal cases involving juries in district courts, preparatory measures should be taken, for example: equipping courtrooms and jury advisory rooms; draw up lists of candidates for jurors; identify “basic” district courts whose material and technical equipment will allow to examine criminal cases with juries; conduct training for judges, assistant judges, court clerks, public prosecutors; develop rec-

ommendations to judges of district courts on consideration of criminal cases with participation of juries; make appropriate clarifications and changes to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 23 of 22 November 2005 “On the application by courts of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating legal proceedings with the participation of jurors”. It is necessary to draw the attention of the judges of district courts that, in accordance with the rule of the immediate operation of the criminal procedure law in time (Article 4 of the RF Code of Criminal Procedure), the accused can file a petition for consideration of their case by a jury trial only after the introduction of a jury trial in district courts, that is, after 1 June 2018.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2016) Federal Law N 190-FZ of June 23, 2016 On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the expanded application of the institution of jurors. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 26(1). Art. 3859. (In Russian).
2. President of the Russian Federation. (n.d.) *Stenogramma vstrechi Prezidenta RF s federal'nymi i regional'nymi ombudsmenami* [The verbatim record of the meeting of the President of the Russian Federation with federal and regional ombudsmen]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/47179>.
3. President of the Russian Federation. (n.d.) *List of instructions on the results of the meeting with the members of the Council under the President of the Russian Federation on the development of civil society and human rights, authorised by human rights, rights of the child and on the protection of the rights of entrepreneurs*. [Online] Available from: <http://news.kremlin.ru>. (In Russian).
4. President of the Russian Federation. (2015) *The President's Address to the Federal Assembly (December 3, 2015)*. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>. (In Russian).
5. President of the Russian Federation. (2015) *List of instructions for the implementation of the President's Address to the Federal Assembly dated December 3, 2015, signed by the President of the Russian Federation on December 8, 2015*. [Online] Available from: <http://news.kremlin.ru>.
6. President of the Russian Federation. (2016) *Seminar-soveshchanie predsedateley sudov (16 fevralya 2016 g.)* [Seminar of courts chair persons (February 16, 2016)]. [Online] Available from: <http://news.kremlin.ru>.
7. Pashin, S.A. (1992) *Kontseptsiya sudebnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii* [The concept of judicial reform in the Russian Federation]. Moscow: Respublika.
8. The Republic of Kazakhstan. (2014) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V ZRK* [The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan of July 4, 2014 No. 231-V ZRK]. [Online] Available from: <http://medialaw.asia/posts/10-07-2014/83305.html>.
9. The Republic of Kazakhstan. (2015) *Konstitutsionnyy zakon Respubliki Kazakhstan ot 25 dekabrya 2000 goda № 132-II “O sudebnoy sisteme i statuse sudey Respubliki Kazakhstan” (s izmeneniyami i do-polneniyami po sostoyaniyu na*

- 04.12.2015 г.) [Constitutional Law No. 132-II of the Republic of Kazakhstan of December 25, 2000, On the Judicial System and Status of Judges of the Republic of Kazakhstan (amended and supplemented as of December 4, 2015)]. [Online] Available from: <http://base.spinform.ru>
10. Wikipedia. (n.d.) *Sudebnaya sistema* [Judicial System]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
 11. Russian Federation. (2001) The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001 (amended as of December 19, 2016). *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 52(1). Art. 4921. (In Russian).
 12. Russian Federation. (2012) Federal Law N 54-FZ of June 5, 2012, On Amending Articles 230 and 232 of the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 24. Art. 3071. (In Russian).
 13. Russian Federation. (2013) Federal Law N 217-FZ of July 23, 2013, On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and Articles 1 and 2 of the Federal Law On Amending the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the recognition as invalid of individual Legislative Acts (Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation on matters relating to the improvement of the procedure for appeals proceedings. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 23(1). Art. 4050. (In Russian).
 14. Russian Federation. (2014) Federal Law N 130-FZ of May 5, 2014, On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 19. Art. 2335. (In Russian).
 15. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Resolution No. 23 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 22, 2005, On the application by courts of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating legal proceedings with the participation of jurors (as amended by Plenum Decree No. 59 of December 22, 2015)*. [Online] Available from: <http://www.vsr.ru>. (In Russian).
 16. Dudko, N.A. (2011) Right of the Accused to Jury Trial: Operation of Law of Criminal Procedure in Time. *Zhurnal Rossiyskogo Prava – Journal of Russian Law*. 3. pp. 80–84. (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216678/20

Е.Н. Караваева

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Рассматриваются особенности производства судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей. Подробно анализируются проблемы

представления дополнительных доказательств и возможность исследования данных о личности подсудимого, потерпевшего и свидетеля для оценки достоверности их показаний. Сделаны выводы о необходимости дальнейшего совершенствования процедуры судебного следствия в суде присяжных.

Ключевые слова: присяжные заседатели, судебное следствие, злоупотребление процессуальными правами, председательствующий, существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

Несмотря на довольно длительный период существования в новейшей российской истории такой формы судопроизводства, как суд присяжных, обширную судебную практику, по-прежнему остается нерешенным целый ряд довольно существенных моментов. При этом особую остроту приобретают проблемы судебного следствия, поскольку именно на этом этапе судебного разбирательства производится исследование доказательств и закладываются основы внутреннего убеждения присяжных заседателей. Ошибки и просчеты, допущенные в ходе судебного следствия, очень трудно либо практически невозможно исправить на этапе судебных прений. По крайней мере практика работы в суде присяжных на территории региона привела нас к этому выводу.

В УПК РФ особенностям судебного следствия при данной форме судопроизводства фактически посвящена одна статья – ст. 335 УПК РФ, которая предусматривает лишь самые общие подходы с учетом полномочий коллегии присяжных заседателей.

В силу данной нормы в судебном заседании с участием присяжных подлежат исследованию лишь те обстоятельства, которые достаточны для разрешения поставленных перед ними вопросов в соответствии со ст. 339 УПК РФ. Выход за указанные рамки признается судами нарушением уголовно-процессуального закона и влечет отмену состоявшегося судебного решения.

Безусловно, все возникающие на практике проблемы осветить в рамках одной статьи невозможно, поэтому остановлюсь лишь на некоторых из них.

С учетом качества предварительного следствия в ходе судебного разбирательства нередко возникает необходимость получения и представления дополнительных доказательств.

Если речь идет о документах, то здесь все просто – стороны их изучили, высказались относительно относимости и допустимости, суд принял решение.

С дополнительными свидетелями и специалистами, не допрошенными в ходе предварительного следствия, возникают определенные сложности, вызванные тем, что присяжным представляются только сведения, имеющие значение для дела, обладающие свойствами относимости и допустимости.

Ходатайства о допросе «новых» лиц, как правило, особо не мотивируются, что не позволяет в полной мере оценить возможность представления данного доказательства присяжным.

Существуют еще и положения ч. 4 ст. 271 УПК РФ, согласно которой суд не вправе отказать в допросе в качестве свидетеля или специалиста лица, явившегося по инициативе сторон. Данной нормой стороны активно пользуются.

Но, как уже говорилось, представление коллегии присяжных ненадлежащих доказательств влечет отмену состоявшегося судебного решения.

Законодательного разрешения данная проблема не получила, хотя, как представляется, она весьма актуальна, поскольку практически по каждому делу дополнительные доказательства представляют обе стороны – и обвинение, и защита.

В судебной практике используется правило так называемого предварительного допроса лиц, не допрошенных на стадии предварительного расследования. На время этого предварительного допроса присяжные удаляются председательствующим из зала судебного заседания. После его окончания председательствующий решает, будет ли свидетель или специалист допрошен в присутствии присяжных.

Несмотря на отсутствие в УПК РФ нормы, закрепляющей возможность предварительного допроса лица в качестве свидетеля, Верховный Суд Российской Федерации в ряде решений высказался о допустимости данной процедуры, которая расценивается как объективно обусловленная особенностями судебного следствия, закрепленными в ст. 335 УПК РФ. В качестве правовых оснований такого допроса указывается необходимость проверки допустимости и относимости показаний.

Однако судебная практика – это не закон, кроме того, она противоречит уже упоминавшимся положениям ч. 4 ст. 271 УПК РФ. Не определены и пределы такого дополнительного допроса: должен ли свидетель быть допрошен в полном объеме или достаточно ограни-

чится установлением того, какого рода информацией он обладает. Отсутствие законодательного решения данной проблемы порождает неоднозначность подхода.

Следующая проблема – исследование в присутствии присяжных заседателей данных о личности подсудимых, потерпевших и свидетелей.

Применительно к подсудимым вопрос вроде бы законом решен. Так, в силу ч. 8 ст. 335 УПК РФ с участием присяжных допустимо исследовать данные о личности подсудимого лишь в той мере, в какой это необходимо для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. При этом вводится запрет на исследование фактов прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком, наркоманом, а также иных данных, способных повлиять на решение присяжных заседателей, под которыми понимаются отраженные в характеристиках и справках сведения о состоянии здоровья, семейном положении и др.

Иными словами, из круга обстоятельств, устанавливаемых с участием присяжных заседателей, исключаются те, которые способны вызвать предубеждение в отношении подсудимого.

Однако и здесь не все так просто. Судебная практика допускает, что данные сведения также могут быть исследованы в присутствии присяжных, если это необходимо для того, чтобы те смогли ответить на поставленные перед ними вопросы.

В качестве примера можно привести дело из судебной практики, когда информация о возможности совершения преступления была получена в местах лишения свободы от лиц, отбывающих наказание, там же состоялась договоренность о совершении преступления, избранный способ его совершения определялся именно определенными криминальными навыками.

Более того, место, где удерживалось похищенное лицо, удалось установить сотрудникам полиции, которые наблюдали за отдельными участниками группы в связи с тем, что последние занимались хищениями.

Естественно, в такой ситуации обойти вопросы судимости, криминальной характеристики личности подсудимых было практически невозможно. Они и сами это понимали и вынуждены были об этом говорить.

Сложно не упоминать о том, что подсудимый является наркоманом, когда мотивом совершения преступления является необходи-

мость получить деньги на дозу, а про то, что значительная часть тяжких преступлений совершается на фоне ежедневной алкоголизации, даже говорить не приходится.

В этой ситуации, безусловно, судебная практика вынуждена корректировать положения закона.

Особенную остроту приобрела проблема исследования с участием присяжных сведений, характеризующих личность свидетелей и потерпевших, поскольку УПК РФ она не урегулирована.

В Определении Конституционного Суда РФ от 11.05.2012 г. № 686-О [1] по этому поводу отмечается, что с учетом необходимости сохранения судом объективности и беспристрастности, на основе взаимосвязанных положений ст.ст. 252, 299, 334 и ст. 335 УПК РФ, в присутствии присяжных не подлежат исследованию вопросы, не входящие в их компетенцию и способные вызвать предубеждение в отношении участников процесса. В судебной практике это требование толкуется таким образом, что по общему правилу исследование подобных сведений запрещается. Правовым обоснованием такой позиции чаще всего служит указание на то, что исследование этих сведений противоречит положениям ч. 7 ст. 335 УПК РФ [2], а также на опасность нарушения ч. 1 ст. 252 УПК РФ [3]. Суд считает, что оглашение данных о личностях потерпевшего и свидетелей может сформировать у присяжных негативное отношение к ним и повлиять на объективную оценку их показаний.

В юридической литературе обоснованность подобного подхода совершенно правомерно критикуется. Все прекрасно понимают, что оценить достоверность показаний потерпевшего или свидетелей, не выяснив их личностных характеристик, взаимоотношений с подсудимым и иными участниками судебного разбирательства, зачастую практически невозможно. Чтобы определить, можно ли доверять словам того или иного человека, необходимо уяснить, что тот из себя представляет, наличие или отсутствие мотивов для оговора, исключить возможность заблуждения либо неточности восприятия, а для этого необходимо выяснить все возможное о его личности.

Иначе мы фактически лишаем присяжных возможности оценить достоверность изложенных сведений, поскольку заставляем их делать выводы, опираясь исключительно на то, какое впечатление на них произвел человек.

Правовая основа для того, чтобы признать законным исследование данных о личности свидетелей и потерпевших, есть. В частности, в Постановлении ЕСПЧ от 23.10.2012 г. по делу «Пичугин против Российской Федерации» [4] указано, что осужденному не позволили задать свидетелю вопросы о факторах, способных подорвать достоверность его показаний, в частности о его судимостях, о том, почему тот не давал уличающих показаний в ходе первых допросов и что именно мотивировало его начать давать такие показания через 4 года, а также о возможном оказании на него давления со стороны органов прокуратуры. Показания свидетеля были решающими, вопросы были крайне важны, поскольку позволяли оспорить их достоверность, оценка которой отнесена к исключительной компетенции присяжных. ЕСПЧ указал, что «присяжным должны быть известны обстоятельства, влияющие на точность и достоверность показаний, включая возможно имевшиеся побудительные причины ложного изложения фактов» и сделал вывод о нарушении права на справедливое судебное разбирательство.

Подход более чем разумный. Между тем, российская судебная практика весьма непоследовательна в разрешении указанного вопроса. В любой правовой базе можно найти достаточное количество решений Верховного Суда Российской Федерации по конкретным уголовным делам, в которых признается правомерным исследование тех или иных данных о личности свидетеля и потерпевшего при условии, что это было необходимо для оценки достоверности их показаний.

Но тогда возникает резонный вопрос. Если данные о личности свидетеля и потерпевшего могут доводиться до сведения присяжных, то почему нельзя это делать в отношении подсудимых? Иногда для понимания их поступков, уяснения мотивов совершения преступления это также необходимо.

Вводя запрет на исследование данных о личности, законодатель полагал, что ограждает непрофессиональных судей от информации, могущей повлиять на их объективность и беспристрастность при решении поставленных перед ними вопросов, но фактически лишил их возможности в полной мере оценить достоверность представленных доказательств. Именно поэтому судебная практика существенно скорректировала имеющиеся нормы.

К тому же как негативная, так и положительная информация о личности подсудимого, потерпевшего или свидетелей практически по

каждому делу все равно становится известной присяжным: «проговариваются» стороны или свидетели в ходе судебного следствия.

Председательствующий в таких случаях должен делать замечания участникам процесса, применять к ним меры воздействия в соответствии со ст. 258 УПК РФ, обращаться к присяжным с просьбой не принимать во внимание при вынесении вердикта услышанное, напоминать об этом в напутственном слове.

Если данное требование не выполняется, приговор может быть отменен. Причем неважно, доведены до сведения присяжных факты, которые могли вызвать сочувствие либо, наоборот, предубеждение.

Однако позиция о том, что своевременным обращением к присяжным с разъяснением председательствующий устраняет нарушение уголовно-процессуального закона и, следовательно, оно не скажется на объективности вердикта коллегии присяжных заседателей, более чем спорна.

Во-первых, «вытравить» полученную информацию из памяти невозможно.

Во-вторых, даже если она и забудется, то закон требует, чтобы в напутственном слове председательствующий еще раз напомнил присяжным заседателям о «запрещенных» сведениях, которые сообщили им стороны. То, что эта информация сопровождается словами о том, что она не должна приниматься во внимание, ситуацию в лучшую сторону несколько не меняет, поскольку в данном случае действует принцип детской дразнилки: «Попробуй не думать о том, о чем ты думаешь».

При этом чем рискует участник процесса, сообщивший запретную информацию? Замечанием в протоколе судебного заседания. Но так ли это важно, когда сообщаемая информация способна кардинальным образом повлиять на восприятие присяжными фактов, исследуемых в судебном заседании?

Конечно, если подобные нарушения становятся существенными и принимают массовый характер, возможна отмена приговора даже при условии, что председательствующий пресекал попытки незаконного воздействия на присяжных. Однако доведение до присяжных заседателей единичных и неконкретизированных сведений не признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона [5], оценить степень их воздействия на принятие решения присяжным вряд ли возможно, как и исключить, что малозначительный факт в определенной ситуации становится решающим.

Из всего сказанного вытекает вполне правомерный вопрос: а нужно ли скрывать от присяжных информацию о личности участников процесса, если эти сведения все равно так или иначе становятся им известны практически по всем делам? Не проще ли снять установленный законом запрет? Если мы считаем, что присяжные в состоянии принять объективное решение по делу, доверяем им решать вопросы доказанности, давайте дадим им для этого все необходимое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Казакбаева Михаила Агойлиновича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 15 и частью восьмой статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11.05.2012 г. № 686-О. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=277898#0> (дата обращения: 06.11.2017).
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.03.2011 г. № 25-О11-4СП. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=189022#0> (дата обращения: 06.11.2017).
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.08.2005 г. № 67-О05-50СП. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=21410#0> (дата обращения: 06.11.2017).
4. Дело «Пичугин (Pichugin) против Российской Федерации» (жалоба № 38623/03) : постановление Европейского суда по правам человека от 23.10.2012 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB;n=307254#0> (дата обращения: 06.11.2017).
5. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.04.2013 г. № 6-АПУ13-2СП. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=333365#0> (дата обращения: 06.11.2017).

CERTAIN PROBLEMS OF COURT INVESTIGATION IN JURY TRIALS

Elena N. Karavaeva, Criminal Judicial Department of the Prosecutor's Office of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karavaeva-en@mail.ru

Keywords: jurors, judicial investigation, abuse of procedural rights, the presiding officer, a material breach of the criminal procedure law.

DOI: 10.17223/9785946216678/20

Despite the fairly long period of existence of a jury trial in the modern Russian history and the extensive court practice a number of quite essential points remain unresolved. Thus, of special urgency is the problem of the court investigation, because at this stage of the trial evidence is examined and the foundations of the inner beliefs of jurors are formed. Mistakes and miscalculations made in the course of court investiga-

tion are very difficult or almost impossible to correct at the stage of judicial pleadings. At least, the practice of jury duty in the territory of Tomsk Oblast leads to this conclusion.

The Criminal Procedure Code of the Russian Federation has one article, Article 335, that addresses the features of the court investigation in jury trials. It provides only the most general approaches of the powers of the jury. Of course, all emerging practical problems cannot be covered in one paper, so the author considers only some of them.

Given the quality of the preliminary investigation, in the course of the trial there is often a need to obtain and submit additional evidence. In judicial practice, the rule of the so-called preliminary examination of persons not questioned during the preliminary investigation is used. During the preliminary questioning the presiding judge removes jurors from the courtroom. Despite the positive assessment of current practice and its support by the Supreme Court of the Russian Federation, it should be noted that the possibility of a preliminary examination is not regulated by law, the limits of this interrogation are not established.

The next problem is the study of information about the personality of defendants, victims and witnesses in the presence of jurors. With regard to the defendants the law seems to solve the question: according to Part 8, Article 335 of the RF Code of Criminal Procedure it is allowed to examine the identity of the defendant in the presence of jurors only to the extent that is necessary to identify individual characteristics of the offence the defendant is accused of. However, the legislator does not explicitly express their position on the issues of the admissibility of examining the personality of victims and witnesses to assess the credibility of the evidence. In the legal literature the majority of authors naturally note that it is often practically impossible to assess the credibility of the evidence of the victim or witnesses without knowing their personal characteristics, relations with the defendant and other participants of the trial. To determine whether one can trust the words of a person, one must understand what kind of a person they are, if they have motives for slander, must eliminate the possibility of misconceptions or inaccuracies of perception, and for that one needs to learn everything possible about a person's personality.

REFERENCES

1. The Constitutional Court of the Russian Federation (2012) *On the refusal to accept the complaint of citizen Kazakbaev Mikhail Agoylinovich for violation of his constitutional rights by Part 4 of Article 15 and Part 8 of Article 335 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 686-O of May 11, 2012*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=277898#0>. (Accessed: 6th November 2017). (In Russian).
2. The Supreme Court of the Russian Federation. (2011) *Resolution № 25-011-4SP of the Supreme Court of the Russian Federation of March 23, 2011*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=189022#0>. (Accessed: 6th November 2017). (In Russian).
3. The Supreme Court of the Russian Federation. (2005) *Resolution № 67-005-50sp of the Supreme Court of the Russian Federation of August 10, 2005*. [Online] Availa-

- ble from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=21410#0>. (Accessed: 6th November 2017). (In Russian).
4. The European Court of Human Rights. (2012) *The Case of Pichugin v. The Russian Federation (Complaint No. 38623/03). Resolution of the Court of Human Rights as of October 23, 2012*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=307254#0>. (Accessed: 6th November 2017) (In Russian).
 5. The Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *Appeal № 6-APU13-2SP of the Supreme Court of the Russian Federation of April 4, 2013*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=333365#0>. (Accessed: 6th November 2017). (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216678/21

В.И. Качалов

СРЕДСТВА УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ИТОГОВЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Рассматривается специфика средств установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при исполнении итоговых судебных решений. Делается вывод о том, что судебные решения, принимаемые в ходе уголовно-процессуального исполнительного производства, должны базироваться не на материалах, а на доказательствах, которые формируются судом в процессе осуществления судебных действий.

Ключевые слова: исполнение итоговых судебных решений, доказывание, предмет доказывания, средства доказывания, доказательства, судебные действия.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве России предусмотрены разные подходы к средствам установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в стадии исполнения итоговых судебных решений, и к средствам установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при рассмотрении уголовного дела по существу (события преступления, виновности лица и т.д. – ст. 73 УПК РФ).

В качестве средств установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в стадии исполнения итоговых судебных решений, действующее уголовно-процессуальное законодательство России называ-

ет не доказательства, а соответствующие материалы (ч. 7 ст. 399 УПК РФ). Однако полагаем, что понятие доказательств (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), установленное в Общей части Уголовно-процессуального кодекса России, имеет универсальный характер и должно распространяться на все производство по делу, в том числе касаться и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в стадии исполнения итоговых судебных решений.

Непоследовательность законодателя порождает разные теоретические подходы к вопросам средств доказывания обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также влияет на отсутствие единообразия судебной практики в данных вопросах. Суды в стадии исполнения приговора при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, в одних случаях основываются при принятии своего решение на материалах, а в других – на доказательствах. Так, например, Андреапольский районный суд Тверской области при рассмотрении ходатайства о приведении судебного решения в соответствие с действующим уголовным законодательством в отношении осужденного К., исследовал представленные доказательства, а не материалы [1]. В данном примере суд ссылается на доказательства, на основании которых он принял соответствующее процессуальное решение. В других случаях суд основывает принятие своего процессуального решения на материалах, а не на доказательствах. Так, Саратовский областной суд в открытом судебном заседании по апелляционной жалобе осужденного Д. на постановление Кировского районного суда г. Саратова от 29 февраля 2016 г., которым осужденному отказано в принятии к производству ходатайства об отсрочке уплаты денежных средств по выплате вознаграждения адвокату, для принятия процессуального решения исследовал не доказательства, а материалы [2]. Мотовилихинский районный суд г. Перми в открытом судебном заседании рассмотрел ходатайство осужденного Ф. о предоставлении рассрочки уплаты штрафа на три года и в обосновании своего решения использовал материалы, которые были исследованы в судебном заседании [3].

Системный подход к уголовному судопроизводству, предполагающий распространение общих норм уголовного судопроизводства на все этапы производства по делу, означает, что процессуальные решения в стадии исполнения итоговых судебных решений должны приниматься на основе исследования доказательств, а не материалов уго-

ловного дела, имеющих неопределенный процессуальный статус. В настоящее время нормы ч. 7 ст. 399 и ч. 5 ст. 445 УПК РФ позволяют суду принимать процессуальное решение, основываясь на материалах, а не на доказательствах.

Процессуальные решения на стадии исполнения итоговых судебных решений должны приниматься только в том случае, если они основываются на доказательствах, а не на материалах, так как требования к доказательствам, установленные законом, позволяют в большей степени обеспечить защиту важнейших прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Сами материалы, на которых основываются процессуальные решения в стадии исполнения итоговых судебных решений, являются определенной «платформой», на основе которой формируется доказательство. Прийти к такому выводу стало возможным по следующим основаниям.

В стадии исполнения итоговых судебных решений суд осуществляет уголовно-процессуальную деятельность в форме правосудия. Суд для принятия соответствующего процессуального решения должен установить и исследовать наличие таких обстоятельств, фактов. Их установление возможно только при помощи определенных средств. В уголовном судопроизводстве средствами, необходимыми для принятия процессуальных решений, в том числе и в стадии исполнения итоговых судебных решений, являются доказательства.

Сложная природа доказательств, наличие свойств, которыми должны обладать доказательства, существование определенных требований к ним, способность доказательств быть проверенными другими участниками процесса, а также наличие гарантий их надлежащего законного получения позволяют им выступать в качестве оснований для принятия процессуального решения при производстве по уголовному делу.

Традиционно считается, что доказательства могут выступать в качестве оснований для принятия решения в уголовном судопроизводстве благодаря свойству отражения. Познание одних вещей, явлений зачастую становится возможным только через посредство других. Предметы и явления материального мира обладают свойством реагирования на внешние воздействия среды, т.е. обладают свойством отражения.

На стадии исполнения итоговых судебных решений в сознании участников судебного заседания (председательствующего судьи, про-

курора, защитника (адвоката), осужденного, несовершеннолетнего лица и т.д.) в результате оглашения соответствующих документов, справок и т.д., а также вербального общения с помощью речевых средств, осуществляемых осужденным, представителем уголовно-исполнительной системы и т.д., формируются сведения (информация) об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Так, к примеру, при исполнении судебных решений, связанных с применением принудительных мер медицинского характера, в сознании участников судебного заседания отражаются не сами материалы (ходатайства, медицинские заключения, объяснения лиц и т.д.), а сведения, которые нашли отражение в этих материалах. При исполнении приговора в сознании участников судебного заседания отражаются не факты (в данном случае речь идет о фактах, нашедших отражения в соответствующих материалах), а сведения о них, имеющие место в исследуемых фактах.

Пределы доказывания в данном случае зависят от конкретных обстоятельств, подлежащих доказыванию при исполнении итоговых судебных решений. Например, при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания суд устанавливает сведения, подтверждающие наличие условий, при которых возможно условно-досрочное освобождение, информацию о возмещении вреда осужденным (полностью или частично), причиненного преступлением и определенного в размере, установленном решением суда, сведения о том, что лицо в дальнейшем не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания и т.д.

Таким образом, можно констатировать, что все устанавливаемые сведения при исполнении итоговых судебных решений должны рассматриваться с точки зрения их относимости к тем конкретным обстоятельствам, которые подлежат доказыванию в данной стадии уголовного процесса.

Все сведения в процессе доказывания имеют процессуальную форму показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого (подсудимого, осужденного), эксперта, специалиста, заключений эксперта, специалиста. Сведения могут быть получены и в форме оглашения соответствующих протоколов процессуальных действий (протоколов следственных и судебных действий). Кроме того, ин-

формация об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, может находиться в иных документах (характеристиках, справках и т.д.). Поэтому в уголовном судопроизводстве форму доказательств принято отождествлять с видами доказательств, что предусмотрено в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Приобретение доказательством соответствующей формы, посредством которой получают сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию (показания, заключения, протоколы и иные документы), связано с производством следственных и иных процессуальных действий. В результате производства следственных и иных процессуальных действий образуется соответствующий вид доказательства. Так, например, в результате допроса свидетеля получают его показания, которые представляют собой сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, или иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. При этом формируется доказательство в виде показаний свидетеля.

При исполнении итоговых судебных решений действующее уголовно-процессуальное законодательство России в качестве процессуальной формы, посредством которой суд и стороны в судебном заседании получают сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, называет доклад, объяснения и т.д. (ч. 7 ст. 399 УПК РФ, ч. 5 ст. 455 УПК РФ). Так, в качестве процессуальных действий при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию при исполнении приговора, предусмотрены: «доклад представителя учреждения или органа, подавшего представление», «объяснения заявителя», «представление материалов», «объяснения лиц» (ч. 7 ст. 399 УПК РФ). При этом производство других процессуальных действий законом не предусмотрено. В ходе установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при исполнении судебных решений, связанных с применением принудительных мер медицинского характера, в качестве процессуальных действий предусмотрены: «выслушивание мнения лиц, участвующих в судебном заседании», «назначение судебной экспертизы», «допрос лица, в отношении которого решается вопрос о прекращении, об изменении или о продлении применения принудительной меры медицинского характера» (ч. 5 ст. 445 УПК РФ).

При установлении обстоятельств, которые связаны с разными видами итоговых судебных решений, законодатель использует различ-

ные виды процессуальных действий, облеченных в соответствующую форму, при помощи которой формируются доказательства. В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ в качестве процессуальных действий, при помощи которых формируются доказательства, суд может использовать как следственные, так и иные процессуальные действия. В судебном заседании суда первой инстанции при рассмотрении уголовного дела по существу суд использует доказательства, которые собираются при помощи таких следственных и иных процессуальных действий, как допрос, производство судебных экспертиз, осмотр, следственный эксперимент, освидетельствование и т.д. (ст.ст. 275–290 УПК РФ). Такие же доказательства и те же процессуальные действия используются и в судебном заседании в суде апелляционной инстанции (ст. 389¹³ УПК РФ).

Однако при исполнении итоговых судебных решений суд, осуществляя уголовно-процессуальную деятельность по исследованию обстоятельств, подлежащих доказыванию, осуществляет процессуальные действия, характер которых не связан с предъявлением обвинения лицу в совершении преступления либо с применением к нему принудительной меры медицинского характера и т.д. Соответствующее судебное решение уже вступило в законную силу. Поэтому процессуальные действия суда в стадии исполнения итоговых судебных решений должны носить не следственный, а, скорее всего, судебный характер. Эти действия должны отвечать определенным требованиям, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством, что позволит гарантировать признание их результата другими участниками процесса доказывания. Действующим уголовно-процессуальным законодательством России не дается определение понятия «судебное действие». Следует поддержать предложения ряда авторов, которые указывают на необходимость введения понятия «судебное действие» в уголовное судопроизводство России. Так, например, по мнению С.Б. Россинского, «лишь легальное закрепление... судебных действий позволит обеспечить соответствие их процессуальной форме... и, таким образом, создать действительно эффективные правовые механизмы познания обстоятельств уголовного дела» [4. С. 16].

Судебные действия по собиранию доказательств в стадии исполнения итоговых судебных решений законодатель связывает не с про-

изводством допросов, а с дачей объяснений (ч. 7 ст. 399 УПК РФ). При этом вопрос о том, обладают ли сведения (информация), которые получены в процессе дачи объяснений суду в ходе судебного заседания при исполнении итоговых судебных решений, достаточной степенью гарантии признания их доказательством, остается открытым. При даче объяснений в ходе судебного заседания лицо не предупреждается судом об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ч. 1 ст. 307 УК РФ) и отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ). Лицо, которое вправе давать объяснения, не обязано отвечать на поставленные вопросы. Оно не подлежит обязательному вызову в судебное заседание по повестке либо СМС-сообщением, не может быть подвергнуто приводу. В этой связи полученные сведения (информация) не будут соответствовать требованию достоверности доказательств.

Содержательную часть объяснений как доказательств, имеющих статус иного документа, невозможно проверить при помощи иных процессуальных действий, которые не могут быть проведены в ходе судебного заседания на стадии исполнения итоговых судебных решений. Отсутствие возможности поставить суду и иным участникам судебного заседания вопросы в связи с необязательным участием лиц, которые вправе давать объяснения, не позволяет проверить содержательную часть объяснения. Данные положения могут быть устранены только в случае производства допроса. В ходе допроса лицо предоставляет показания посредством вербального общения, в результате которого появляются сведения (информация) об обстоятельствах, подлежащих доказыванию в стадии исполнения итоговых судебных решений. Процессуальный порядок допроса должен соответствовать требованиям норм уголовно-процессуального законодательства, которые предусмотрены в гл. 26 УПК РФ. О необходимости в стадии исполнения приговора осуществлять допрос, а не отбирать объяснения, пишет и В.В. Николук. По его мнению, «...при исполнении приговора суд принимает в целом ряде случаев решения, кардинально меняющие положение осужденного (например, при замене назначенного наказания лишением свободы в связи с злостным уклонением осужденного от отбывания наказания – п. 2 ст. 397 УПК РФ), основаниями таких решений должны быть полноценные доказательства, в том числе показания, одним из средств получения которых в данной стадии уголовного процесса может быть судебный допрос» [5. С. 107–108].

Предпосылки к тому, что в стадии исполнения итоговых судебных решений должен проводиться допрос, существуют в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Так, обвиняемый (подсудимый), сообщает сведения (информацию) в ходе производства допроса (ч. 1 ст. 77 УПК РФ). Но в соответствии с ч. 1 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, является еще и осужденным. Поэтому ч. 1 ст. 77 УПК РФ необходимо дополнить нормой, позволяющей в стадии исполнения итогового судебного решения допрашивать и осужденного.

Таким образом, при исполнении итоговых судебных решений в действующем уголовно-процессуальном законодательстве необходимо предусмотреть нормы, позволяющие производить допрос свидетелей, специалистов, экспертов и т.д., а также осуществлять иные судебные действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решение по делу 4/13-29/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-andreapolskij-rajonnyj-sud-tverskaya-oblast-s/act-524640383/>.
2. Решение по делу 22-1436/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-saratovskij-oblastnoj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-524502962/>.
3. Решение по делу 4/9-10/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-motovilixinskij-rajonnyj-sud-g-permi-permskij-kraj-s/act-524470506/>.
4. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовным делам : автореф. дис ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 46 с.
5. Николок В.В. О допустимости и необходимости допроса в стадии исполнения приговора // Допрос: процессуальные и криминалистические проблемы (памяти профессора Н.И. Порубова) : сб. материалов 55-х криминалистических чтений : в 2 ч. М. : Академия управления МВД России, 2014. Ч. 2.

THE MEANS OF ESTABLISHING FACTS TO BE PROVED AT THE STAGE OF EXECUTION OF FINAL COURT DECISIONS

Viktor I. Kachalov, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: okukel@yandex.ru

Keywords: execution of final court decisions, proof, fact in proof, means of proof, evidence, court actions.

DOI: 10.17223/9785946216678/21

The existing criminal procedure laws of Russia state that relevant materials, not evidence, are means of establishing facts to be proved at the stage of execution of final

court decisions. The concept of evidence established in the General Part of the RF Code of Criminal Procedure, is universal and should apply to all proceedings on a case, including the establishment of facts to be proved at the stage of execution of final court decisions.

The courts at the stage of execution of sentence rely in making its decision on the materials in some cases and on evidence in other ones when establishing facts to be proved.

A systemic approach to criminal proceedings that extends the general rules of criminal proceedings to all stages of the proceedings means that procedural decisions at the stage of execution of final court decisions must be based on examination of evidence, not criminal case materials with an uncertain procedural status.

Materials procedural decisions at the stage of execution of final court decisions are based on are a “platform” on which evidence is formed.

The complex nature of evidence, the properties it should have, certain requirements to it, its ability to be verified by other participants in the trial and guarantees of its legal acquisition allow it to act as a basis for making a procedural decision in a criminal case.

The limits of proving in this case depend on specific facts to be proved in the execution of final court decisions. All established information in the execution of final court decisions must be considered from the point of view of its relevance to specific facts that must be proved at this stage of the criminal procedure.

The acquisition by evidence of an appropriate form through which information about facts to be proved (testimony, conclusions, protocols and other documents) is obtained is connected with carrying out investigative and other procedural actions. The result of investigative and other procedural actions is the corresponding type of evidence.

In the execution of final court decisions, the current criminal procedure legislation should provide rules allowing for the examination of witnesses, specialists, experts and others, and also to carry out other court actions.

REFERENCES

1. Rospravosudie.com. (2016) *Reshenie po delu 4/13-29/2016* [Decision in Case 4/13-29/2016]. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com/court-andreapolskij-rajonnyj-sud-tverskaya-oblast-s/act-524640383/>.
2. Rospravosudie.com. (2016) *Reshenie po delu 22-1436/2016* [Decision in the case of 22-1436/2016]. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com/court-saratovskij-oblastnoj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-524502962/>.
3. Rospravosudie.com. (2016) *Reshenie po delu 4/9-10/2016* [Decision in case 4/9-10/2016]. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com/court-motovilixinskij-rajonnyj-sud-g-permi-permskij-kraj-s/act-524470506/>.
4. Rossinskiy, S.B. (2015) *Kontseptual'nye osnovy formirovaniya rezul'tatov "neverbal'nykh" sledstvennykh i sudebnykh deystviy v dokazyvanii po ugovolnym delam* [Conceptual basis for the formation of the results of “non-verbal” investigative and judicial actions in proving criminal cases]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

5. Nikolyuk, V.V. (2014) O dopustimosti i neobkhodimosti doprosa v stadii ispolneniya prigovora [On the admissibility and necessity of interrogation in the execution of the sentence]. In: Gavrilov, B.Ya. (ed.) *Dopros: protsessual'nye i kriminalisticheskie probleme-my* [Interrogation: procedural and forensic problems]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

DOI: 10.17223/9785946216678/22

Е.В. Князькова

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕЛА ПРОКУРОРУ ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ НА БОЛЕЕ ТЯЖКОЕ: ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКОНА, ПОЗИЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ И ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Рассматривается развитие правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и следующее за ним изменение законодательства, регулирующего институт возвращения уголовного дела прокурору. Делается вывод о все большем изменении сущности института возвращения уголовного дела прокурору, усилении в нем розыскных начал и его сближении с советским институтом возвращения уголовных дел для дополнительного расследования.

Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурору, возвращение уголовного дела для дополнительного расследования, состязательность сторон, розыскной тип уголовного процесса, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Существование и содержание института возвращения уголовного дела прокурору многими учеными, так же как и Конституционным Судом Российской Федерации, увязываются с содержанием принципа состязательности уголовного судопроизводства.

Институт возвращения уголовного дела прокурору пришел на смену предусмотренному УПК РСФСР институту возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования и был разработан в соответствии с закрепленной в Концепции судебной реформы в Российской Федерации [1] идеей полного отказа от дополни-

тельного расследования в стадии судебного разбирательства. Изначально данный институт был предназначен для устранения лишь формальных нарушений, допущенных при составлении обвинительных заключений. В случае же обнаружения в судебном заседании неполноты следствия либо нарушений УПК РФ, не позволяющих суду обосновать вывод о виновности подсудимого, суд обязан был постановить оправдательный приговор.

За время своего существования названный институт претерпел существенные изменения. Ключевая роль в видоизменении подхода к институту возвращения уголовного дела прокурору принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации, вслед за которым и законодатель принимал решения о внесении поправок в УПК РФ.

Первоначально складывавшаяся правоприменительная практика не предусматривала возможности возвращения уголовного дела прокурору при наличии оснований для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, изложенного в обвинительном заключении, на что прямо указывал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 20.04.1999 г. № 7-П [2].

По этой причине ст. 237 УПК РФ изначально предусматривала исчерпывающий перечень оснований возвращения уголовного дела прокурору, каждое из которых представляло собой нарушение формального характера. Такая конструкция предполагала запрет на производство следственных и иных процессуальных действий по возвращенному делу. Соответствующие изменения были внесены Федеральным законом от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ [3], дополнившим ст. 237 УПК РФ пунктами 4 и 5.

Однако абсолютный запрет на производство следственных и процессуальных действий после возвращения дела прокурору привел к возникновению сложностей на практике. Суд оказывался в условиях, когда не мог рассмотреть уголовное дело по существу и одновременно был не вправе вернуть его прокурору. В некоторых случаях допущенные в ходе досудебного производства нарушения приводили к прекращению уголовного преследования в отношении лиц, виновность которых бесспорно подтверждалась достаточной совокупностью доказательств.

По этой причине уже 08.12.2003 г. в Постановлении № 18-П [4] Конституционный Суд Российской Федерации признал не противоречащими

Конституции Российской Федерации положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ, допускающие возвращение уголовного дела прокурору для устранения существенных нарушений закона, если это не связано с восполнением неполноты предварительного расследования. В случае выявления нарушений закона, ущемляющих права участников уголовного судопроизводства, создающих препятствия для постановления судом справедливого решения, Конституционный Суд Российской Федерации признал допустимым производство необходимых процессуальных и следственных действий. Положения ч.ч. 4 и 5 ст. 237 УПК РФ, установившие запрет на производство следственных и процессуальных действий по возвращенному делу, были признаны неконституционными.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации расширил перечень оснований для возвращения дела прокурору, признав таковыми любые существенные нарушения УПК РФ в досудебном производстве. Одновременно на этом этапе была признана необходимость производства следственных и процессуальных действий, направленных на устранение нарушений закона. Нетрудно заметить, что изменился и подход высшей судебной инстанции к роли суда. В нем виделся уже не только и не столько беспристрастный арбитр, выполняющий функцию разрешения уголовного дела на основе доказательств, представленных сторонами, но и активный участник процесса, выступающий в качестве субъекта, осуществляющего судебную защиту нарушенных прав.

Тем не менее, даже в том виде, в котором институт возвращения дела прокурору существовал после принятия Постановления Конституционного Суда РФ № 18-П, он все еще не являлся аналогом института доследования. Однако дальнейшее его реформирование было связано с определенными шагами именно в этом направлении.

Так, в Определении от 02.02.2006 № 57-О [5] Конституционный Суд Российской Федерации указал, что на случаи возвращения судом уголовного дела прокурору в связи с необходимостью устранения существенных нарушений закона, требование о соблюдении пятидневного срока, в течение которого прокурор обязан обеспечить их устранение, распространяться не может. Федеральным законом от 02.12.2008 г. № 226-ФЗ [6] положения ч.ч. 2, 4 и 5 ст. 237 УПК РФ, устанавливающие пятисуточный срок для устранения нарушений закона, а также запрет на производство следственных действий и при-

знание доказательств недопустимыми, отменены. При этом какой-либо другой срок для устранения нарушений не предусматривался, в чем многие процессуалисты также усмотрели признаки возрождения института доследования.

Очередной вехой на этом пути стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2007 г. № 6-П [7], которым признаны неконституционными положения ст.ст. 237, 413 и 418 УПК РФ, поскольку они создавали препятствия для реализации судом функции по осуществлению правосудия и не позволяли производить расследование новых обстоятельств (ранее не существовавших последствий преступления), могущих повлечь изменение положения осужденного в сторону ухудшения (речь шла о ситуации, когда после направления дела в суд возникли новые, более тяжкие последствия действий подсудимого / осужденного по сравнению с предъявленным обвинением; ранее действовавшие положения закона не предусматривали в такой ситуации возобновления производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, а также возможности суду первой инстанции возвратить дело прокурору для расследования новых обстоятельств и предъявления более тяжкого обвинения).

Признав положения ст.ст. 237, 413 и 418 УПК РФ неконституционными, Конституционный Суд Российской Федерации впервые после принятия УПК РФ не исключил возможность ухудшения положения подсудимого и указал на необходимость создания соответствующего процессуального механизма, позволяющего учесть установленные судом новые обстоятельства.

Такой механизм был введен Федеральным законом от 26.04.2013 г. № 64-ФЗ [8], которым ст. 237 УПК РФ дополнена новым основанием возвращения дела прокурору: установление обстоятельств, свидетельствующих о более тяжких последствиях преступления, наступивших после направления дела в суд. Возвращение дела прокурору по данному основанию предполагало получение в рамках производства доказательств, подтверждающих факт наступления более тяжких последствий преступления, и предъявление на их основании более тяжкого обвинения.

Вплоть до принятия Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 02.07.2013 г. № 16-П [9] возможность возвращения дела прокурору для предъявления более тяжкого обвинения

касались весьма ограниченного количества случаев установления в судебном заседании обстоятельств, которые по объективным причинам не могли быть известны органам расследования.

Вместе с тем еще до принятия высшей судебной инстанцией указанного постановления в тех случаях, когда из описания преступного деяния, изложенного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении, следовало, что действиям обвиняемого дана явно заниженная квалификация, суды принимали решения о возвращении дела прокурору со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 г. № 16-П по вопросу возвращения дела для изменения обвинения на более тяжкое была высказана прямо противоположная ранее складывавшейся судебной практике позиция. Положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ в той мере, в которой они препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении (акте), свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления, либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления, признаны неконституционными.

Федеральным законом от 21.07.2014 г. № 269-ФЗ [10] внесены изменения, позволяющие суду возвращать дело прокурору во всех случаях обнаружения в судебном заседании обстоятельств, свидетельствующих о наличии оснований для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления.

С принятием данного закона многие практические работники связывают завершение процесса возрождения института возвращения уголовного дела на дополнительное расследование. Статья 237 УПК РФ в редакции данного закона содержит почти такой же перечень оснований возвращения дела прокурору, который ранее включала в себя ст. 232 УПК РСФСР (1960 г.), за исключением единственного основания – неполноты либо односторонности ранее проведенного дознания или следствия.

Тем не менее ряд отличий по-прежнему сохраняется. К таковым относится, например, запрет на производство следственных действий,

направленных на восполнение неполноты расследования, даже в случае возвращения дела прокурору для предъявления более тяжкого обвинения при установлении в суде свидетельствующих об этом фактических обстоятельств. По логике законодателя, соответствующие новые доказательства должны быть получены именно в ходе судебного следствия и должны бесспорно свидетельствовать о наличии в действиях подсудимого более тяжкого преступления, поэтому после возвращения дела прокурору от следственных органов не требуется вновь производить следственные действия. Новое, более тяжкое обвинение должно предъявляться на основании уже имеющихся в деле доказательств (включая полученные на этапе судебного следствия).

Кроме того, упоминая о «более тяжком обвинении» как об основании возвращения дела прокурору, законодатель имеет в виду не любое расширение обвинения, а лишь такое, которое связано с изменением квалификации, вменением дополнительных квалифицирующих признаков.

Изучение практики, складывающейся на территории Томской области, позволяет сделать вывод о расширительном толковании судами и без того достаточно широких полномочий, предоставленных законом и ключевым Постановлением Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 г. № 16-П.

Упомянутые ограничения суды легко обходят. Так, при решении вопроса о возвращении уголовного дела прокурору для изменения обвинения на более тяжкое при выявлении обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях подсудимого более тяжкого обвинения, судами не принимается во внимание необходимость исчерпывающего исследования в ходе судебного следствия всех доказательств ввиду запрета на производство дополнительных следственных действий, направленных на восполнение неполноты следствия.

Например, дело в отношении К., обвиняемой по ч. 1 ст. 118 УК РФ, возвращено прокурору в связи с тем, что из имеющихся в деле доказательств (заключения судебно-медицинской экспертизы, показаний эксперта) следует, что умышленно причиненные К. телесные повреждения находятся в прямой причинно-следственной связи со смертью потерпевшего, поэтому имеются основания для квалификации содеянного по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Вместе с тем по данному делу хотя и имелись основания для предъявления более тяжкого обвинения, однако для устранения существовавших противоречий в доказа-

тельствах требовалось проведение повторной судебно-медицинской экспертизы, что возможно было сделать только на стадии судебного рассмотрения дела (ввиду отсутствия законных оснований для получения новых доказательств после возвращения дела прокурору). Тем не менее соответствующие доводы прокурора судом апелляционной инстанции были оставлены без внимания.

Имели место факты принятия судебных решений о возвращении уголовного дела прокурору для изменения обвинения на более тяжкое, не связанного с изменением квалификации: например, для вменения в вину дополнительных преступных последствий по делам о преступлениях против жизни и здоровья, имущественных преступлениях (в последнем случае речь шла о неправильном определении органами следствия размера ущерба; возвращение дела прокурору мотивировалось необходимостью защиты прав потерпевшего, а именно прав на возмещение причиненного вреда и доступ к правосудию).

По всем упомянутым делам в ходе дополнительного расследования производились следственные действия, направленные на устранение отмеченных судом недостатков, а фактически – на восполнение неполноты следствия. Случаев признания полученных новых доказательств недопустимыми не было, по всем делам в дальнейшем вынесены обвинительные приговоры.

Таким образом, будучи изначально предназначен решать проблему устранения препятствий для рассмотрения дела судом, институт возвращения дела прокурору претерпел серьезные трансформации, результат которых позволяет утверждать о тенденции к усилению следственного (розыскного) начала в уголовном процессе в ущерб состязательности, об изменении подхода законодателя к действующему в России типу (модели) судопроизводства.

Законодательно закрепленный механизм устранения недостатков предварительного расследования хоть и не в полном объеме, но копирует ранее существовавший институт возвращения дела для производства дополнительного расследования. Сохраняющиеся различия нивелируются складывающейся правоприменительной практикой, которая фактически признала возможность получения новых доказательств после возвращения дела прокурору для предъявления более тяжкого обвинения (единственное ограничение на получение новых доказательств, подтверждающих обвинение, пока сохраняется для

случаев возвращения дел прокурору по иным основаниям, но и его устранение, на наш взгляд, – дело времени).

Судами данное основание возвращения дел прокурору применяется все более активно. Если в 2013–2014 гг. судами Томской области подобные решения принимались в единичных случаях (2–4 дела в год), то в 2015 г. – уже 6, в 2016 – 12 (т.е. четверть от общего числа возвращенных дел).

ЛИТЕРАТУРА

1. О Концепции судебной реформы в РСФСР : Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
2. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.04.1999 г. № 7-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. № 4.
3. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27, ч. 1. Ст. 2706.
4. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2003 г. № 18-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 1.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности частей второй и пятой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.2006 г. № 57-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 3.
6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 02.12.2008 г. № 226-ФЗ // Российская газета. 2008. 5 лек., № 250.
7. По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2007 г. № 6-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 3.
8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 26.04.2013 г. № 64-ФЗ // Российская газета. 2013. 30 апр., № 94.

9. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.07.2013 г. № 16-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 6.
10. О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 269-ФЗ // Российская газета. 2014. 25 июля, № 166.

RETURN OF THE CASE TO THE PROSECUTOR TO CHANGE THE CHARGES TO MORE GRAVE: PROVISIONS OF THE LAW, POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND TRENDS IN LAW ENFORCEMENT

Elena V. Knyazkova, Prosecutor's Office of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: usu@sibmail.com

Keywords: return of criminal case to prosecutor, return of criminal case for additional investigation, adversarial principle, investigative type of criminal procedure; legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

DOI: 10.17223/9785946216678/22

Many scholars as well as the Constitutional Court of the Russian Federation connect the existence and content of the institution of returning the criminal case to the prosecutor with the content of the adversarial principle in criminal proceedings. This institution replaced the institution of returning criminal cases for further investigation provided by the RSFSR Code of Criminal Procedure, and was developed in accordance with the idea of complete rejection of further investigation in the trial stage enshrined in the Concept of the Judicial Reform in the Russian Federation. Initially this institution was designed to eliminate only formal violations in the preparation of indictments. In case incompleteness of the investigation or violations of the RF Code of Criminal Procedure are discovered during the trial that do not allow the court to substantiate the conclusion about the guilt of the defendant, the court had to enter an acquittal.

During its existence the institution has undergone significant changes. A key role in the modification of the approach to the institution of returning the criminal case to the prosecutor belongs to the Constitutional Court of the Russian Federation, after which the legislator decided to amend the RF Code of Criminal Procedure. The development of the institution of returning the criminal case to the prosecutor has the following stages: 1) a complete ban on investigative actions when returning the criminal case to the prosecutor and aggravation of charges; 2) permission of investigative actions, if they are not related to aggravation of charges; 3) permission to return the criminal case to the prosecutor to change charges to more grave.

Thus, being initially designed to solve the problem of removing barriers to the consideration of the case by the court, the institution of returning the case to the prosecutor has

undergone serious transformations. Their result shows the tendency of increasing the investigative principle in the criminal procedure to the detriment of the adversarial principle, the change of the legislator's approach to the current Russian type (model) of proceedings.

The procedure for the elimination of the shortcomings of the preliminary investigation, fixed in laws, copies (though not in full) the pre-existing institution of returning cases for further investigation. The remaining differences are levelled by the emerging enforcement practice that actually recognised the possibility of obtaining new evidence after the return of the case to the prosecutor for filing more grave charges (the only restriction on obtaining new evidence to support the accusation still exists for returns of cases to the prosecutor for other reasons, but its elimination, in the author's opinion, is a matter of time).

REFERENCES

1. The Supreme Soviet of the RSFSR. (1991) O Kontseptsii sudebnoy reformy v RSFSR: Postanovlenie Verkhovnogo Soveta RSFSR of 24.10.1991 № 1801-1 [On the Concept of Judicial Reform in the RSFSR: Decree No. 1801-1 of the Supreme Soviet of the RSFSR of 24.10.1991]. *Vedomosti SND i VS RSFSR*. 44. Art. 1435.
2. The Constitutional Court of the Russian Federation. (1999) On the case of the verification of the constitutionality of the provisions of Paragraphs 1 and 3 of Part 1 of Article 232, Part 4 of Article 248 and Part 1 of Article 258 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the requests of the Irkutsk District Court of the Irkutsk Region and the Sovetsky District Court of Nizhny Novgorod: Resolution No. 7-P of the The Constitutional Court of the Russian Federation of April 20, 1999]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 4. (In Russian).
3. Russian Federation. (2003) On introducing amendments and additions to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law N 92-FZ of July 4, 2003. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 27(1). Art. 2706. (In Russian).
4. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2003) On the verification of the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as Chapters 35 and 39 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with requests of courts of general jurisdiction and complaints of citizens: Decision No. 18-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2003. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 1. (In Russian).
5. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2006) On the refusal to accept the request of the Vsevolozhsk City Court of Leningrad Region on the verification of the constitutionality of Parts 2 and 5 of Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution N 57-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 2, 2006]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 3. (In Russian).
6. Russian Federation. (2008) On amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 226-FZ of December 2, 2008. *Rossiyskaya gazeta*. 250. (In Russian).

7. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2007) On the verification of the constitutionality of the provisions of Articles 237, 413 and 418 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the request of the Presidium of the Kurgan Regional Court: Decision No. 6-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 16, 2007. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 3. (In Russian).
8. Russian Federation. (2008) On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 64-FZ of April 26, 2013. *Rossiyskaya gazeta*. 94. (In Russian).
9. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) On the verification of the constitutionality of the provisions of Part one of Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen of the Republic of Uzbekistan, B.T. Gadayev and the request of the Kurgan Regional Court: Resolution No. 16-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 2, 2013. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 6. (In Russian).
10. Russian Federation. (2014) On Amending Articles 236 and 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 269-FZ of July 21, 2014. *Rossiyskaya gazeta*. 166. (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216678/23

Д.А. Мезинов

О НЕОБХОДИМОСТИ УТОЧНЕНИЯ ПЕРЕЧНЯ ОБЩИХ УСЛОВИЙ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Критически оценивается закрепленный в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации перечень общих условий судебного разбирательства. Руководствуясь пониманием типологических (модельных) свойств отечественного уголовного процесса, обосновывается необходимость закрепления в оцениваемом перечне общих норм о состязательности сторон, более полного и точного формулирования условий непосредственности и устности в отдельных статьях кодекса, а также исключения из данного перечня требования о ведении письменного протокола судебного заседания.

Ключевые слова: общие условия судебного разбирательства, состязательность сторон, непосредственность и устность, протокол судебного заседания.

В качестве общих условий судебного разбирательства в гл. 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в настоящее время закреплены нормативные требования о непосредственности и устности, гласности, неизменности состава суда, равенстве прав сторон, нормы о процессуальном положении в этой стадии председательствующего, секретаря судебного заседания, обвинителя, подсудимого, защитника, потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, специалиста, требования о пределах судебного разбирательства, нормы о ведении протокола судебного заседания и др. [1]. Полагаю, данный перечень (как и содержание входящих в него отдельных общих условий) не может не быть подчинен основной целевой направленности уголовного процесса, его принципам, которые, в свою очередь, должны определяться типологическими (модельными) свойствами отечественного уголовного процесса. В связи с этим обратимся к пониманию данных свойств и попытаемся ответить на вопрос: нуждается ли перечень общих условий судебного разбирательства в действующем УПК РФ в каком-либо уточнении и (или) дополнении, насколько он в целом совершенен?

Отечественный уголовный процесс длительное время развивался в рамках континентальной правовой системы [2. С. 76–84] как процесс сугубо розыскного (инквизиционного, следственного) типа (модели), на определенном этапе трансформировавшись в процесс смешанного типа (модели), в котором досудебные стадии сохранили прежний розыскной (следственный) характер, судебные же стадии в основном приобрели обвинительно-состязательный характер, в первую очередь судебное разбирательство как главная судебная стадия [3. С. 137–139]. В России данная трансформация произошла с введением в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [4]. Следует заметить, что смешанная модель уголовного процесса сохранила преемственность с предыдущим периодом своего развития в рамках континентальной правовой системы в части подчинения целевой направленности процесса принципу (концепции) материальной (объективной) истины. В то же время важное отличие судебных стадий (в первую очередь судебного разбирательства) появившейся смешанной модели уголовного процесса от таковых предыдущего (чисто розыскного или инквизиционного) исторического периода состоит в том, что эти стадии исходно задумывались на началах (принципах, общих

условиях), противоположных началам досудебных стадий. Так, в этой модели обвинительно-состязательному характеру судебного разбирательства (как в основном и всех судебных стадий) соответствуют начала состязательности сторон, гласности, непосредственности и устности исследования доказательств, в отличие от розыскного характера досудебного производства, которое подчинено принципу следствия, т.е. отсутствия сторон и совмещения в одном лице следователя (судебного следователя, следственного судьи и т.п.) функций и обвинения, и защиты, и разрешения дела с возложением на него обязанности всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств дела, а также началам следственной тайны, опосредованности и письменности исследования доказательств.

При этом судебное разбирательство в смешанной модели уголовного процесса континентальной правовой системы, в отличие от чисто состязательной его модели англо-американской правовой системы, призвано обеспечивать целевую направленность процесса на установление материальной (объективной) истины. Такая его направленность предопределяет придание соответствующего характера началу состязательности сторон, дополнение его активностью (в том числе инициативной) суда в исследовании доказательств, поскольку последний обязан стремиться к установлению материальной (объективной) истины. Кроме того, в судебном разбирательстве смешанной модели уголовного процесса предполагается еще более последовательная реализация начала непосредственности исследования доказательств как важной гарантии обеспечения целевой направленности процесса на установление материальной (объективной) истины.

Оценивая с изложенных позиций перечень общих условий судебного разбирательства, закрепленных в гл. 35 УПК РФ, можно привести следующие суждения.

Прежде всего следует заметить, что, за исключением отдельного правила (по сути, частного характера) о равенстве прав сторон, в числе общих условий судебного разбирательства в гл. 35 УПК РФ общие нормы о состязательности сторон в полном объеме не закреплены. По замыслу законодателя эти нормы выведены на более высокий уровень принципов всего уголовного процесса (ст. 15 УПК РФ). Однако даже поверхностный анализ процессуального положения (особенно реальных целей деятельности) субъекта предварительного расследования

(следователя, дознавателя и т.д.), а также характера, порядка и круга участников проводимых в досудебном производстве следственных действий не позволяет признать уместной попытку законодателя относить этого субъекта к стороне обвинения и вообще усматривать в досудебном производстве состязательность сторон в общепринятом смысле этого понятия, предполагающем наличие полноценных сторон и суд-арбитра. В то же время обращение к нормам глав 36–39 УПК РФ, регламентирующих стадию судебного разбирательства, дает возможность убедиться в последовательном проведении ими начала состязательности сторон [5. С. 73–75; 6. С. 39–48; 7. С. 184–210; 8. С. 62–64].

Думается, что выведение общих норм о состязательности сторон из разряда принципов всего уголовного процесса с закреплением их в качестве общих условий судебного разбирательства в гл. 35 УПК РФ, разумеется, с соответствующим уточнением круга участников сторон, будет адекватно реальному значению этих норм в регулировании современного российского уголовного судопроизводства, проводимого по УПК РФ, а также исходному тяготению этого судопроизводства к смешанной модели уголовного процесса, развивающейся в континентальной правовой системе.

Обращаясь в дальнейшем к таким важным для придания судебному разбирательству обвинительно-состязательного характера общим условиям, как непосредственность и устность исследования доказательств, следует обратить внимание на их закрепление в одной статье УПК РФ (ст. 240) без четкого отграничения друг от друга. Такой, пусть даже традиционный, подход отечественного законодателя вряд ли можно признать целесообразным и правильным. Несмотря на тесную взаимосвязь между началами непосредственности и устности, каждое из них выполняет свою собственную роль в судебном разбирательстве [7. С. 210–247; 9. С. 22–28; 10. С. 157–166; 11]. Из этого следует, что каждое из данных двух условий занимает самостоятельное место в перечне общих условий судебного разбирательства и должно формулироваться более полно и точно в отдельной статье¹.

Далее мы обнаруживаем в одном ряду с другими общими условиями судебного разбирательства правила обязательного ведения пись-

¹ Разработка законодательного определения каждого из названных общих условий – тема отдельного исследования.

менного протокола судебного заседания (ст. 259 УПК РФ). В оправдание данных правил, являющихся выполнением начала письменности, противоположного началу устности, в литературе отмечается, что протокол судебного заседания является одним из главных процессуальных документов, выступает как средство закрепления и передачи (в случае надобности) сведений об обстоятельствах дела, полученных и исследованных в судебном заседании, прежде всего для судов вышестоящих судебных инстанций [3. С. 875; 7. С. 247]. Между тем условие письменности исследования доказательств в судебных стадиях исходно было характерно для исторической розыскной (инквизиционной) модели уголовного процесса, когда судебное разбирательство (если его можно так назвать в рамках этой модели) сводилось в основном к ознакомлению с документами по делу чиновника, его разрешающего, путем их прочтения, что называется, «про себя», и «то, что сказано в заседании, не имело значения, пока не было облечено в форму процессуального документа» [3. С. 874]. Подчинены условию письменности и досудебные стадии в смешанной модели уголовного процесса, что находит выражение в обязательном обосновании принимаемых процессуальных решений (особенно итоговых для стадий) только сведениями, отраженными в протоколах следственных действий и иных процессуальных документах, которые «про себя» прочитываются-изучаются субъектом предварительного расследования и, разумеется, не подвергаются какому-либо устному заслушиванию в ходе публичного заседания.

Полагаю, что обязательность в качестве общего условия судебного разбирательства ведения письменного протокола судебного заседания и ориентация, прежде всего, на его содержание вышестоящих судов, действующих как проверочные судебные инстанции, не может не ограничивать, пусть даже косвенным образом, выполнение условия устности, а в известной мере и условия непосредственности, в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции. Это происходит постольку, поскольку суды первой инстанции при принятии своих приговоров и иных итоговых решений по делу всегда оценивают перспективу будущих апелляционных, кассационных (и надзорных) проверок, стремясь предотвратить отмену или изменение этих решений. Отсюда возникает необходимость тщательного обеспечения судом первой (а затем и апелляционной) инстанции соответствия сведений,

кладущихся в обоснование итогового решения, именно тем сведениям, которые отражены в протоколе судебного заседания, с очевидным и, так сказать, по-человечески понятным признанием приоритета этих сведений перед теми сведениями, которые суд непосредственно видел и слышал в судебном заседании. Эту установку суда первой инстанции вряд ли может преодолеть и правило об изготовлении протокола в течение 3 суток со дня окончания судебного заседания, поскольку имеет распространение не запрещенная законом удобная и целесообразная практика изготовления протокола по частям, т.е. протокол по результатам прошедших судебных заседаний уже имеется в наличии у суда перед последним судебным заседанием, на котором принимается итоговое решение по делу. Соответственно при принятии этого решения суд имеет перед собой почти полный протокол, и требование к нему руководствоваться тем, что он непосредственно видел и слышал в судебном заседании, а не содержанием протокола, остается лишь пожеланием. Такая практика в основном обуславливается тем, что рассмотрение дела (если оно происходит, разумеется, в обычном, а не особом порядке) нередко затягивается, чему способствует отсутствие среди общих условий судебного разбирательства в современном УПК РФ требования непрерывности судебного процесса.

Таким образом, требование обязательного ведения письменного протокола судебного заседания как противоречащее более важным для обеспечения обвинительно-состязательного характера судебного разбирательства в смешанной модели уголовного процесса требованиям непосредственности и устности исследования доказательств должно быть исключено из перечня общих условий судебного разбирательства, закрепленных в гл. 35 УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.
2. Головки Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 65–87.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с.
4. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Прав. Сената и циркулярами министра юстиции / под ред. М. Шрамченко, В. Ширкова. 2-е изд. СПб., 1902.

5. Гуськова А.П. К вопросу о криминалистической тактике, методике для нужд судебного следствия // Адвокатура и адвокатская деятельность в свете современного конституционного права : (к 10-летию принятия Конституции России) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 29–30 дек. 2003 г. Екатеринбург : Чароид, 2004. С. 70–80.
6. Соколовская Н.С. Роль суда в состязании сторон по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации. Томск : Том. ун-т систем упр. и радиоэлектр., 2006. 126 с.
7. Гришин С.П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты). М. : Юрлитинформ, 2008. 472 с.
8. Мезинов Д.А. Разумна ли состязательность судебного следствия по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 61–69.
9. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912. 438 с.
10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1. 472 с.
11. Мезинов Д.А. Непосредственность судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве: понятие, значение, тенденции реализации в современной судебной практике // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 123–126.

ON THE NEED TO CLARIFY THE LIST OF GENERAL CONDITIONS OF THE TRIAL IN THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dmitry A. Mezinov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

Keywords: general conditions of trial, adversariality of parties, immediacy and orality, record of hearing.

DOI: 10.17223/9785946216678/23

The paper critically evaluates the list of general conditions of the trial enshrined in the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The author is guided by the understanding of the typological (model) properties of Russian criminal procedure. According to the results of the analysis, the necessity of separating the general rules of the adversariality of the parties from the principles of the overall criminal procedure and fixing them as general conditions of the trial in the appropriate chapter of the Code is grounded. In the procedural regulation of the conditions of immediacy and orality, they each perform their own role in the trial; thus a conclusion is made that each of these conditions has an independent place in the list of general conditions of the trial and should be formulated more precisely in a separate article. When assessing the requirement of making a written record of the hearing fixed on a par with other general conditions of the trial,

the author focuses on the fact that this requirement is the implementation of the writing principle (condition), opposite to the orality condition. Taking into account the primary orientation of the court practice on the content of the trial records of higher courts, which are verifying instances, this requirement restricts the satisfaction of the conditions of immediacy and orality in trials in courts of first instance; therefore, the author proposes to exclude it from the list of general conditions of the trial.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2001) The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001, № 174-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 52(1). Art. 4921. (In Russian).
2. Golovko, L.V. (2012) The Theoretical Grounds for Modernization of the Doctrine of Substantive Truth in Criminal Process. *Biblioteka kriminalista – Criminalist's Library Scientific Journal*. 4. pp. 65–87. (In Russian).
3. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugovolnogo protsessa* [Criminal Process]. Moscow: Statut.
4. Shramchenko, M. & Shirkov, V. (eds) (1902) *Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva s pozdneyshimi uzakoneniyami, zakonodatel'nymi motivami, raz'yasneniyami Prav. Senata i tsirkulyarami Ministra Yustitsii* [The charter of criminal proceedings with later legalisations, legislative motives, explanations of the Senate and circulars of the Minister of Justice]. St. Petersburg: N.K. Martynov.
5. Guskova, A.P. (2004) [On the forensic tactics, methods for the judicial investigation]. *Advokatura i advokatskaya deyatelnost' v svete sovremenogo konstitutsionnogo prava: (K 10-letiyu prinyatiya Konstitutsii Rossii)* [Advocacy in the Light of Modern Constitutional Law: (To the Centennial Anniversary of the Adoption of the Russian Constitution)]. Proc. of the International Conference. Ekaterinburg. December 29–30, 2003. Ekaterinburg: Charoid. pp. 70–80. (In Russian).
6. Sokolovskaya, N.S. (2006) *Rol' suda v sostyazanii storon po ugovolno-protsessual'nomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [The role of the court in the adversariality of the parties in the criminal procedural legislation of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
7. Grishin, S.P. (2008) *Sudebnoe sledstvie v smeshannom ugovolnom protsesse (gnoseologicheskii, protsessual'nyi i taktiko-kriminalisticheskii aspekty)* [Judicial investigation in a mixed criminal trial (epistemological, procedural and tactical-criminalistic aspects)]. Moscow: Yurlitinform.
8. Mezinov, D.A. (2014) Is the adversarial judicial investigation under the Criminal Procedural Code of the Russian Federation reasonable? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 3(13). pp. 61–69. (In Russian).
9. Viktorskiy, S.I. (1912) *Russkiy ugovolnyy protsess* [Russian Criminal Trial]. 2nd ed. Moscow: A.A. Kartsev.
10. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsesssa* [The Soviet criminal process]. Vol. I. Moscow: Nauka.

11. Mezinov, D.A. (2008) Neposredstvennost' sudebnogo razbiratel'stva v ugovnomno sudo-proizvodstve: ponyatie, znachenie, tendentsii realizatsii v sovremennoy sudebnoy praktike [The immediacy of the trial in criminal court proceedings: Concept, meaning, trends of implementation in modern judicial practice]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 309. pp. 123–126.

DOI: 10.17223/9785946216678/24

А.А. Михайлов

КВАЗИПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Рассмотрена проблема существования в современном уголовном процессе России квазипроизводств – процессуальных форм с неопределенностью правовой природы и (или) содержания. С учетом использования критериев выделения самостоятельных производств предлагаются направления совершенствования законодательства, относящегося к анализируемым квазипроизводствам, а также делается вывод о необходимости дополнения системы производств уголовного процесса России новым видом производств – альтернативными производствами.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное производство, квазипроизводство, судебный штраф, альтернативные производства.

Одним из несомненных достижений отечественной уголовно-процессуальной науки является разработка теории уголовно-процессуальных производств. Рассмотрение уголовного процесса как совокупности всех производств [1. С. 3] позволяет через четкое структурирование уголовно-процессуальной деятельности выстраивать логику уголовного процесса. Построенная с учетом теории система производств – это своего рода процессуальная «таблица Менделеева», которая определяет место производства в уголовном процессе, объясняет объективную необходимость его существования, а также показывает закономерности формирования новых производств.

В то же время современный уголовный процесс России, характеризующийся значительной эклектичностью, содержит в себе процессуальные формы с неопределенностью правовой природы и (или) содержания, которые условно можно назвать квазипроизводствами.

Важность установления правовой природы последних обуславливается необходимостью определения направления, в котором следует совершенствовать законодательство: в сторону трансформации квазипроизводств в самостоятельные производства либо корректировки их содержания с учетом выявленной правовой природы. В качестве таких квазипроизводств, по мнению автора, в частности, выступают: 1) производство по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; 2) производство по возвращенному прокурору уголовному делу; 3) производство в соответствии с гл. 51.1 УПК РФ.

Для того чтобы понять, что из себя представляет каждое из указанных квазипроизводств, прежде необходимо определить признаки (критерии выделения) самостоятельного уголовно-процессуального производства. К ним следует отнести, во-первых, предмет и задачи производства (критерий направленности), во-вторых, наличие категории дел с общей для них материально-правовой базой (материальный критерий) и, в-третьих, существенные особенности круга обстоятельств, подлежащих установлению в рамках производства (предмета познания), и (или) порядка установления (исследования) данных обстоятельств (процессуальный критерий). Предмет производства – вопрос, требующий решения в рамках производства, и обусловленные им задачи придают деятельности участников уголовного процесса соответствующую направленность. Материальный критерий ограничивает уголовно-процессуальную деятельность определенной категорией дел, а процессуальный индивидуализирует уголовно-процессуальное производство. Именно познавательная (доказательственная) деятельность является стержневой для любого производства.

По делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 159–159.3, 159.5, 160, 165 УК РФ (если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности), а также ст.ст. 170.2, 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, ч. 1 ст. 185.6, ст.ст. 190–199.2 УК РФ, УПК РФ устанавливает особенности уголовного судопроизводства, касающиеся порядка возбуждения уголовного дела (ч. 3 ст. 20, ч. 1.2 ст. 140, ч.ч. 7–9 ст.144), признания предметов и документов вещественными доказательствами (ст. 81.1), применения меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1.1 ст. 108), прекращения уголовного преследования (ст. 28.1), оглашения приговора (ч. 7 ст. 241).

Однако совокупности критериев выделения самостоятельного производства обозначенный порядок не соответствует. Установление значительной части особенностей порядка привлечения к уголовной ответственности по делам указанной категории является явно выраженным отступлением от принципа равенства. Порядок производства по таким делам является не отдельным производством, а лишь льготным процессуальным режимом привлечения к уголовной ответственности предпринимателей, который должен быть приведен в соответствие с вышеуказанным принципом.

Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) в своих постановлениях от 02.07.2013 г. № 16-П и от 16.07.2015 г. № 23-П определяет процедуру возвращения уголовного дела прокурору как особый порядок движения уголовного дела. Судья КС РФ С.М. Казанцев в особом мнении к Постановлению КС РФ от 16.07.2015 г. № 23-П называет обозначенный порядок специфической стадией (или квазистадией) уголовного судопроизводства.

Однако указанный порядок следует рассматривать все же в качестве квазипроизводства, а не квазистадии, поскольку в данном случае имеет место серьезный вопрос о содержательном наполнении уголовно-процессуальной деятельности по возвращенному прокурору делу. УПК РФ не регламентирует ее в необходимой мере, в результате чего отсутствует полная ясность, например, по вопросам о предмете доказывания и сроках предварительного расследования по делу с учетом различных оснований возвращения дела прокурору, о предельных сроках содержания под стражей, об объеме материалов дела, с которыми должны быть ознакомлены обвиняемый и другие участники процесса после завершения следственных и иных процессуальных действий по возвращенному делу.

При этом КС РФ, не желая открыто признать факт существования в уголовном процессе России дополнительного расследования, в постановлениях от 02.07.2013 г. № 16-П и от 16.07.2015 г. № 23-П отмечает, что особый порядок движения уголовного дела не тождественен его возвращению для производства дополнительного расследования. Однако судья КС РФ Г.А. Гаджиев в особом мнении к Постановлению КС РФ 16.07.2015 г. № 23-П правильно указывает, что по делу заявителя возникла трансформация «устранения допущенных нарушений» в нерегулируемое действующим УПК РФ по существу дополнительное расследование.

Как представляется, проблемы, связанные с возвращением уголовного дела прокурору, могут быть разрешены только при четком разведении в УПК РФ как самостоятельных институтов возвращения дела прокурору для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона формального характера (другими словами, не касающихся фактических обстоятельств дела, вопросов квалификации действий и доказанности вины обвиняемых) и возвращения дела в связи с необходимостью изменить обвинение на более тяжкое.

При возвращении уголовного дела прокурору по основаниям, предусмотренным п. 6 ч. 1 и ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ, когда возникает необходимость изменить обвинение на более тяжкое, осуществляется корректировка уголовно-правового отношения. По возвращенному делу требуется принять решение об изменении обвинения, для чего необходимо осуществление познания (доказывания) путем проведения комплекса следственных и иных процессуальных действий. Специфика предмета доказывания в таких случаях в том, что он должен быть ограничен кругом обстоятельств, подлежащих установлению для устранения недостатков обвинения. Соответственно, в УПК РФ необходимо конструирование самостоятельного производства по возвращенному прокурору уголовному делу для изменения обвинения на более тяжкое. При возвращении дела по указанным основаниям законодательство должно предусматривать возможность более длительных сроков проведения следственных и иных процессуальных действий и сроков содержания под стражей, чем в случаях, когда возвращение дела производится для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона формального характера. Кроме того, предмет производства обуславливает установление обязанности следователя вновь ознакомить со всеми материалами дела обвиняемого и других участников процесса, указанных в ст.ст. 216 и 217 УПК РФ.

Регламентация процедуры производства по делу, возвращенному прокурору для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона формального характера, должна осуществляться при одновременном учете принципа равенства, предполагающего применение аналогичных правил по отношению к лицам, находящимся в одинаковых или сходных ситуациях, а также принципа пропорциональности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), обуславливающего в условиях отсутствия необходимости корректировки уголовно-правового отно-

шения установление менее продолжительных сроков производства следственных действий и сроков содержания под стражей, а также обязанности следователя ознакомить участников процесса только с теми материалами, которые были приобщены к делу после его возвращения прокурору.

Глава 51.1 УПК РФ содержит два независимых порядка прекращения дела и назначения судебного штрафа в ходе соответственно досудебного и судебного производства по уголовному делу. Из них самостоятельным производством может считаться только первый порядок. Его предметом является рассмотрение судом вопроса об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, а задачей – установление наличия или отсутствия необходимых для этого оснований. В предмет доказывания входят обстоятельства, выступающие основанием прекращения дела (уголовного преследования) по ст. 25.1 УПК РФ, и факт отсутствия иных оснований прекращения дела (уголовного преследования), предусмотренных УПК РФ. Порядок же прекращения дела (уголовного преследования) по ст. 25.1 УПК РФ в ходе судебного производства является лишь заключительным этапом основного производства в суде первой инстанции.

При этом, с одной стороны, согласно ст. 25.1 УПК РФ прекращение дела (уголовного преследования) по указанному в данной статье основанию является правом суда, однако, с другой стороны, для следователя (дознателя), исходя из ч. 2 ст. 446.1 УПК РФ, вынесение постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении дела (уголовного преследования) является обязанностью. Кроме того, ст.ст. 446.1 и 446.3 УПК РФ, а также п.п. 25.2–25.7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) от 27.06.2013 г. № 19 (в ред. Постановления от 29.11.2016 г. № 56) ориентируют на то, что прекращение дела (уголовного преследования) по ст. 25.1 УПК РФ является для суда все же обязанностью, если отсутствуют обстоятельства, препятствующие освобождению лица от уголовной ответственности. Из обозначенных положений УПК РФ и Постановления Пленума ВС РФ также вытекает, что в предмет доказывания при решении вопроса о прекращении дела (уголовного преследования) по ст. 25.1 УПК РФ входит событие преступления и виновность лица в его совершении. В то же время установление данных обстоятельств происходит в упрощенной процедуре. Если еще учесть, что штраф как вид наказания и

судебный штраф как мера уголовно-правового характера по своей сущности малоразличимы, то можно сделать вывод, что порядок прекращения дела (уголовного преследования) по ст. 25.1 УПК следует относить к основным упрощенным производствам, а применение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа нельзя считать альтернативой уголовному преследованию, так как отсутствует сама возможность выбора между привлечением к уголовной ответственности и освобождением от нее с назначением судебного штрафа.

Однако с учетом объективной общемировой тенденции развития альтернатив уголовному преследованию, как представляется, систему производств уголовного процесса России, которую, исходя из направленности, составляют основные, дополнительные и особые производства, необходимо дополнить новым видом производств – альтернативными производствами. Предметом производств данного вида должен являться вопрос о прекращении уголовного преследования в связи с применением альтернативы ему в условиях выбора между последней и привлечением к уголовной ответственности. Такое решение вопроса позволит объяснить в любом случае имеющее место при применении альтернативы уголовному преследованию отступление от принципов публичности и презумпции невиновности.

Процессуальная форма в рамках данных производств, думается, должна проектироваться с учетом следующих правил. Во-первых, из общей массы дел о преступлениях небольшой и средней тяжести должна быть четко выделена категория дел, по которым возможно альтернативное производство (например, применив критерий очевидности преступления, исключив возможность использования альтернатив уголовному преследованию по должностным преступлениям и др.). Во-вторых, субъектом, заявляющим ходатайство о прекращении дела (уголовного преследования) в связи с применением альтернативы уголовному преследованию, должен быть прокурор как должностное лицо, которое от имени государства осуществляет обвинительную функцию в уголовном процессе. Соответственно, участие прокурора в рассмотрении данного ходатайства судом должно быть обязательным. В-третьих, должно быть явно выраженное согласие обвиняемого (подозреваемого) на применение альтернативного производства, им лично подтвержденное в суде. В-четвертых, поскольку обстоятельством, подлежащим установлению в рамках альтернативного производства,

является факт возмещения ущерба или заглаживания иным образом причиненного преступлением вреда, то участие потерпевшего в рассмотрении указанного ходатайства также должно быть обязательным.

Таким образом, уголовно-процессуальная форма современного уголовного процесса России должна совершенствоваться в направлении, исключающем наличие в структуре последнего квазипроизводств и, наоборот, обеспечивающем развитие в ней полноценных процессуальных форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск, 1991. 138 с.

QUASI-PROCEEDINGS IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA

Aleksandr A. Mikhailov, Tomsk Agricultural Institute, Branch of Novosibirsk State Agrarian University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maa1505@sibmail.com

Keywords: criminal procedure, criminal procedure proceedings, quasi-proceeding, court fine, alternative proceedings.

DOI: 10.17223/9785946216678/24

The paper aims to analyse the problem of the existence of quasi-proceedings (procedural forms with an uncertain legal nature and (or) content) in the modern criminal procedure of Russia and identify areas for the improvement of the relevant criminal procedure law. In the study, the author used the system method, methods of analysis and synthesis, the formal legal method and the practice of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation.

Quasi-proceedings in the modern criminal procedure of Russia, according to the author, should include (1) proceedings on criminal cases about crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities, (2) proceedings on criminal cases returned to the prosecutor, 3) proceedings in accordance with Chapter 51.1 of the RF Code of Criminal Procedure.

The order of proceedings on criminal cases about crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities is not separate proceedings, but only a concessionary procedural regime of bringing entrepreneurs to criminal liability.

The problems associated with the return of a criminal case to the prosecutor can only be solved by a strict separation of returning the case to the prosecutor for elimination of substantial violations of the criminal procedure law of a formal nature and of returning the case in connection with the need to change the charge to more grave as independent institutions in the RF Code of Criminal Procedure. In this regard, the approach to the subsequent procedures for cases returned to the Prosecutor should be differentiated.

In the context of the objective global trends in the development of alternatives to criminal prosecution, criminal proceedings of Russia must be supplemented with a new kind of proceedings – alternative ones. The subject of proceedings of this type should be the question on the termination of criminal prosecution in connection with the use of alternatives to it, that is, choosing between the alternative punishment and bringing to criminal liability.

REFERENCES

1. Yakimovich, Yu.K. (1991) *Struktura sovetskogo ugovnogo protsessa: sistema stadiy i sistema proizvodstv. Osnovnye i dopolnitel'nye proizvodstva* [The structure of the Soviet criminal process: the system of stages and procedures. Basic and additional procedures]. Tomsk: Tomsk State University.

DOI: 10.17223/9785946216678/25

М.Е. Нехороших

ПРЕДЕЛЫ ПРОВЕРКИ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 16–03–00413.

Рассматриваются пределы проверки материалов уголовного дела судом кассационной инстанции с позиций их определения двумя возможными началами: началом кассационной жалобы и ревизионным началом. Делается вывод, что в современном уголовно-процессуальном законодательстве получили закрепление оба этих начала, однако ревизионное начало должно считаться преимущественным, поскольку обеспечивает восстановление нарушенных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: проверка приговоров, вступивших в законную силу; кассационное производство, ревизионное начало, начало кассационной жалобы.

Пределы проверки материалов уголовного дела судом кассационной инстанции в науке уголовного процесса традиционно определяются через два противоположных начала: начало кассационной жалобы и ревизионное начало.

Начало кассационной жалобы предполагает, что суд кассационной инстанции связан в своей деятельности: 1) указанием заинтересованного лица на допущенные нижестоящим судом нарушения закона; 2) указанием на факты, подтверждающие нарушения закона; 3) указанием на требования, предъявляемые суду кассационной инстанции [1. С. 71]. Для этого начала свойственны нормативное закрепление формальных требований к поданным кассационным жалобам и отклонение без рассмотрения тех из них, которые данным требованиям не соответствуют.

Ревизионное же начало, в свою очередь, является полной противоположностью началу кассационной жалобы. Ревизия предполагает полное и самостоятельное, без учета доводов кассационной жалобы, изучение материалов уголовного дела вышестоящим судом с целью выявить любые нарушения материального и процессуального закона, допущенные судами первой инстанции. При этом в тех формах кассационного производства, в которых действует ревизионное начало, не закрепляются никакие требования к подаваемым кассационным жалобам, а значит, и отсутствует такой институт, как возвращение кассационной жалобы без рассмотрения в связи с допущенными нарушениями при ее составлении. В своей самой крайней форме ревизия предполагает проверку материалов уголовного дела и без поданной кассационной жалобы как по дискреционному усмотрению вышестоящего суда, так и в силу обязательности такой проверки по уголовно-процессуальному закону [2. С. 164–183].

В действующем уголовно-процессуальном законе нормативно предусматривается возможность ревизионной проверки материалов уголовного дела судом кассационной инстанции, что следует из ст. 401.16 УПК РФ. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 401.16 УПК РФ суд кассационной инстанции не связан доводами кассационной жалобы или представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме. В ч. 2 ст. 401.16 УПК РФ указано, что, если по уголовному делу осуждены несколько лиц, а кассационная жалоба или представление принесены только одним из них или в отношении некоторых из них, суд кассационной инстанции вправе проверить уголовное дело в отношении всех осужденных.

Вместе с тем в уголовно-процессуальном законе предъявляются и требования к содержанию кассационной жалобы. Согласно п.п. 5 и 6

ч. 1 ст. 401.4 УПК РФ в кассационной жалобе обязательно указание на допущенные судами существенные нарушения норм уголовного или уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, с приведением доводов, свидетельствующих о таких нарушениях, а также жалоба должна содержать просьбу лица, подающего жалобу. В случае нарушения кассатором этих требований, по буквальному толкованию п. 1 ч. 1 ст. 401.5 УПК РФ, кассационная жалоба должна быть возвращена судьей суда кассационной инстанции без рассмотрения.

Следовательно, в современной редакции уголовно-процессуального закона содержится определенное противоречие между ревизионным началом и началом кассационной жалобы при определении пределов кассационной проверки приговора. Для того, чтобы разрешить это противоречие, необходимо рассмотреть соотношение указанных начал с задачей кассационного производства по восстановлению нарушенных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Соответствие ревизионного начала восстановлению нарушенных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства является наиболее спорным в науке уголовного процесса. Так, одна группа авторов считает, что ревизия является действенным способом решения этой задачи. Например, Т. Шинелева отмечает, что упразднение ревизионного начала приводит к снижению правовой защищенности тех лиц, которые не могут самостоятельно составить кассационную жалобу и обосновать допущенное нарушение закона, а также осужденных, которые вследствие раскаяния в совершенном преступлении отказываются от принесения кассационной жалобы [3. С. 7]. В. Божьев также пишет, что лишенная полномочий проверить уголовное дело в полном объеме кассация не способна выполнить поставленные перед ней задачи по проверке законности, обоснованности и справедливости приговоров [4. С. 2]. А.А. Плашевская обосновывает ревизионное начало тем, что стороны уже определили пределы уголовного правоотношения в суде первой инстанции, а значит, пересмотр судом кассационной инстанции приговора в этих пределах не нарушает их права и законные интересы [5. С. 194]. О.Р. Идрисов считает, что установление диспозитивных пределов проверки обжалованного приговора создает угрозу частого кассационного обжалования приговора каждый раз по новым основаниям [6. С. 87].

Отдельные ученые, отмечая, что между ревизионным началом и восстановлением нарушенных прав и законных интересов сторон могут быть определенные противоречия, предлагают ограничить действие первого. Так, И.С. Дикарев отмечает следующее: «В нынешнем виде ревизионное начало, предполагающее проверку уголовного дела в полном объеме не в каждом случае, а лишь тогда, когда имеются основания полагать, что по этому делу допущены нарушения, на которые не указывается в поданных жалобах и представлениях, принципу состязательности сторон не противоречит». Но в этой позиции возможность применения ревизионного начала связывается с наличием особых «оснований полагать, что по делу были допущены нарушения, на которые не указывается в жалобах» [7. С. 36]. На вопрос же о том, как можно установить наличие таких нарушений или их отсутствие, автор не отвечает.

В.Д. Потапов ограничивает действие ревизионного начала в кассационном производстве по типу современной формулировки пределов деятельности суда надзорной инстанции [8. С. 167]. Иными словами, по его мнению, проверять уголовное дело в полном объеме суд кассационной инстанции должен лишь в интересах законности, а по общему правилу он должен быть ограничен пределами доводов кассационной жалобы. Но что такое «интересы законности», при каких условиях и каким образом суд должен устанавливать их и что служит основанием для их установления, автор не поясняет.

Таким образом, предлагаемые варианты ограничения ревизионного начала не могут быть признаны вполне обоснованными, поскольку в них не содержится никакого объективного критерия, который действительно может ограничить ревизионную активность суда. Более того, как представляется, ограничение ревизионной активности суда началом жалобы не может не сказаться и на соотношении публичных и частных начал в институте кассационного обжалования. В связи с тем, что начало публичности является определяющим в отечественном уголовном процессе, как представляется, нельзя ограничивать возможность устранения судом кассационной инстанции судебных ошибок, на которые не указали кассаторы в своих кассационных жалобах.

Таким образом, в современном отечественном уголовном процессе ревизионное начало должно быть присуще проверочной деятельности судов кассационной инстанции. Что же касается закрепления требо-

ваний к форме жалобы, то, как представляется, их необходимо оставить в уголовно-процессуальном законе.

Связано это, прежде всего, с тем, что в настоящее время суды кассационной инстанции не столь широко используют свои ревизионные полномочия. В частности, в 35 кассационных производствах из изученных 77 (45,5%) по обжалованию приговоров судов первой или апелляционной инстанции в Томском областном суде за 2013–2015 гг. кассационные основания устанавливались за пределами доводов кассационных жалоб. В Новосибирском областном суде кассационные основания были выявлены за пределами доводов кассационных жалоб в 26 кассационных производствах из изученных 120 за 2013–2015 гг., что составляет 21,7%.

Кроме того, анализ кассационной практики указанных судов показал, что они выявляют в ревизионном порядке обычно лишь те нарушения закона, для установления которых не требуется проверка обоснованности приговора. Вместе с тем не было выявлено ни одного случая, когда бы суд кассационной инстанции установил в ревизионном порядке нарушения обоснованности приговора и сделал бы вывод о допущенном существенном нарушении уголовно-процессуального закона. Подобные судебные ошибки устанавливались только потому, что на них было указано в кассационных жалобах. Следовательно, если кассатор считает, что суд первой инстанции нарушил требования обоснованности приговора, повлекшие неправильное применение уголовного или уголовно-процессуального закона, то ему следует указать на это в своей кассационной жалобе.

Исходя из этого, необходимо признать, что требования указывать в кассационных жалобах нарушения закона, факты их подтверждающие и просьбу кассатора о принятии того или иного судебного решения способствуют выявлению судебных ошибок в кассационном производстве. Вместе с тем является недопустимым в случае отсутствия таких указаний возвращать кассационную жалобу без рассмотрения, поскольку суд кассационной инстанции уполномочен на проверку материалов уголовного дела в полном объеме. Следовательно, необходимо нормативно закрепить невозможность возвращения кассационной жалобы в случае несоблюдения требований к ее содержанию, указанных в п.п. 5 и 6 ч. 1 ст. 401.4 УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивасенко К.В. Ревизионное начало при пересмотре судебных решений по новому уголовно-процессуальному законодательству // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы междунар. науч.-практ. интернет-конф., Иркутск, 16–30 апреля 2012 г. / редкол.: А.А. Протасевич и др. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. С. 65–71.
2. Барышев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М. : ЛексЭст, 2001. 240 с.
3. Шинелева Т. Ревизионный порядок: за и против // Законность. 2003. № 5. С. 6–8.
4. Божьев В. Пределы прав суда кассационной инстанции // Законность. 2003. № 11. С. 2–4.
5. Рукавишникова А.А. Действие ревизионного начала при обнаружении ошибки в приговоре при апелляционном и кассационном пересмотрах в соответствии с ФЗ от 29 декабря 2010 г. // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Томск, 2013. Ч. 59. С. 189–196.
6. Идрисов О.Р. Полномочия кассационной инстанции по выявлению и устранению судебных ошибок в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012.
7. Дикарев И.С. Апология ревизии в уголовном процессе // Российская юстиция. 2012. № 11. С. 34–37.
8. Потапов В.Д. Ревизионное начало деятельности суда и пределы проверки в (обновленном) апелляционном, кассационном и надзорном порядке // Общество и право. 2013. № 1 (43). С. 165–168.

LIMITS OF REVIEW OF CRIMINAL CASE MATERIALS BY THE COURT OF THE CASSATION INSTANCE

Mikhail E. Nekhoroshikh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: mihaneh_92@mail.ru

Keywords: check of sentences that have entered into legal force, cassation proceedings, revision, cassation appeal principle.

DOI: 10.17223/9785946216678/25

This paper aims to study the limits of the review of criminal case materials by the courts of the cassation instance in the Russian criminal procedure. Traditionally, the limits of the review of the criminal case materials by the courts of cassation are determined through two opposite principles: cassation appeal (the limits are restricted to the grounds for the cancellation of the verdict and the requirements specified in the cassation appeal) and revision (the court of cassation checks the materials of the criminal case in full without regard to the content of the cassation appeal). Analysis of the current criminal procedure legislation showed that both of these principles are envisaged in it.

The study of literature devoted to the limits of the review of the materials of the criminal case by the court of cassation demonstrated that all the existing positions can be divided into two groups: 1) positive assessment of the effect of revision in cassation

proceedings; 2) suggestions to limit it. However, the proposed variants of the limitation of the revision principle cannot be recognised as fully justified, since they do not contain any objective criterion that can really limit the revision activity of the court. From these provisions, it is concluded that in the modern Russian criminal procedure, the revision principle should be inherent in the check activities of the courts of cassation.

The study of the cassation practice of the Novosibirsk and Tomsk regional courts showed that at present the courts of the cassation instance do not use their revision powers so broadly. In particular, in 35 cassation proceedings from the examined 77 (45.5%) on appeals against the sentences of the courts of the first or appeal instance in the Tomsk Regional Court for 2013–2015, cassation grounds were set outside the arguments of cassation appeals. In the Novosibirsk Regional Court, cassation grounds were discovered outside the arguments of the cassation appeal in 26 cassation proceedings from the 120 examined for 2013–2015 (which is 21.7%). In addition, the revision procedure only identifies violations of the law that require no check of the validity of the sentence to establish them. Such judicial errors were found only because they were indicated in cassation appeals.

Proceeding from this, it is necessary to recognise that the requirements to indicate violations of the law, facts supporting them in cassation appeals and the request of the cassation officer about the adoption of a judicial decision contribute to the identification of judicial errors in cassation proceedings. At the same time, it is inadmissible, in the absence of such indications, to return the cassation appeal without consideration, since the court of the cassation instance is authorised to examine the materials of the criminal case in full.

REFERENCES

1. Ivashenko, K.V. (2012) [Revision when reviewing judgments on new criminal procedural legislation]. *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Criminal procedural and criminalistic readings]. Proc. of the International Conference. Irkutsk. April 16-30, 2012. Irkutsk. pp. 65–71. (In Russian).
2. Baryshev, Ya.I. (2001) *Osnovaniya ugovnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossiyskomu ugovnomu sudoproizvodstvu* [Grounds for criminal proceedings with application to the Russian criminal justice system]. Moscow: LeksEst.
3. Shineleva, T. (2003) Revizionnyy poryadok: za i protiv [Revision order: for and against]. *Zakonnost'*. 5. pp. 6–8.
4. Bozhev, V. (2003) Predely prav suda kassatsionnoy instantsii [Limits of the rights of the cassation court]. *Zakonnost'*. 11. pp. 2–4.
5. Rukavishnikova, A.A. (2013) Deystvie revizionnogo nachala pri obnaruzhenii oshibki v prigovore pri apellyatsionnom i kassatsionnom peresmotrakh v sootvetstvi s FZ ot 29 dekabrya 2010 g. [The effect of the revision when an error was found in the verdict during appellate and cassation revisions in accordance with the Federal Law of December 29, 2010]. In: Zhuravlev, M.M., Barnashov, A.M. & Kuznetsov, S.S. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 189–196.

6. Idrisov, O.R. (2012) *Polnomochiya kassatsionnoy instantsii po vyyavleniyu i us-traneniyu sudebnykh oshibok v ugovnom protsesse Rossii* [Powers of the cassation instance for the identification and elimination of judicial errors in the Russian criminal process]. Law Cand. Diss. Tomsk.
7. Dikarev, I.S. (2012) Apology of the revisions in the criminal process. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 11. pp. 34–37. (In Russian).
8. Potapov, V.D. (2013) Revizionnoe nachalo deyatelnosti suda i predely proverki v (obnovlennom) apellyatsionnom, kassatsionnom i nadzornom poryadke [The revision commencement of the court and the scope of revision in the (updated) appellate, cassation and supervisory procedure]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 1(43). pp. 165–168.

DOI: 10.17223/9785946216678/26

В.В. Николук

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ*

Прослеживаются причины и история формирования теории особых производств в уголовном процессе, показываются нормативные модели регулирования особых порядков уголовно-процессуальной деятельности. Автор исходит из того, что процессуальная форма вторична, производна по отношению к предмету уголовно-процессуальной деятельности, ее целям и поэтому не является основным и самостоятельным критерием деления судопроизводства на общие и особые виды. Только совокупность критериев, в числе которых определяющее значение принадлежит особенно-

* Формирование научных взглядов на проблему особых производств в уголовном процессе происходило независимо и одновременно с аналогичными теоретическими разработками профессора Ю.К. Якимовича. Безусловно, это случайное совпадение. Однако, как можно предположить, необходимость и своевременность проведения научных исследований в этой части были детерминированы объективным ходом начавшегося на рубеже 70–80-х годов прошлого века в юридической печати обсуждения процессуального феномена «особые производства» и соответствующими изменениями уголовно-процессуального законодательства. Признавая существенный вклад профессора Ю.К. Якимовича в развитие отечественной теории уголовно-процессуальных производств, автор подготовил настоящую статью в знак доброй памяти и уважения к Юрию Константиновичу как ученому-процессуалисту и оригинальной, интересной личности.

стям материально-правового предмета судопроизводства и его целям, позволит обнаружить качественное своеобразие того или иного порядка уголовно-процессуальной деятельности и рассматривать его как особое производство.

Ключевые слова: уголовный процесс, особое производство, предмет, задачи, процессуальная форма, теория, дифференциация.

Доктрина «особых производств» в отечественном уголовном процессе формируется «буквально на наших глазах» в течение нескольких последних десятилетий в связи с ведущимися исследованиями проблем дифференциации уголовного судопроизводства [1. С. 33–37; 7. С. 28–30; 20. С. 8–48; 25. С. 4–6; 28. С. 11–26; 38; 39. С. 71–74]. Анализ предмета уголовного процесса приводит к выводу об отсутствии его универсальности.

Уголовный процесс воспринимается уже не только как система стадий, этапов досудебного и судебного производства по уголовному делу, но и как комплекс конкретных уголовно-процессуальных производств (основное, дополнительные и особые производства).

С учетом направленности конкретных видов уголовно-процессуальной деятельности, которым присущи свои специфические задачи и предмет, отдельные специалисты не беспочвенно рассматривают структуру действующего российского уголовного судопроизводства как совокупность трех (уголовно-процессуальная деятельность по принятию, проверке и разрешению сообщений о преступлении, когда уголовного дела еще нет; собственно производство по уголовному делу (от возбуждения уголовного дела, его предварительного расследования до возобновления по вновь открывшимся обстоятельствам); стадия исполнения приговора) [8. С. 13] или четырех (предварительное, окончательное, проверочное и исполнительное) [23. С. 16] производств.

Вряд ли подвергается сомнению и тот факт, что соответствующие научные разработки во многом повлияли на выделение в уголовно-процессуальном законодательстве целого ряда альтернативных, дополнительных процедур в сравнении с обычным порядком досудебного и судебного производства по уголовному делу. Подобные законодательные нововведения вполне естественно дали толчок новому витку исследований проблем дифференциации уголовного судопроизводства [2, 9, 15, 13, 21, 24, 26, 29].

Также очевидно, что научные исследования категории «особые производства» применительно к российскому уголовному процессу в настоящее время простимулированы самим законодателем, последовательно продолжающим расширять рамки особых порядков уголовного судопроизводства. В этой части УПК РФ (далее – УПК) принципиально отличается от своего предшественника – УПК РСФСР. В системе уголовного судопроизводства на законодательном уровне под влиянием определенных факторов (материальные и организационные соображения; целесообразность быстроты и простоты судопроизводства по делам о преступлениях небольшой тяжести; необходимость создания дополнительных гарантий для обеспечения прав и законных интересов отдельных участников уголовного процесса) предусмотрены дифференцированные, различные процедуры досудебного и судебного производства по уголовным делам. Своеобразие процессуальных форм выражается в их упрощении либо усложнении.

В итоге только применительно к производству по уголовным делам о преступлениях закон предусматривает восемь своеобразных процессуальных механизмов, посвящая им в УПК самостоятельные рубрики (главы, разделы, части). В их названиях фигурируют выражения «особенности производства», «особый порядок уголовного судопроизводства», что уже само по себе обуславливает необходимость объяснения использования законодателем данных терминов: имеются ли к этому соответствующие объективные предпосылки либо мы имеем дело с изысками законодательной техники. В теоретическом аспекте непреложно одно: *дифференциация как способ организации отечественного уголовного судопроизводства обусловила расширение предмета уголовно-процессуальной науки за счет включения в него феномена «особые производства».*

Интересно отметить, что из пятнадцати УПК союзных республик лишь в УПК Узбекской ССР один из разделов именовался «Особые производства», куда были включены производство о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 28) и производство по уголовным делам, возбуждаемым по жалобе потерпевшего (гл. 29).

Понятие «особое производство» использует законодатель применительно к гражданскому судопроизводству (раздел 11 ГПК РСФСР и подраздел 4 ГПК РФ). К особым производствам отнесено 11 категорий дел, для которых характерно, что в их основе нет гражданских правовых отношений, они являются неискowymi.

С учетом особенностей процессуальной формы (когда она выступает в данном случае в качестве основного формального критерия классификации уголовно-процессуальных производств), распространенной законом на соответствующие категории уголовных дел и в отношении конкретных лиц, в уголовно-процессуальной теории как в период действия УПК РСФСР 1960 г., так и в условиях процессуальной среды, определяемой УПК РФ, уголовное судопроизводство подразделяется на общие и особые виды производств. В группу особых уголовно-процессуальных производств различными исследователями включаются: производство по делам несовершеннолетних; производство о применении принудительных мер медицинского характера; производство по делам частного обвинения; особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением; особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; производство по уголовным делам, подсудным мировому судье; производство в отношении отдельных категорий лиц [3. С. 14; 9. С. 13–17; 11. С. 115; 22. С. 91; 30. С. 8]; производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей [5. С. 39].

Поскольку, как уже отмечалось, предмет уголовного судопроизводства не универсален, характеризуется многокомпонентностью, разнородностью, для его установления (доказывания) объективно необходимы соответствующие адекватные процедуры. С их помощью решаются различные задачи, в том числе не связанные с задачами, вытекающими из факта возбуждения уголовного дела и осуществления уголовного преследования. Специфика материально-правового предмета, задач и, как следствие, процессуальной формы отдельных производств выводит их за контуры уголовного дела. С указанных позиций (самостоятельные предмет и задачи, уникальность процессуальной формы) уголовно-процессуальная деятельность о применении принудительных мер медицинского характера и производство по вопросам, связанным с исполнением приговора, резонно трактуются рядом ученых-процессуалистов как особые или дополнительные уголовно-процессуальные производства [10. С. 11–18; 16. С. 19–20; 17. С. 9; 18. С. 5–6; 28. С. 8; 27. С. 96–97; 29. С. 8, 13; 6].

Формирование доктрины особых уголовно-процессуальных производств по праву связано с серией научных трудов профессора

Ю.К. Якимовича, посвященных проблемам дифференциации уголовного процесса, его структуре. Если внимательно проследить динамику его научных взглядов в части структурирования им уголовного процесса, которые отражали содержание уголовно-процессуального законодательства в конкретный исторический временной период, то можно констатировать следующее.

По мнению Ю.К. Якимовича, наряду с основным производством (по уголовному делу) закон предусмотрел дополнительные (разрешение вопросов исполнения приговора) и особые производства (о применении принудительных мер медицинского характера; по рассмотрению в суде жалобы на арест; по направлению в специальное воспитательное учреждение лиц, совершивших общественно опасные деяния до достижения ими возраста привлечения к уголовной ответственности). В зависимости от направленности производства, выраженной в его предмете и задачах, уголовно-процессуальные производства делятся: на основные – направленные на решение вопроса о наличии или отсутствии уголовно-правового отношения и его содержании; дополнительные – направленные на изменение или досрочное прекращение установленного и закрепленного приговором суда уголовно-правового отношения, и особые – в основе которых лежат отношения, не имеющие уголовно-правового характера, но которые, тем не менее, в силу особых причин урегулированы нормами уголовно-процессуального права и осуществляются в уголовно-процессуальной форме. К числу особых производств Ю.К. Якимович первоначально относил только производство по применению принудительных мер медицинского характера, специально оговаривая, что в уголовном процессе объективно не исключено появление новых, иных особых производств [17. С. 27; 33; 34. С. 109; 35. С. 194–195; 37].

Дополнительные производства, в понимании Ю.К. Якимовича, в настоящее время регламентируются гл. 47 УПК РФ и объединяют самостоятельные виды уголовно-процессуальной деятельности по вопросам, указанным в ст.ст. 397–398, 400 УПК РФ. Они носят автономный характер, не являются продолжением уголовного дела, представляют иную деятельность по другим делам [32. С. 72]. Дополнительные производства, так же как и основное производство по уголовному делу, обеспечивают применение уголовного закона в части замены наказания либо досрочного прекращения его исполнения.

Называются дополнительными потому, что только дополняют уголовный процесс и лишь в незначительной степени характеризуют его сущность. Кроме того, как замечает Ю.К. Якимович, «сегодня они есть, а завтра может их не быть, если вопросы, указанные в ст. 397 УПК РФ, будут разрешать не суды, а тюремная администрация или иные административные органы» [31. С. 131; 36. С. 64].

Что касается выделения в структуре уголовного процесса особых производств, то в соответствии с представлениями Ю.К. Якимовича таковыми считаются виды уголовно-процессуальной деятельности, материально-правовой базой которых служат нормы не уголовного, а административного, конституционного, гражданского права. Первоначально ограничиваясь в своей классификации видов уголовно-процессуальных производств только одним особым производством, не связанным с установлением или изменением уголовно-правового отношения (о применении принудительных мер медицинского характера), позднее Ю.К. Якимович отнес к таковым порядок разрешения в суде жалоб на применение в качестве меры пресечения заключения под стражу [4. С. 114], производство по судебному контролю (ст.ст. 29 и 125 УПК РФ), возмещению вреда и восстановлению в правах в порядке реабилитации [36. С. 68].

Небезынтересно также заметить, что применительно к судебной деятельности, связанной с исполнением приговора, Ю.К. Якимович использует термины «особые» и «дополнительные» производства, что подчеркивает определенную их условность [35. С. 194–195].

В целом обоснованная Ю.К. Якимовичем классификация уголовно-процессуальных производств выглядит конструктивной. Однако нельзя не обратить внимание на то, что закрепленная в ст. 399 УПК процедура используется и для разрешения чисто технических вопросов, когда даже не подразумевается «посягательство» на установленное в ходе основного производства уголовно-правовое отношение. Например, предусмотренные п. 15 ст. 397 УПК полномочия суда по разрешению сомнений и неясностей никак не касаются результатов уголовного дела. Как не связанные с уголовно-правовыми отношениями, подобные производства вряд ли можно считать дополнительными по отношению к основному производству.

Как видно из изложенного, обозначенный на страницах юридической печати в середине 80-х гг. прошлого столетия спорный вопрос

об особых производствах в отечественном уголовном процессе не был разрешен в законодательстве и, надо признать, не получил детальной проработки в уголовно-процессуальной теории. Следует ожидать дальнейшего его развития в обозначенной части. И вот почему.

Закрепленное в п. 55 ст. 5 УПК понятие уголовного судопроизводства как досудебного и судебного производства **по уголовному делу** (выделено мной. – *В.Н.*) отражает важную часть уголовного процесса, однако «выводит в тень» регулируемую УПК деятельность вне уголовного дела (проверка сообщения о преступлении, производство по вопросам исполнения приговора, возмещению вреда реабилитированному, о выдаче лица для исполнения приговора, о передаче осужденного для отбывания наказания, судебная проверка жалоб по правилам ст. 125 УПК). Фактический объем этой части уголовного процесса сравним с уголовно-процессуальной деятельностью по уголовным делам и уже поэтому приведенный пункт одной из самых популярных статей УПК, выполняющей роль своеобразного процессуального «сайта», не выдерживает критики в силу своей существенной неточности.

Надлежит признать, что в уголовно-процессуальном праве «прописаны» процедуры, именуемые особыми, поскольку они не укладываются в алгоритм стандартного движения уголовного дела по стадиям, а предназначены для автономного рассмотрения специальных вопросов и решения специальных задач, не касающихся проблемы совершения преступления и назначения за него наказания [14. С. 62]. Имеются в виду процедуры, применяемые: а) в связи с совершением лицом запрещенного уголовным законом деяния в состоянии невменяемости или наступлением у лица после совершения преступления психического расстройства, исключающего назначение наказания (его исполнение); б) при исполнении приговора; в) при обжаловании в суд действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Объединяет указанные процедуры следующее: они прямо не связаны с предметом производства по уголовному делу, соответственно, процессуальный порядок их рассмотрения не имеет ничего общего с процедурой доказывания, регламентированной гл. 11 УПК [12. С. 102].

Авторская позиция по обозначенному в настоящей статье вопросу сводится к следующему: процессуальная форма вторична, производна по отношению к предмету уголовно-процессуальной деятельности, ее

целям и поэтому не является основным и самостоятельным критерием деления судопроизводства на общие и особые виды. Только совокупность критериев, в числе которых определяющее значение принадлежит особенностям материально-правового предмета судопроизводства и его целям, позволит обнаружить качественное своеобразие того или иного порядка уголовно-процессуальной деятельности и рассматривать его как особое производство.

Теория особых уголовно-процессуальных производств представляет несомненный интерес и имеет прикладное значение, особенно в рамках исследования системно-структурных элементов отечественного уголовного процесса, который динамичен и серьезным образом преобразован в условиях действия УПК. С позиций теории особых производств появляется возможность реально оценить сбалансированность уголовно-процессуального законодательства в регламентации конкретных групп процессуальных отношений, связанных с установлением обстоятельств совершения уголовно наказуемого деяния (основное производство) либо возникающих с иными предусмотренными законом юридическими фактами, установление которых происходит по особым правилам (особые производства). Именно доктрина особых уголовно-процессуальных производств несет достаточный потенциал для выработки предложений по совершенствованию УПК в части восполнения имеющихся в нем пробелов в регулировании особых видов уголовно-процессуальной деятельности.

Следует отметить, что многие представители уголовно-процессуальной теории, в какой-то степени и законодатель, никак не могут освободиться от стереотипа об ординарности уголовно-процессуальной деятельности, связанной с исполнением приговора, рассматривая ее как один из этапов (стадию) производства по уголовному делу или, в лучшем случае, как стадию особого рода. При таком подходе специфика и самобытность указанного судебного производства, которые ярко проявились по мере развития уголовно-процессуального законодательства, аккумулированного в УПК в гл. 47, нивелируются, что создает вредную иллюзию о действии при исполнении приговора нормативного массива, ориентированного в УПК на расследование и судебное разбирательство уголовного дела, достаточности его для нормального функционирования правосудия посредством разрешения судом вопросов исполнения приговора. Более

продуктивным, с точки зрения создания надлежащих условий для эффективного правоприменения, представляется подход, в рамках которого подчеркивается нестандартность судебного производства, осуществляемого в порядке гл. 47 УПК.

В заключение полагаю уместным обратить внимание и на следующий важный момент, который присутствует в доктрине особых уголовно-процессуальных производств. Его можно обозначить следующим образом: насколько объективно оправданным и целесообразным является регулирование УПК особых видов правоприменительной деятельности? Это самостоятельный вопрос в рамках данной доктрины, он напрямую касается проблем соотношения уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства. Безусловно, главный фактор, объясняющий включение соответствующего блока нормативных предписаний в УПК, – это наличие объективных опосредованных связей с основным производством.

Нельзя не считаться и с тем, что общие положения уголовного процесса, ориентированные на производство по уголовному делу (институты отводов, ходатайств, порядок деятельности в вышестоящих судах) находят полное либо частичное применение и в особых производствах. Они хорошо отработаны, органически вписаны в окружающую их уголовно-процессуальную материю. Их копирование в других законодательных актах привело бы к неоправданному дублированию на межотраслевом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
2. Булатов Б.Б., Николук В.В., Шаламов В.Г. Как исполнить постановление суда о применении судебного штрафа // Уголовный процесс. 2017. № 3.
3. Гладышева О.В., Семенов В.А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство : курс лекций. Краснодар, 2011.
4. Глыбина А.Н., Якимович Ю.К. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе России. Томск, 2006.
5. Головки Л.В. «Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия» // Уголовный процесс. 2017. № 1.
6. Грицай О.В. Исполнение приговоров в части имущественных взысканий : процессуальная сущность, основания и порядок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007.
7. Гуляев А.П. Единый порядок предполагает дифференциацию // Социалистическая законность. 1975. № 3.

8. Деришев Ю.В. Проблемы организации досудебного производства по УПК РФ. Омск, 2003.
9. Деришев Ю.В., Мурашкин И.Ю. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. М., 2016.
10. Добровольская Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. М., 1979.
11. Ермилов В.Я., Мотовиловер Я.О. О гарантиях прав обвиняемого и правосудия в особых производствах : (в связи с работой А. Габерле «Ускоренное производство в польском уголовном процессе») // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе. Ярославль, 1979. Вып. 4.
12. Зажицкий В.И. Доказывание и доказательства по УПК РФ : теоретико-правовой анализ. СПб., 2015.
13. Качалова О.В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе. М., 2016.
14. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2016.
15. Манова Н.С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциация их форм : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
16. Николук В.В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. Иркутск, 1989.
17. Николук В.В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.
18. Николук В.В., Кальницкий В.В. Особые производства в советском уголовном процессе // Совершенствование правовых основ уголовного судопроизводства // Вопросы охраны прав граждан в сфере борьбы с преступностью : сб. науч. трудов. Ярославль, 1988.
19. Николук В.В., Кальницкий В.В. Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. Омск, 1990.
20. Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984.
21. Пинок А.В. Типология современного уголовного процесса и проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации. М., 2013.
22. Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права. М., 1983.
23. Романов С.В. Понятие, система и взаимодействие процессуальных функций в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
24. Сердюков С.В. Ускоренное судебное разбирательство: необходимость, реальность, перспектива (вопросы теории и практики). М., 2006.
25. Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. 1974. № 9.
26. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12 (61).

27. Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск, 1999.
28. Трубникова Т.В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1997.
29. Цыганенко С.С. Общий и дифференцированный порядки уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
30. Швецов В.И. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М., 1982.
31. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. СПб., 2015.
32. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск, 2015.
33. Якимович Ю.К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994.
34. Якимович Ю.К. Еще раз о структуре уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2000.
35. Якимович Ю.К. Особые производства в советском уголовном процессе // Актуальные вопросы правопедения в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1988.
36. Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015.
37. Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991.
38. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М.К. Свиридова. Томск, 2001.
39. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981.

ON SPECIAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Vyacheslav V. Nikolyyuk, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: nvv56@mail.ru

Keywords: criminal procedure, special proceeding, subject, tasks, procedural forms, theory, differentiation.

DOI: 10.17223/9785946216678/26

Analysis of the subject of the criminal procedure leads to a conclusion that it is not universal. Since the subject of criminal proceedings is not universal, it is characterised by a multicomponent, heterogeneous nature, adequate procedures are required for its establishment (proof). As a consequence, the procedural form is secondary, derivative with respect to the subject of criminal procedure activity and its purposes; therefore, it is not the main and independent criterion for dividing proceedings into general and special types. Only a set of criteria, among which the determining value belongs to the features of the material and legal subject of proceedings and its purposes, will allow to detect the qualitative uniqueness of orders of criminal procedure activities and view them as special proceedings.

It is necessary to recognise that the criminal procedure law describes procedures that are called special since they do not fit into the standard procedure of the criminal case stages, but are intended for autonomous examination of special issues and solving special problems that do not concern the problem of committing a crime and imposing punishment for it. These are the procedures used a) when a person committed an act prohibited by criminal law in the state of insanity, or when a person committed a crime and had a mental disorder after it, which excludes the imposition of punishment (its execution); b) when executing the sentence; c) when appealing to the court on actions (inaction) and decisions of officials conducting criminal prosecution. The following procedures are united by the following: they are not directly related to the subject matter of the criminal case proceedings, accordingly the procedural order of their consideration has nothing to do with proving regulated by Chapter 11 of the RF Code of Criminal Procedure.

The theory of special criminal procedure proceedings is of undoubted interest and has an applied value, especially in the framework of the study of the system-structural elements of the Russian criminal procedure, which is dynamic and substantially transformed under the conditions of the RF Code of Criminal Procedure operation. From the standpoint of the theory of special proceedings, it is possible to actually assess the balance of the criminal procedure legislation in the regulation of specific groups of procedural relations connected with the establishment of the circumstances of committing a crime (main proceedings) or arising from other legal facts provided for by law, the establishment of which takes place according to special rules (special proceedings). It is the doctrine of special criminal procedure proceedings that has sufficient potential for elaborating proposals for improving the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to cover the gaps in the regulation of special types of criminal procedure activities.

REFERENCES

1. Alekseev, N.S., Daev, V.G. & Kokorev, L.D. (1980) *Ocherk razvitiya nauki soetskogo ugovnogo protsessa* [Essay on the development of science of the Soviet criminal process]. Voronezh: Voronezh State University.
2. Bulatov, B.B., Nikol'yuk, V.V. & Shalamov, V.G. (2017) Kak ispolnit' postanovlenie suda o primeneniі sudebnogo shtrafa [How to execute a court decision on the application of a judicial fine]. *Ugovnyy protsess*. 3.
3. Gladysheva, O.V. & Sementsov V.A. (2011) *Ugovno-protsessual'noe pravo. Obshchaya chast' i dosudebnoe proizvodstvo* [Criminal Procedure Law. General part and pre-trial proceedings]. Krasnodar: Kuban State University.
4. Glybina, A.N. & Yakimovich, Yu.K. (2006) *Reabilitatsiya i vozmeshchenie vreda v poryadke reabilitatsii v ugovnom protsesse Rossii* [Rehabilitation and compensation for harm in the procedure of rehabilitation in the Russian criminal process]. Law Cand. Diss. Tomsk.
5. Golovko, L.V. (2017) "Mozhno privetstvovat' nashikh sudey, kotorye ne khotyat uproshcheniya pravosudiya" ["We can support our judges who do not want simplification of justice"]. *Ugovnyy protsess*. 1.

6. Gritsay, O.V. (2007) *Ispolnenie prigovorov v chasti imushchestvennykh vzyskaniy: protsessual'naya sushchnost', osnovaniya i poryadok* [Execution of sentences in terms of property penalties: Procedural essence, grounds and procedure]. Law Cand. Diss. Samara.
7. Gulyaev, A.P. (1975) Edinyy poryadok predpolagaet differentsiatsiyu [A single order presupposes differentiation]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 3.
8. Derishev, Yu.V. (2003) *Problemy organizatsii dosudebnogo proizvodstva po UPK RF* [Problems of the organisation of pre-trial proceedings under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Omsk: Omsk Law Institute.
9. Derishev, Yu.V. & Murashkin, I.Yu. (2016) *Osoby poryadok sudebnogo razbitel'stva pri soglasii obvinyaemogo s pred"yavlenym obvineniem* [A special order of the trial in case of plea agreement]. Moscow: Urlitinform.
10. Dobrovolskaya, T.N. (1979) *Deyatel'nost' suda, svyazannaya s ispolneniem prigovorov* [Court activities related to the execution of sentences]. Moscow: [s.n.].
11. Ermilov, V.Ya. & Motovilovker, Ya.O. (1979) O garantiyakh prav obvinyaemogo i pravosudiya v osobykh proizvodstvakh [On guaranteed rights of the accused and justice in special proceedings]. In: Motovilovker, Ya.O. (ed.) *Garantii prav lichnosti v sotsialisticheskoy ugolovnoy pravoy protsesse* [Guarantees of individual rights in socialist criminal law and process]. Issue 4. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
12. Zazhitskiy, V.I. (2015) *Dokazyvanie i dokazatel'stva po UPK RF: teoretiko-pravovoy analiz* [Proving and proof by the Code of Criminal Procedure: Theoretical and legal analysis]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
13. Kachalova, O.V. (2016) *Vidy uskorennykh proizvodstv v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Types of accelerated procedures in the Russian criminal process]. Moscow: Yurlitinform.
14. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugolovnoy protsessy* [The Criminal Process]. Moscow: Statut.
15. Manova, N.S. (2005) *Teoreticheskie problemy ugolovno-protsessual'nykh proizvodstv i differentsiatsiya ikh form* [Theoretical problems of criminal procedures and differentiation of their forms]. Law Cand. Diss. Moscow.
16. Nikolyuk, V.V. (1989) *Ugolovno-ispolnitel'noye sudoproizvodstvo v SSSR* [Criminal-executive judicial proceedings in the USSR]. Irkutsk.
17. Nikolyuk, V.V. (1990) *Ugolovno-ispolnitel'noye sudoproizvodstvo v SSSR* [Penal proceedings in the USSR]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
18. Nikolyuk, V.V. & Kalnitskiy, V.V. (1988) *Osobyie proizvodstva v sovetskom ugolovnom protsesse* [Special proceedings in the Soviet criminal trial]. In: *Sovershenstvovanie pravovykh osnov ugolovnoy sudoproizvodstva. Voprosy okhrany prav grazhdan v sfere bor'by s prestupnost'yu* [Improvement of the legal basis for criminal proceedings. Problems of protection of citizens' rights in the sphere of combating crime]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
19. Nikolyuk, V.V. & Kalnitskiy, V.V. (1990) *Ugolovno-protsessual'naya deyatel'nost' po primeneniyu prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera* [Criminal procedure activity concerning compulsory medical measures]. Omsk: Omsk Higher School of MIA of the USSR.

20. Pashkevich, P.F. (1984) *Protsessual'nyi zakon i effektivnost' ugovnogo sudoproizvodstva* [Procedural law and the effectiveness of criminal proceedings]. Moscow: Yuridicheskaya Literatura.
21. Piyuk, A.V. (2013) *Tipologiya sovremennogo ugovnogo protsessa i problemy primeneniya uproshchennykh form razresheniya ugovnogo dela v sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Typology of modern criminal procedure and problems of the application of simplified forms of criminal case resolution in the courts of the Russian Federation]. Moscow: Yurlitinform.
22. Polyanskiy, N.N., Strogovich, M.S., Savitskiy, V.M. & Melnikov A.A. (1983) *Problemy sudebnogo prava* [Problems of Judicial Law]. Moscow: Nauka.
23. Romanov, S.V. (2007) *Ponyatie, sistema i vzaimodeystvie protsessual'nykh funktsiy v rossiyskom ugovnom sudoproizvodstve* [Concept, system and interaction of procedural functions in the Russian criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
24. Serdyukov, S.V. (2006) *Uskorennoe sudebnoe razbiratel'stvo: neobkhodimost', realnost', perspektiva (voprosy teorii i praktiki)* [Accelerated litigation: The need, reality, perspective (theory and practice issues)]. Moscow: Yurkniga.
25. Strogovich, M.S. (1974) *O edinoy forme ugovnogo sudoproizvodstva i predelakh ee differentsiatsii* [On a single form of criminal proceedings and the limits of its differentiation]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 9.
26. Trubnikova, T.V. (2016) *Predely uproshcheniya ugovnogo protsessa* [Limits of simplification of the criminal process]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 12(61).
27. Trubnikova, T.V. (1999) *Teoreticheskie osnovy uproshchennykh sudebnykh proizvodstv* [Theoretical basis of simplified judicial proceedings]. Tomsk: Tomsk State University.
28. Trubnikova, T.V. (1997) *Uproshchennye sudebnye proizvodstva v ugovnom protsesse Rossii* [Simplified court proceedings in the Russian criminal process of Russia]. Law Cand. Diss. Tomsk.
29. Tsyganenko, S.S. (2004) *Obshchiy i differentsirovannyy poryadki ugovnogo sudoproizvodstva* [General and differentiated orders of criminal proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. St.Petersburg.
30. Shvetsov, V.I. (1982) *Ispolnenie prigovora v sovetskom ugovnom protsesse* [Execution of the sentence in the Soviet criminal process]. Moscow: RIO VUSY.
31. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Uchastniki ugovnogo protsesssa* [Participants in criminal proceedings]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
32. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Dokazatel'stva i dokazyvanie v ugovnom protsesse Rossii* [Evidence and proving in the Russian criminal process]. Tomsk: Tomsk State University.
33. Yakimovich, Yu.K. (1994) *Dopolnitel'nye i osobye proizvodstva v ugovnom protsesse Rossii* [Additional and special procedures in the Russian criminal process]. Tomsk: Tomsk State University.
34. Yakimovich, Yu.K. (2000) *Eshche raz o strukture ugovnogo protsesssa* [Once again on the structure of the criminal process]. In: Utkin, V.A. (ed.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University.

35. Yakimovich, Yu.K. (1988) Osobyе proizvodstva v sovetskom ugovnom protsesse [Special proceedings in the Soviet criminal trial]. In: Volovich, V.F. (ed.) *Aktual'nye voprosy pravovedeniya v period sovershenstvovaniya sotsialisticheskogo obshchestva* [Topical issues of jurisprudence in the period of improving socialist society]. Tomsk: Tomsk State University.
36. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Ponyatie, naznachenie, differentsiatsiya ugovnogo protsessa. Printsipy ugovnogo sudoproizvodstva* [The concept, purpose, differentiation of the criminal process. Principles of criminal justice]. Tomsk: Tomsk State University.
37. Yakimovich, Yu.K. (1991) *Struktura sovetskogo ugovnogo protsessa: sistema stadiy i sistema proizvodstv. Osnovnye i dopolnitel'nye proizvodstva* [The structure of the Soviet criminal process: the system of stages and the system of proceedings. Basic and additional procedures]. Tomsk: Tomsk State University.
38. Yakimovich, Yu.K., Lenskiy, A.V. & Trubnikova, T.V. (2001) *Differentsiatsiya ugovnogo protsessa* [Differentiation of the criminal process]. Tomsk: Tomsk State University.
39. Yakub, M.L. (1981) *Protsessual'naya forma v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve* [The procedural form in the Soviet criminal proceedings]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

DOI: 10.17223/9785946216678/27

И.И. Писаревский

МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена новому институту российского уголовного и уголовно-процессуального права – мере уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Анализируется дореволюционный прообраз данного института, а именно судебный приказ, составлявший альтернативу приговору, а также современный институт особого порядка, предусмотренный главой 40 УПК РФ. В результате делается вывод о смешанной природе судебного штрафа и его существенных недостатках.

Ключевые слова: карательный приказ, судебный приказ, особый порядок, признание вины, сделка с правосудием, приговор.

С июля 2016 г. российский уголовно-процессуальный порядок дополнен новым институтом назначения меры уголовно-правового ха-

рактера в виде судебного штрафа. Согласно ст. 25.1 и гл. 51.1 УПК РФ его сущность заключается в том, что по делам небольшой и средней тяжести уголовное дело может быть прекращено без вынесения приговора, но с обязательным назначением судебного штрафа.

Для действующего УПК РФ это нововведение, несмотря на всю его значимость, полностью укладывается в общую логику стремления упростить уголовный процесс (введение особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, дознания в сокращенной форме). Более того, не является оно революционным и для российского уголовного процесса в целом, так как имеет много общего с карательным (по терминологии дореволюционных ученых) или судебным приказом.

Будучи введенным в 1912 г. и просуществовавшим до окончательного демонтажа Российской Империи, судебный приказ в наиболее общем виде предусматривал возможность мирового судьи по своему усмотрению в случае незначительности дела и если представленные полицией материалы не возбуждают сомнений в доказанности обвинения, не обращать дело к судебному разбирательству, которое по общему правилу должно завершаться вынесением приговора, а назначить обвиняемому наказание судебным приказом (ст. 180.4 Устава уголовного судопроизводства Российской империи [1. Вып. 2. С. 443] (далее – УУС)).

Таким образом, на первый взгляд, современная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и судебный приказ 1912 г. почти идентичны. Однако это только на первый взгляд.

Сущностной особенностью судебного приказа 1912 г. является то, что он выносится мировым судьей в случае простоты и понятности дела, когда вина обвиняемого очевидна и без полноценного судебного разбирательства. Аналогичным образом было построено производство в дежурных камерах народного суда по УПК РСФСР 1923 г. (ст.ст. 361–362) [2. С. 3], что отражало определенную преемственность уголовно-процессуального законодательства, даже несмотря на коренной слом существовавшего ранее политического устройства. При этом такой подход в полной мере соответствовал назначению упрощенных производств, верно выраженному Т.В. Трубниковой в том, что по делам, объективно требующим быстроты осуществления

уголовно-процессуальной деятельности и простоты уголовно-процессуальной формы, нецелесообразно прибегать к обычному порядку [3. С. 75–76]. Однако современный законодатель вновь позабыл свою историю.

При более детальном анализе мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа представляет собой скорее гибрид особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, который является ничем иным как сделкой с правосудием [4. С. 169–173], и отрывочных норм о судебном приказе 1912 г.

Чтобы не быть голословными, рассмотрим более подробно положения гл. 51.1 УПК РФ.

Во-первых, ни в одной из введенных норм не упоминается о простоте дела и бесспорности вины обвиняемого (подозреваемого) в качестве условия для прекращения дела с назначением судебного штрафа. Видимо, законодатель полагает, что все дела небольшой и средней тяжести априори просты, что, на наш взгляд, далеко от истины. В частности, В.В. Дорошков справедливо отмечает, что при упрощении процесса, помимо тяжести преступления учитывается и очевидность совершения преступления [5. С. 12]. Такого же мнения придерживались составители УУС, которые путем указания верхнего предела санкции требовали не только того, чтобы дело было незначительным, но также его простоты и понятности, где одним из проявлений последней являлось признание вины обвиняемым [1. Вып. 2. С. 444]. Об этом же на сегодняшний день продолжает говорить современная уголовно-процессуальная практика Германии – родины судебного приказа (Strafbefehl) [6. С. 166]. При этом важно, что ни дореволюционное законодательство России, ни современное законодательство Германии формально не требуют именно признания вины в качестве условия для перехода к судебному приказу.

Из вышеуказанного следует, что простота дела, необходимая для судебного приказа, может быть либо прямо закреплена в законе, либо косвенно следовать из требования признать вину. Однако в УПК РФ отсутствуют и первое, и второе. Статья 25.1 УПК РФ требует только заглаживания вреда, причиненного преступлением. Не решает проблему и недавно принятое Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 56, в котором говорится, что следователь должен получить со-

гласие на прекращение дела [7. С. 5]. Все это позволяет говорить лишь о квазипризнании вины, которое совершается со стороны обвиняемого (подозреваемого), используя терминологию гражданского права, конклюдентными действиями.

Порочность этой конструкции очевидна. Если в случае с особым порядком судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением законодатель хотя бы пытается создать видимость доказанности вины, требуя ее безоговорочно признать, то ст. 25.1 УПК РФ не требует даже этого. Еще больше усугубляют ситуацию разъяснения ВС РФ, которые разрешают возмещать вред не только обвиняемым (подозреваемым), но и по его просьбе (с его согласия) третьими лицами [7. С. 2]. В связи с этим нельзя согласиться с Н.Н. Апостоловой в том, что новый институт позволит государству реализовывать принцип неотвратимости ответственности за совершенное преступление, а обвиняемому – переосмыслить свой образ жизни и исправиться [8. С. 37]. Напротив, получается, что государству по большому счету не важно, кого подвергнуть репрессии, главное – нивелировать вред, причиненный потерпевшему. Иными словами, из сферы интересов законодателя полностью выпадают все цели уголовного наказания, перечисленные в ст. 43 Уголовного кодекса РФ.

Конечно, попытки исключить возможность наказания невиновных предприняты. Например, согласно п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ, суд при рассмотрении на досудебных стадиях ходатайства о прекращении дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа выносит постановление об отказе в удовлетворении такого ходатайства, если сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайства. Более того, ВС РФ требует, чтобы в постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении дела указывались описание преступного деяния и доказательства, подтверждающие выдвинутое подозрение или предъявленное обвинение [7. С. 5–6], а суд, в свою очередь, обязан при изучении представленных материалов и рассмотрении ходатайства убедиться в том, что выдвинутое в отношении лица

подозрение или предъявленное лицу обвинение обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, и в материалах содержатся достаточные сведения, позволяющие принять итоговое решение о прекращении уголовного дела [7. С. 6].

Однако если при применении института гл. 40 УПК РФ дело прекращалось в суде только после полноценного предварительного расследования, где следователь законодательно обязан обеспечить не только достоверность, допустимость и относимость доказательств, но и их достаточность для вывода о виновности, то ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ позволяет прекратить предварительное расследование не в момент, когда собраны достаточные доказательства, а когда возникли обстоятельства, предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ: наличие подозрения или обвинение лица в преступлении небольшой или средней тяжести; возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом.

Более того, гл. 51.1 УПК РФ с учетом разъяснений ВС РФ, несмотря даже на положения ч. 2 ст. 446.1 УПК РФ, фактически исключает проведение полноценного судебного следствия и непосредственное исследование доказательств судом в судебном разбирательстве с участием сторон. В результате этого мы неминуемо столкнемся с теми же проблемами особого порядка гл. 40 УПК РФ, а именно с тем, что суд, не обладая возможностью осуществлять полноценное доказывание, будет лишь «оформлять» результаты предварительного расследования, которые, ко всему прочему, могут носить здесь усеченный характер.

Все это свидетельствует о том, что новая мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа во многом схожа со сделкой с правосудием, когда обвиняемому (подозреваемому), чья вина еще не доказана, предлагают «отделаться малой кровью» под угрозой того, что в противном случае его вину все же смогут доказать (возможно, даже в большем объеме) и привлекут к ответственности уже по всей строгости закона.

В заключение стоит отметить, что все вышеуказанные выводы являются лишь тем, что лежит на поверхности нового института, который, безусловно, должен подлежать дальнейшему исследованию. Однако уже сейчас понятно, что попытки реформировать российский уголовный процесс без оглядки на его историю маловероятно приведут к положительному результату.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устав уголовного судопроизводства : систематический комментарий / А.Ф. Кони [и др.] ; под общ. ред. М.Н. Гернета. М. : Т-во Типографии А.И. Мамонтова, 1914. Вып. 2. 582 с URL: <http://jurytrial.ru/media/files/library/file599.pdf> (дата обращения: 04.01.2017).
2. Об утверждении уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.): Постановление ВЦИК от 15 фев. 1923 г. // Законы России. URL: http://www.lawrussia.ru/bigtexts/law_3915/page3.htm (дата обращения: 04.01.2017).
3. Трубникова Т.В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1997. С. 75–76.
4. Писаревский И.И. Особый порядок как институт, не имеющий аналогов в истории российского уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 169–173.
5. Дорошков В.В. Формы уголовного судопроизводства у мирового судьи // Мировой судья. 2015. № 10. С. 11–17.
6. Брестер А.А., Быковская А.С. Сравнительно-правовой анализ упрощенного производства в уголовном процессе России и Германии // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 162–171.
7. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 нояб. 2016 г. № 56 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?id=11140 (дата обращения: 04.01.2017).
8. Апостолова Н.Н. Прекращение дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 34–37.

COURT FINE AS A CRIMINAL LAW MEASURE: A COMPARATIVE-HISTORICAL ASPECT

Илья И. Pisarevskiy, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation).
E-mail: iliay@mail.ru

Keywords: punitive order, court order, special order, confession of guilt, plea deal, verdict.

DOI: 10.17223/9785946216678/27

The paper aims to analyse the institution of the termination of the case with the imposition of a criminal law measure in the form of a court fine, which is new for the modern Russian criminal procedure, and the determination of its place in the system of simplified proceedings. To achieve this aim, comparative-historical and comparative legal methods of research, analysis of the current Russian legislation and statements of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are used.

The order of termination of the case with the imposition of a court fine is compared with the court order that existed in the Russian Empire. Despite some similarities of

these institutions, it is noted that, unlike a court order, the new order does not require simplicity and clarity of the case as a necessary condition for its application.

The requirement of simplicity and clarity is also not compensated by the duty of the accused (suspect) to plead guilty, although the Criminal Procedure Charter and the German court practice consider confession as one of the grounds for applying the court order.

In this regard, the inconsistency of the new order is noted: without a directly demand to plead guilty, the accused (suspect) is actually forced to do it indirectly – through the duty to compensate for the damage caused by the crime and pay a court fine.

The current version of the RF Code of Criminal Procedure allows terminating the case with the imposition of a court fine in establishing the circumstances provided for in Article 25.1 of the RF Code of Criminal Procedure rather than based on the results of a full-fledged proving at the stage of preliminary investigation and establishing all the circumstances provided for in Article 73 of the RF Code of Criminal Procedure.

This situation is exacerbated by the fact that when the court considers the issue of termination of the case with the imposition of a court fine, a full-fledged court investigation is not conducted. And although the RF Supreme Court tried to compensate for this shortcoming by the court's requirement to verify the validity of suspicion or accusation, in the absence of a full preliminary investigation and a court investigation, the efficiency of such measures raises serious doubts.

As a result, it is concluded that the most modern institution for terminating the case with the imposition of a criminal law measure in the form of a court fine is similar to the institution of termination of the case with the accused pleading guilty, which in turn is nothing more than a plea deal.

The essence of the deal in this case is that the accused (suspect) in exchange for indirect confession is allowed to terminate the case not by a conviction with a criminal penalty, but by a decision on termination with the imposition of a court fine.

REFERENCES

1. Koni, A.F. et al. (1914) *Ustav ugovornogo sudoproizvodstva: sistematicheskii kommentarii* [The charter of criminal proceedings: a systematic commentary]. Moscow: A.I. Mamontov. [Online] Available from: <http://jurytrial.ru/media/files/library/file599.pdf>. (Accessed: 4th January 2017).
2. Russian Federation. (1923) *On the approval of the RSFSR Criminal Procedure Code (together with the RSFSR Code of Criminal Procedure). Resolution of the All-Russian Central Executive Committee on February 15, 1923.* [Online] Available from: http://www.lawrussia.ru/bigtexts/law_3915/page3.htm. (Accessed: 4th January 2017).
3. Trubnikova, T.V. (1997) *Uproshchennye sudebnye proizvodstva v ugovornom protsesse Rossii* [Simplified court proceedings in Russian criminal process]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk. pp. 75–76.
4. Pisarevskiy, I.I. (2016) Special procedure as an institution with no background in the history of Russian criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 404. pp. 169–173. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/404/27

5. Doroshkov, V.V. (2015) Forms of criminal proceedings in the justice of the peace court. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 10. pp. 11–17. (In Russian).
6. Brester, A.A. & Bykovskaya, A.S. (2015) Comparative legal analysis of simplified procedure in the criminal process in Russia and Germany. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 12. pp. 166 pp.162–171. (In Russian).
7. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *On the introduction of amendments to some resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the improvement of the grounds and procedure for exemption from criminal liability. Resolution No. 56 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Federation from November 29, 2016*. [Online] Available from: http://www.vsr.f.ru/Show_pdf.php?id=11140. (Accessed: 4th January 2017). (In Russian).
8. Apostolova, N.N. (2016) The termination of criminal case or criminal prosecution with the purpose of measures of criminal-legal character in the form of court penalty. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 10. pp. 34–37. (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216678/28

И.П. Попова

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА БЕЗ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

В соответствии с ч. 5 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор может постановляться в трех видах: 1) с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным; 2) с назначением наказания и освобождением от его отбывания; 3) без назначения наказания. Уголовно-процессуальный закон не закрепляет оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания. В этой связи закономерным является вопрос о правовой природе данного вида обвинительного приговора. Методологическим основанием для его выделения являются уголовно-правовые нормы.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, виновность, приговор, наказание, обвинительный приговор без назначения наказания.

Обязательным для наступления уголовной ответственности в результате виновно совершенного общественно опасного деяния, запрещенного Уголовным кодексом РФ под угрозой наказания, т.е. преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), является установление *виновности* ли-

ца в совершении преступления. В зависимости от рассмотрения этого вопроса в определенном уголовно-процессуальным законом порядке на основании норм уголовного права, установленных УК РФ, судом рассматривается вопрос назначения или не назначения наказания.

Анализ содержания вопросов, подлежащих обсуждению судом при постановлении приговора (п.п. 1–4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), свидетельствует, что до решения вопроса, подлежит ли подсудимый наказанию за совершение преступления, суд изначально должен прийти к решению вопроса о его виновности, установив состав преступления, или невиновности – в противном случае. Все эти вопросы имеют уголовно-правовое содержание, а процессуальной формой признания лица виновным в совершении преступления выступает обвинительный приговор; подсудимый после постановления обвинительного приговора становится осужденным (ч. 2 ст. 47 УПК РФ).

Вместе с тем в случае признания лица невиновным в отношении него постановляется оправдательный приговор, которым вопросы назначения наказания либо освобождения от наказания не рассматриваются (ч.ч. 2, 3 ст. 302 УПК РФ). В исследуемом нами виде обвинительного приговора наказание также не назначается. Наказание, соответственно, не является обязательным признаком понятия приговора. Наказание не входит в понятие преступления, является факультативным элементом уголовной ответственности или формой реализации уголовной ответственности [1. С. 42–46].

Ученые, занимающиеся изучением проблем уголовного права, по-разному обозначают возможность наступления уголовной ответственности без назначения наказания. Так, А.И. Рарог рассматривает осуждение без назначения наказания как форму реализации уголовной ответственности, включающую разные элементы. Так, в случае, предусмотренном ст. 80.1. УК РФ, уголовная ответственность реализуется только в двух своих элементах: 1) обязанность отчитаться в содеянном; 2) официальное признание содеянного преступлением и порицание лица, его совершившего. В случаях освобождения несовершеннолетних от наказания (ч. 1 ст. 92 УК РФ) уголовная ответственность проявляется в трех ее элементах: 1) обязанность отчитаться в содеянном, подвергнуться осуждению и принуждению; 2) порицание, осуждение, выраженное в обвинительном приговоре; 3) государственное принуждение в виде принудительных мер воспитатель-

ного воздействия или помещения в закрытое учебно-воспитательное учреждение. Последний элемент уголовной ответственности – судимость – в этом случае отсутствует [2. С. 81].

В обвинительном приговоре вне зависимости от его вида реализуется следующая структура уголовной ответственности: 1) уголовное правонарушение (*преступление*) как юридический факт, выступающий предпосылкой для возникновения уголовной ответственности; 2) *виновность* как процессуальная форма установления состава преступления и основание уголовной ответственности; 3) *осуждение* как процессуальная форма установления виновности лица в совершении преступления и реализация уголовной ответственности.

Изложенное соответствует общему понятию юридической ответственности в праве, где фактическим основанием ответственности служит совершенное правонарушение, юридическим – указанный в законе состав. При этом элементы правонарушения, подпадающие под признаки состава, являются обязательными, а все прочие – факультативными условиями ответственности [3. С. 34–43].

В нашем случае наказание не является обязательным признаком состава преступления в соответствии со ст. 14 УК РФ. Дифференциация уголовной ответственности заложена законодателем в нормах уголовного права, устанавливающих вид и меры уголовной ответственности, а также вид и размер уголовного наказания, соотносится с различными процессуальными формами принятия решения в порядке уголовного судопроизводства.

Алгоритм применения индивидуализации уголовной ответственности, содержащий различный объем уголовно-правового принуждения (освобождение от уголовной ответственности не включает ни осуждения, ни назначения наказания; освобождение от наказания включает осуждение; освобождение от отбывания наказания включает осуждение и назначение наказания), предусмотрен в уголовно-процессуальном законе.

Так, изначально суду при постановлении приговора следует убедиться в отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности и наказания (п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ); установление наличия или отсутствия данных обстоятельств входит в предмет доказывания по каждому уголовному делу. При обсуждении вопросов, подлежащих разрешению при постановлении приговора, только после

обсуждения главного вопроса о виновности подсудимого суд обсуждает, подлежит ли наказанию подсудимый (п. 5 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), какое наказание должно быть назначено подсудимому (п. 7 ч. 1 ст. 299 УПК РФ) и имеются ли основания для постановления приговора без назначения наказания или освобождения от наказания (п. 8 ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

Вместе с тем более логичным представляется эти вопросы разделить и изменить очередность. Первым стоит обсуждать вопрос о наличии оснований для постановления приговора без назначения наказания, а уже в случае, когда суд их не установит, обсудить вопрос о том, какое наказание должно быть назначено подсудимому и имеются ли основания для освобождения подсудимого от наказания.

Уголовная ответственность не приравнивается законодателем к наказанию, которое, в свою очередь, не является обязательным элементом уголовной ответственности, а является лишь одним из возможных последствий привлечения лица к уголовной ответственности. Уголовная ответственность может быть реализована в различных формах: 1) осуждение с назначением наказания; 2) осуждение без назначения наказания; 3) осуждение с назначением наказания и освобождением от его отбывания. Обвинительный приговор, в том числе обвинительный приговор без назначения наказания, выступает процессуальной формой реализации уголовной ответственности.

В достижении целей наказания, изложенных в ч. 2 ст. 43 УК РФ, нет необходимости при постановлении оправдательного приговора, так как лицо признается невиновным в совершении преступления. В связи с этим в качестве одного из аспектов назначения уголовного судопроизводства рассматривается защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Не требуется достижения целей наказания, а также целей уголовной ответственности и при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания. В данном случае достаточным является осуждение лица обвинительным приговором, постановленным от имени государства, выражающим отрицательную оценку содеянного.

Уголовное законодательство не может предусмотреть все возможные существенные и значимые обстоятельства различных уголовных дел и все сведения о личности, подлежащие учету при решении во-

проса о наказании. Так, при наличии определенных условий, связанных с объективными обстоятельствами или субъективными особенностями лица, совершившего общественно опасное деяние, не связанными с самим фактом совершения преступления и не являющимися реабилитирующими, уголовная ответственность реализуется без карательного или исправительного воздействия [4. С. 29–32].

К таковым относятся: освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ), в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), амнистия (ст. 84 УК РФ), помилование (ст. 85 УК РФ), отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ).

При освобождении от наказания, как и при освобождении от уголовной ответственности, достижимы цели как восстановления социальной справедливости, так и специального и общего предупреждения преступлений. Другими словами, в обвинительном приговоре без назначения наказания в той же мере реализуется принцип неотвратимости ответственности, что и в обвинительном приговоре с назначением наказания.

Но в силу характера и степени общественной опасности содеянного и личности виновного, в целях персонифицирования ответственности учитываются причины и условия, способствующие преступлению, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства и посткриминальное поведение лица. Установленные в уголовном праве цели наказания и отсутствие необходимости в их достижении посредством назначения наказания при постановлении приговора в ходе уголовного судопроизводства выступают методологическим основанием постановления обвинительного приговора без назначения наказания.

Предметом уголовного судопроизводства не является наказание, являющееся предметом и сферой деятельности уголовного права, которым вопросы наказания и регламентированы. Вопрос применения наказания является предметом уголовного права, и не входит в сферу регулирования уголовного судопроизводства. Таким образом, методологическим основанием для выделения обвинительного приговора без назначения наказания являются не нормы уголовного процесса, регламентирующие процедуру принятия решения данного вида, а уголовно-правовые нормы.

Только на основе норм уголовного судопроизводства суд не сможет принять решение любого вида, так как для этого нужны материальные уголовно-правовые основания, которые имеются в уголовном праве. Главным вопросом уголовного процесса, его назначением является лишь рассмотрение вопроса о признании лица виновным или невиновным в совершении преступления.

Подводя итог, можно резюмировать, что дифференциации уголовной ответственности путем установления различных видов мер уголовно-правового характера соответствуют различные дифференцированные виды процессуальных решений в уголовном судопроизводстве. Одним из таких решений является обвинительный приговор без назначения наказания, в котором разрешается главный вопрос – виновности подсудимого в совершенном преступлении. Обвинительный приговор без назначения наказания соответствует назначению уголовного судопроизводства, выступает как форма реализации уголовной ответственности, так как разрешает вопрос виновности лица в совершении преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцев В. Понятие наказания // Уголовное право. 2006. № 3. С. 42–46.
2. Уголовное право. Общая часть : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ : ИНФРА-М, 2008. 560 с.
3. Иоффе О.С. Вина и ответственность по советскому праву // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 34–43.
4. Трунцевский Ю.В. Меры уголовно-правового воздействия: понятие и виды // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 29–32.

THE LEGAL NATURE OF CONVICTION WITHOUT SENTENCING

Irina P. Popova, Baikal State University, Ust-Ilim City Court (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: irinabaikal@mail.ru

Keywords: criminal proceedings, guilt, sentence, punishment, conviction without sentencing.

DOI: 10.17223/9785946216678/28

Studying the legal nature of conviction without sentencing, the author came to a conclusion that all types of conviction act as procedural forms for the implementation of criminal liability differentiation. The main criterion for differentiating between types of conviction is the question of sentencing. So, in two types sentences are imposed 1) in

a conviction, with sentences to be served, 2) in a conviction with sentencing and exemption from serving it. One type of conviction does not impose sentences. In this case, the defendant is found guilty, and after conviction this person becomes a convict.

Analysis of the provisions of criminal law and criminal procedure law shows that the main issue that is resolved in criminal proceedings is the defendant's guilt of the crime, because not every conviction requires sentencing after finding a person guilty.

In cases where the purposes of punishment are achieved by condemnation of the perpetrator on behalf of the state and sentencing is excessive, a conviction without sentencing is made. Criminal liability is implemented in this procedural form, because sentence is not its necessary element.

In the deliberation room, the court considers the issues referred to in Article 299 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation for each criminal case when making a conviction.

It seems the sequence of discussing these issues must be changed: it is proposed to first discuss the grounds for conviction without sentencing. If the court does not establish them, the questions of what sentence the defendant should be given and whether there are grounds for exemption of the defendant from the sentence are discussed.

There is no need in achieving the purposes of sentencing in case of conviction without sentencing. This conviction is a procedural form of decision-making that solves the question of the perpetrator's criminal liability in the prescribed manner. This conviction solves the question of exposure of the guilty in committing a crime. Accordingly, this form of decision-making is consistent with the purpose of criminal proceedings.

The sentence does not seem covered by the legal nature of the prosecution which only includes the question of a person's culpability (involvement) in a crime. The subject of criminal proceedings is not a sentence, the subject and sphere of criminal law, which regulates the issues of sentences. The author came to a conclusion that the methodological basis for the separation of conviction without sentencing is criminal law regulations rather than norms of the criminal procedure governing decision-making of this type.

REFERENCES

1. Maltsev, V. (2006) Ponyatie nakazaniya [The concept of punishment]. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 42–46.
2. Inogamova-Khegay, L.V., Rarog, A.I. & Chuchaev, A.I. (eds) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. 2nd ed. Moscow: KONTRAKT; INFRA-M.
3. Ioffe, O.S. (1972) Vina i otvetstvennost' po sovetskomu pravu [Guilt and responsibilities under Soviet law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 34–43.
4. Truntsevskiy, Yu.V. (2015) Measures of criminal-legal influence: concept and types. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 5. pp. 29–32. (In Russian). DOI: 10.17223/9785946216678/29

А.А. Рукавишникова

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОБЖАЛОВАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СУДА, ВЫНЕСЕННЫХ В ПОРЯДКЕ ГЛАВЫ 51.1 УПК РФ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 16–03–00413.

Отмечается, что в УПК РФ предусмотрено два способа отмены постановления суда, принятого в порядке гл. 51.1 УПК РФ: в порядке самоконтроля и в порядке апелляционного производства. За пределами нормативного регулирования осталось большинство вопросов этих способов отмены. Порядок отмены вышеуказанного постановления в порядке самоконтроля вообще не получил процессуальной регламентации. При определении порядка апелляционного способа проверки данного решения используется бланкетная норма, отсылающая к гл. 45.1 УПК РФ.

Ключевые слова: постановление суда о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, самоконтроль, итоговое решение, обжалование.

В соответствии с ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ судья по результатам рассмотрения ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа выносит постановление, в котором указывает одно из следующих решений: об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 25.1 УПК РФ и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с возвращением ходатайства и материалов уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору, если сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о примене-

нии к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайства, либо уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям. Решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 25.1 УПК РФ, и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа может быть принято и по итогам проверки решения суда первой инстанции судом апелляционной инстанции до удаления суда в совещательную комнату для вынесения решения по делу. Однако осталось непонятным, может ли такое решение быть принято в суде апелляционной инстанции только при обжаловании постановления суда первой инстанции об отказе в удовлетворении ходатайства, поданного по основаниям ст. 25.1 УПК РФ, или же такое решение может быть принято также и при проверке судом апелляционной инстанции обвинительного приговора суда первой инстанции (может ли быть такое ходатайство заявлено государственным обвинителем впервые в суде апелляционной инстанции). Представляется, что принятие такого решения возможно в обоих случаях апелляционной проверки. Такая позиция отражена и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 56 [2]. При этом (во втором случае) необходимо получить согласие осужденного.

Вышеуказанные решения судьи могут быть отменены в двух случаях. Во-первых, в порядке самоконтроля [1. С. 120], когда сам суд, который принял решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, отменяет такое решение.

Так, в соответствии со ст. 446.5 УПК РФ в случае неуплаты лицом судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера, суд по представлению судебного пристава-исполнителя в порядке, установленном ч.ч. 2, 3, 6, 7 ст. 399 УПК РФ, отменяет постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и направляет материалы руководителю следственного органа или прокурору. Направление материалов вышеуказанным

должностным лицам необходимо для подготовки уголовного дела к рассмотрению в общем порядке. Дальнейшее производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке.

Отмена постановления самим судом, который его вынес (в порядке самоконтроля) вполне допустимо, так как в данном случае речь идет не о судебной ошибке в собственном смысле слова (законности, обоснованности принятого решения), а о том, что при условии соблюдения закона прогноз судьи о том, что в отношении конкретного лица возможно прекратить уголовное дело (уголовное преследования) с учетом его постпреступного поведения и добровольной, своевременной оплаты штрафа, оказался ошибочным. УПК РФ допускает такие ситуации и позволяет самим судам, вынесшим решение, корректировать такой прогноз, изменяя свое решение (например, в соответствии со ст. 397 УПК РФ принимать решение о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, отменять условное осуждение и т.д.).

Пленум Верховного Суда РФ, разъясняя норму ст. 446.5 УПК РФ, в абз. 4 (п. 21.1) Постановления отмечает, что решение об отмене постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа принимается на основании представления судебного пристава-исполнителя судом, к подсудности которого относится уголовное дело [2].

Во-вторых, можно предположить (хотя в УПК РФ ничего об этом не говорится), что отмена такого постановления происходит судом, которому подсудно уголовное дело по первой инстанции, и в том случае, когда такое решение было принято судом апелляционной инстанции по итогам проверки приговора суда первой инстанции (ч. 2 ст. 25.1 УПК РФ). Хотя вопрос о возможной юрисдикционности суда первой инстанции отменять решения суда апелляционной инстанции является весьма сложным. Однако учитывая, что в данном случае речь идет о безусловном основании – неуплате штрафа, можно предположить о компетентности суда первой инстанции отменить такое постановление. Следует отметить, что так как данная мера (судебный штраф) является иной мерой уголовно-правового характера, уголовно-процессуальным законом не предусмотрено продление срока исполнения решения о применении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, а также отсрочка или рассрочка исполнения

такого решения [2]. Поэтому данные вопросы в случае неуплаты штрафа, направления и рассмотрения представления судебного пристава об отмене постановления суда разрешению подлежать не должны. Однако предметом оценки суда могут служить уважительные причины неуплаты штрафа в срок [2].

Следует отметить, что УПК РФ подробно не регламентировал процессуальный порядок (производство) рассмотрения такого представления судебного пристава (сроки, требования к представлению, участие сторон, их процессуальный статус).

В число вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора (ст. 397 УПК РФ), вопрос об отмене постановления суда о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа также не включен. Можно предположить, что вышеуказанные отношения являются частью нового самостоятельного производства по прекращению уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Т.В. Трубникова, аргументируя отнесение данной группы общественных отношений (по прекращению уголовного дела или уголовного преследования и назначению судебного штрафа) к новому виду основных производств, справедливо отмечает, что «...процессуальная форма данного производства должна быть такой, чтобы обеспечивать его участникам возможность реализации их права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, гарантировать, что отказ от этих прав будет носить исключительно добровольный характер, содержать механизм, который исключал бы предсказуемые возможности злоупотребления правом со стороны участников процесса – физических лиц и злоупотребления дискреционными полномочиями со стороны государственных органов и должностных лиц. Такая процессуальная форма не создана» [3. С. 370].

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 56 (п. 18) судам рекомендовано при рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного пресле-

дования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа использовать порядок, предусмотренный ч. 6 ст. 108 УПК РФ (процессуальный порядок проведения судебного заседания по рассмотрению ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу). Однако данный порядок не предусматривает процедуру отмены судьей ранее вынесенного им решения.

Необходимо закрепить право знакомиться с представлением судебного пристава. Нуждается в определении и сам процессуальный статус судебного пристава. Кроме того, возникает вопрос и о возможности обжалования решения об отмене постановления суда о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

В соответствии с ч. 7 ст. 446.2 УПК РФ постановление судьи может быть обжаловано в вышестоящий суд в апелляционном порядке, установленном гл. 45.1 УПК РФ.

Однако с учетом того, что решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования может быть принято и в суде первой, и, как уже отмечалось, в суде апелляционной инстанции, получается, что во втором случае оно может быть обжаловано только в суде кассационной инстанции. В связи с этим стороны лишаются возможности полной юридико-фактической проверки такого решения в суде апелляционной инстанции.

В соответствии с п. 18 (п. 25.3) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 56 данное постановление суда, вынесенное по основаниям ст. 25.1 УПК РФ, названо итоговым решением [2], а значит, на него в полной мере распространяется порядок апелляционного производства, предусмотренный гл. 45.1 УПК РФ: решение подлежит обжалованию в 10-суточный срок с позиции законности, обоснованности и справедливости.

На возможность проверки обоснованности вынесенного постановления косвенно ориентирует и Пленум Верховного Суда РФ, который отмечает (п. 18 (25.3, 25.6)), что при изучении представленных материалов и рассмотрении ходатайства судья должен убедиться в том, что выдвинутое в отношении лица подозрение или предъявленное лицу обвинение

в совершении преступления небольшой или средней тяжести обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, и в материалах содержатся достаточные сведения, позволяющие суду принять итоговое решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении подозреваемому, обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Требование обоснованности содержится и при формулировании требований к описательно-мотивировочной части постановления [2].

Следует учитывать, что, несмотря на то что в нормах процессуального закона не регламентированы требования, предъявляемые к ходатайству следователя (дознателя) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 25.1 УПК РФ, и закреплено всего два возможных решения – удовлетворение соответствующего ходатайства и отказ в его удовлетворении, в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 56 судом может быть вынесено также решение и об отказе в принятии ходатайства к рассмотрению и возвращении вместе с материалами уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору [2]. Это так называемое промежуточное решение.

В соответствии с п. 18 (п. 25.2) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 56 судья отказывает в принятии ходатайства к рассмотрению, если оно составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, что исключает возможность рассмотрения ходатайства и вынесения решения в соответствии с ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ, в частности когда оно возбуждено без согласия подозреваемого, обвиняемого на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ, или без соблюдения указанных в этой статье условий освобождения от уголовной ответственности (к примеру, лицо подозревается или обвиняется в совершении тяжкого преступления, у него имеется неснятая или непогашенная судимость), не содержит сведений, приведенных в п. 25.1 постановления Пленума (в постановлении о возбуждении перед судом ходатайства должны быть, в частности, изложены: описание преступного деяния, в совершении которого лицо подозревается или обвиняется, с указанием пункта, части, статьи УК РФ; доказательства, подтверждающие выдвинутое подозрение или предъявленное обвинение; основание для прекращения судом уголовного дела или уголовно-

го преследования и назначения подозреваемому, обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; указание о согласии подозреваемого, обвиняемого на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по данному основанию), к ходатайству не приложены все материалы уголовного дела.

Согласно этим же разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ постановление судьи об отказе в принятии ходатайства к рассмотрению может быть обжаловано в вышестоящий суд в апелляционном порядке, который установлен гл. 45.1 УПК РФ. Таким образом, законодатель не установил процессуальных особенностей обжалования данного вида промежуточного решения, определив для него общий порядок апелляционного обжалования. Однако с учетом того, что вышеуказанное ходатайство составляют профессиональные участники уголовного судопроизводства (следователь, дознаватель) под руководством руководителя следственного органа и прокурора, представляется, что для проверки данного вида промежуточного решения в апелляционном порядке необходимо было бы установить более сокращенные сроки. Кроме того, необходимо четко определить круг возможных субъектов обжалования (в частности, решить, могут ли в качестве таковых выступать следователи, дознаватели, а также руководитель следственного органа и прокурор), а также в целях обеспечения гарантии от злоупотребления дискреционными полномочиями судьи четко сформулировать и закрепить в УПК РФ основания принятия им решения об отказе в рассмотрении такого ходатайства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плашевская А.А. Самостоятельное устранение судом ошибок в приговоре // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 2 (23). С. 120–123.
2. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 56 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. М. : АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 20.01.2016).
3. Трубникова Т.В. Производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: сущность и гарантии от злоупотребления правом // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : междунар. науч.-практ. конф.

(2016 г., Орёл) : [к 60-летию д-ра юрид. наук, проф., Заслуж. деятеля науки РФ В.В. Николока : сб. материалов]. Орёл : ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2016.

PROCEDURAL ORDER FOR THE APPEAL OF COURT DECISIONS MADE ACCORDING TO CHAPTER 51.1 OF THE RF CODE OF CRIMINAL PROCEDURE

Anastasia A. Rukavishnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: satsana@yandex.ru

Keywords: court order to terminate criminal case or criminal prosecution in connection with imposition of criminal law measure in form of court fine, self-control, final decision, appeal.

DOI: 10.17223/9785946216678/29

Decisions made by the judge in the procedure of Chapter 51.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (proceedings on imposing a criminal law measure when exempting from criminal liability) can be cancelled in two orders: in the order of self-control, when the decision is cancelled by the judge who adopted it, and in the order of appeal, when the decision is cancelled by a judge of a higher status than the one who made it in case of a judicial error. The paper notes that the legislator, when regulating the first order, proceeded from the fact that the grounds for the cancellation of a decision in the order of self-control do not constitute a judicial error in the proper sense of the word; therefore, the power to cancel it belongs to the court that issued it. Without denying this cancellation order, it is ascertained that the legislator has not consistently and systematically settled it. Analysis of the norms of the RF Code of Criminal Procedure allows concluding that a timely failure to pay a fine is an unconditional ground for cancelling the decision to terminate a criminal case or criminal prosecution and imposing a court fine on the suspect (accused). However, the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 November 2016 No. 56 explained that in making this decision, the reasons for the non-payment of the fine on time and their respectful nature may be the subject of consideration and assessment. A conclusion is made that the procedural law should regulate the procedural form of the court session on the cancellation of the previous decision by the court, grant and fix the right to get acquainted with the bailiff's recommendation and determine the possibility and subjects of appeal against the decision of the judge to cancel the earlier ruling. When regulating the second order, the legislator established that in accordance with Part 7, Article 466.2 of the RF Code of Criminal Procedure, a judge's decision may be appealed to a higher court in the appeal procedure established by Chapter 45.1 of the RF Code of Criminal Procedure, which means that the procedure for appeals proceedings, stipulated in Chapter 45.1 of the RF Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, cover the issue, and the decision is subject to appeal within 10 days from the standpoint of legality, validity and fairness. At the same time, the RF Code of Criminal Procedure does not set the scope and limits of validity as a requirement for a decision adopted in accordance with Part 5 of Article 466.2 of the RF Code of Criminal

Procedure and as a criterion for a review in the appellate court. However, Resolution 56 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 November 2016 states that the judge must make sure that the suspicion or the charge brought against the person is justified, is confirmed by the evidence collected in the criminal case, and the materials contain information sufficient for the court to make a grounded final decision.

Since the decision on the termination of a criminal case or criminal prosecution can be taken both in the court of the first instance and in the court of appeal, it is concluded that in the second case it can be appealed only in the court of a cassation instance. In this regard, the parties are deprived of the possibility of full legal and factual review of such a decision in the court of appeal, which may lead to the violation of the adversarial principle in criminal proceedings.

REFERENCES

1. Plashevskaya, A.A. (2012) Self-elimination of errors in a sentence by court. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute – Bulletin of Vladimir Law Institute*. 2(23). pp. 120–123. (In Russian).
2. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *On the introduction of amendments to some decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the improvement of the grounds and procedure for release from criminal liability: Decree No. 56 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207871/. (Accessed: 20th January 2016). (In Russian).
3. Trubnikova, T.V. (2016) Proizvodstvo o naznachenii mery ugolovno-pravovoyu kharaktera v vide sudebnogo shtrafa: sushchnost' i garantii ot zloupotrebleniya pravom [Procedure of the appointment of a measure of criminal law in the form of a judicial penalty: The essence and guarantees against abuse of right]. In: Grishin, A.V. et al. *Sovremennoe ugolovno-protsessual'noe pravo Rossii – uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya* [Current criminal procedural law of Russia – lessons of history and problems of further reforming]. Orel: Orel Law Institute.

DOI: 10.17223/9785946216678/30

Л.Г. Татьяна

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНОГО ШТРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Введение иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа вызвало неоднозначную реакцию среди ученых и практиков и по-

родило ряд вопросов при ее применении. Обосновывается необходимость урегулировать ряд дискуссионных положений, в частности следует учитывать позицию потерпевшего при принятии решения о прекращении уголовного дела и назначении судебного штрафа. Предложено предусмотреть применение указанной меры по всем уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести, совершенных лицом впервые, если в деле нет потерпевшего. Данное положение позволит лицу осознать наступление последствий в случае совершения вновь любого преступления.

Ключевые слова: судебный штраф, иная мера уголовно-правового характера, основания, порядок применения, целесообразность.

Гуманизация уголовной политики требует изменения подхода к решению вопроса о привлечении к уголовной ответственности за совершение преступлений. Границы уголовной ответственности должны быть адекватны конкретному этапу общественного развития [1. С. 60; 2. С. 238]. Исправление лица может быть достигнуто не применением карательных мер уголовной ответственности, а использованием иных мер, не связанных с назначением наказания, поскольку в указанном случае лицо будет стремиться к надлежащему поведению, исключающему совершение в дальнейшем противоправных действий. Дифференциация уголовной ответственности направлена на достижение справедливости при производстве по уголовному делу. Вопрос об отказе от осуждения лица за совершение преступления путем применения иных мер уголовно-правового характера связан с необходимостью предоставления лицу возможности доказать свою законопослушность, желание отказаться от совершения противоправных действий.

Совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые не должно в безусловном порядке влечь за собой судимость, в указанном случае следует учитывать целесообразность привлечения конкретного лица к уголовной ответственности и применения к нему меры уголовного наказания. Вопрос о целесообразности привлечения лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, к уголовной ответственности должен решаться в каждом случае индивидуально, необходимо учитывать особенности совершения лицом преступления, вред, который был причинен, а также характеристику личности.

Законодатель ввел в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» УК РФ главу 15.2 «Судебный штраф» Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ. Изначально указанный раздел содер-

жал гл. 15, регламентирующую принудительные меры медицинского характера, в последующем была добавлена гл. 15.1, регламентирующая конфискацию имущества, что вызывало ряд вопросов об основаниях объединения в один раздел указанных институтов. Введение гл. 15.2, регламентирующей судебный штраф, не сняло указанных вопросов. Следует отметить, что понятие иных мер уголовно-правового характера законодателем не дано. Представляется обоснованным рассматривать под иными мерами уголовно-правового характера те меры, предусмотренные уголовным законом, которые применяются к лицу, совершившему преступление, и влекут за собой изменение его уголовно-правового статуса безотносительно к юридической природе посткриминального поведения [3. С. 19].

Понятие судебного штрафа как иной меры уголовно правового характера в законодательстве отсутствует. С учетом указанного определения, исходя из положений ч. 1. ст. 104.4 УК РФ, следует вывод, что судебный штраф не является уголовным наказанием, поскольку применяется при освобождении лица, совершившего впервые преступление небольшой или средней тяжести и возместившего ущерб или иным образом загладившего причиненный вред, от уголовной ответственности. Таким образом, законодатель предусмотрел штраф как меру уголовного наказания и судебный штраф как иную меру уголовно-правового характера. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера применяется к лицу, совершившему преступление, влечет за собой изменение его уголовно-правового статуса, но не влечет за собой такого последствия, как судимость.

Применение судебного штрафа не связано с декриминализацией совершенного преступления, а направлено на предоставление возможности лицу загладить причиненный вред, исправить свое поведение без применения мер уголовного наказания. Настаивая на целесообразности применения судебного штрафа, следует рассмотреть вопросы, связанные с условиями и основаниями его применения. Законодатель в ст. 76.2 УК РФ указал только два условия судебного штрафа: 1) совершение преступления впервые; 2) совершение преступления небольшой или средней тяжести. Одновременно он указал на необходимость в комплексе с указанными условиями соблюдения оснований при применении судебного штрафа, в качестве которых предложил рассматривать возмещение ущерба или заглаживание вре-

да иным способом. Законодатель не включил в перечень оснований или условий учет позиции потерпевшего для решения вопроса о возможности освобождения лица от уголовной ответственности в связи с взысканием с него судебного штрафа.

Рассматривая основания и условия применения судебного штрафа как иной уголовно-правовой меры за совершение преступления, хотелось бы обратить внимание на следующие ситуации. Ряд преступлений небольшой и средней тяжести совершается в связи с незнанием определенных вопросов, критериев разграничения проступка от преступления и т.п. Восьмидесятилетняя женщина делает из маковой соломки отвар для ног, она этот способ узнала от своей бабушки и не подозревает, что это наркотическое средство и за него наступает уголовная ответственность. Аналогичная ситуация возникает, когда речь идет о приобретении через Интернет игрушек, которые, как в последующем бывает установлено, относятся к специальным техническим средствам. Применение судебного штрафа за совершение указанных преступлений представляется обоснованным, поскольку чаще всего человек даже не предполагал о возможности привлечения его к уголовной ответственности за совершение указанных действий, не понимал вреда и опасности содеянного. В определенной ситуации простой беседы бывает достаточно, чтобы человек понял и осознал произошедшее.

Другая ситуация возникает, когда речь идет о совершении преступлений, причинивших вред потерпевшим, особенно когда речь идет о причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего по неосторожности или причинении смерти по неосторожности. Вряд ли потерпевший, ставший инвалидом по вине медицинского работника, сможет понять «гуманность» принятия в отношении него решения о применении судебного штрафа. При причинении вреда потерпевшим решать вопрос об освобождении от уголовной ответственности подозреваемого или обвиняемого путем назначения судебного штрафа полагаю недопустимым. О неоднозначности подхода к роли потерпевшего при принятии решения о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа уже говорилось в научной литературе [4. С. 5]. Потерпевший является стороной в уголовном процессе, недопустимо изначально игнорировать его мнение при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности лица, имеющего возможность оплатить судебный штраф и возместить ущерб.

Следователь (дознатель) должен выяснить позицию потерпевшего, после чего решать вопрос о возможности направления дела в суд с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением) или с постановлением о возбуждении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Когда потерпевший возражает против применения, уголовное дело должно быть направлено в суд с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением). В ходе судебного разбирательства суд, выслушав доводы сторон, может согласиться с позицией стороны защиты или государственного обвинителя и принять решение о прекращении уголовного дела и назначении судебного штрафа. При этом суд в постановлении должен обосновать, в связи с чем он не согласился с доводами потерпевшего. В указанном случае стороны имеют возможность именно в судебном заседании отстаивать свои позиции. Суд сможет принять самостоятельное объективное решение; если он будет не согласен с позицией государственного обвинителя и стороны защиты о прекращении уголовного дела и назначения судебного штрафа, то не будет возвращать уголовное дело, а рассмотрит его по существу. Данный порядок представляется более эффективным и экономичным, поскольку, с одной стороны, он обеспечивает процессуальное равенство сторон и реализацию принципа состязательности, с другой – обеспечивает эффективность и своевременность принятия решения по уголовному делу без дополнительных затрат, связанных с возвращением уголовного дела, принятием нового досудебного решения и направлением уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу.

Рассматривая категории преступлений, за совершение которых может быть применена иная уголовно-правовая мера в виде судебного штрафа, полагаю, что их было бы целесообразно подразделить на две группы. К одной отнести дела о преступлениях небольшой тяжести, по которым нет потерпевшего, причиненный вред носит условный характер, лицо впервые совершило преступление, вину свою признает. В отношении указанных лиц, учитывая целесообразность их привлечения к ответственности, следует предусмотреть безальтернативно применение иной меры уголовно-правового характера в виде

судебного штрафа. В указанном случае лицу будет предоставлена возможность доказать, что совершение им преступления носило случайный характер.

Ко второй группе следует отнести дела о преступлениях небольшой тяжести, где имеется потерпевший, и дела о преступлениях средней тяжести, независимо от наличия потерпевшего. По указанной категории уголовных дел решение должно приниматься на альтернативной основе: либо прекратить с применением иных мер уголовно-правового характера, либо направить в суд для рассмотрения уголовного дела по существу. По указанной категории уголовных дел в обязательном порядке должна выясняться позиция потерпевшего, но во внимание судом она должна приниматься с учетом всех обстоятельств дела.

Обязательность прекращения уголовных дел, относящихся к первой группе, не будет создавать спорных и ложных ситуаций при принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с применением иной уголовно-правовой меры в виде судебного штрафа. Поскольку может быть предоставлена рассрочка оплаты судебного штрафа, лицо имеет реальную возможность его погашения, учитывая, что максимальный размер штрафа определяется с учетом реальных возможностей лица его оплатить. Альтернативность принятия решения по уголовным делам о преступлениях, относящихся ко второй группе, обусловлена принятием адекватного решения по делу, недопустимостью создавать возможность уйти от ответственности лицам, которые совершают преступления, являясь в том числе должностными лицами. Суд должен иметь возможность принять решение, основываясь не на формальных требованиях закона, а с учетом всех обстоятельств по уголовному делу и реального причинения вреда.

Необходимо в УПК РФ ввести следующие дополнения, регулирующие производство по уголовным делам о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа:

– выяснить позицию потерпевшего о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, при его несогласии уголовное дело направлять в суд в обычном порядке;

– предоставить суду право назначать меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в случае несогласия потерпевшего с ее применением, если суд сочтет ее применение обоснованным;

– предусмотреть обязательное прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа о преступлениях небольшой тяжести при отсутствии потерпевшего, если обвиняемый признал вину, преступление совершил впервые.

Указанные предложения обеспечат эффективное и качественное применение иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по уголовным делам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И.М. Социальные и правовые аспекты депинализации // Советское государство и право. 1980. № 3. С. 60.
2. Жильцов А.А. Значение дифференциации уголовной ответственности при реализации принципа справедливости // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 238–244.
3. Звечаровский И. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 11–20.
4. Павлов А.В. Основания, условия и порядок возбуждения перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении подозреваемого (обвиняемого) и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (комментарий) // Законодательство и практика. 2016. № 2 (37). С. 4–6.

DEBATABLE ISSUES OF THE APPLICATION OF COURT FINES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Larisa G. Tatyana, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: larisa-lisa@mail.ru

Keywords: court fine, other measure of criminal and legal character, basis, application order, expediency.

DOI: 10.17223/9785946216678/30

The introduction of Chapter 51.1 “Proceedings on the imposition of a measure of a criminal law nature when exempting from criminal liability” in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation caused a number of questions about its feasibility and features of application. The paper aims to ground the need to introduce other criminal law measures which should be applied to persons who committed crimes of little and medium gravity for the first time as an alternative to criminal liability. This approach corresponds to the criminal policy of the state and provides socialisation of persons who want and can improve. The methodological basis of the research was general and private scientific methods. Considering a court fine as another criminal law measure, it is noted that it is completely consistent with its content as it is applied to persons who committed a crime, and involves a change of their criminal legal status regardless

of the legal nature of post-criminal behaviour. Researching features of the grounds for imposing a court fine, the author notes elements necessary to consider when making a decision on the form of the end of preliminary investigation and on the form of sending the victim's line in the case in court. In case the victim objects to a court fine, the decision is made at the discretion of the court, which will correspond to the adversarial principle. It is senseless to send a criminal case whose proposed sentence of a court fine can be rejected by the court. The feasibility of introducing a provision on the exemption from criminal liability and imposition of a court fine as the only criminal law measure for persons who committed crimes of little and medium gravity for the first time with the absence of the victim in a criminal case is proved. This provision will provide the efficiency of a court fine, protection of the rights of persons who became criminals unintentionally, which will provide for their socialisation.

REFERENCES

1. Galperin, I.M. (1980) Sotsial'nye i pravovye aspekty depinalizatsii [Social and legal aspects of depinalisation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 60.
2. Zhiltsov, A.A. (2010) Znachenie differentsiatsii ugovnoy otvetstvennosti pri realizatsii printsipa spravedlivosti [The significance of differentiation of criminal liability in the implementation of the principle of justice]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 3(16). pp. 238–244.
3. Zvecharovskiy, I. (2007) Ponyatie mer ugovno-pravovogo kharaktera [The concept of penal measures]. *Zakonnost'*. 1. pp. 11–20.
4. Pavlov, A.V. (2016) Grounds, conditions and procedure of bringing a motion to court for dismissing the criminal case (criminal prosecution) against the suspect (accused) and imposing such penal measures as fine. *Zakonodatel'stvo i praktika*. 2(37). pp. 4–6. (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216678/31

Е. Ф. Тензина

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИ НАЛИЧИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ)

Рассматриваются вопросы участия прокурора в судебном разбирательстве уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Обосновывается, что производство относится к усложненной форме

уголовного судопроизводства, включающей деятельность по основному и выделенному уголовным делам, объединенным одним (несколькими) событием преступления. Делается вывод о необходимости законодательного расширения предмета исследования в суде по делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор, усложненная форма, предмет исследования, преюдициальное значение приговора.

Созданный в 2009 г. институт досудебного соглашения о сотрудничестве и почти восьмилетний опыт его применения позволяют сделать определенные выводы о целесообразности и эффективности его введения в российскую уголовную юстицию. Основной целью создания института выступало повышение раскрываемости тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в соучастии.

Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ, досудебным соглашением о сотрудничестве признается соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Ключевая роль, согласно приведенной формулировке, отведена стороне обвинения. Распоряжение правомочием по заключению досудебного соглашения и последующему его поддержанию как в досудебном, так и в судебном производстве принадлежит прокурору. Он заключает досудебное соглашение о сотрудничестве (согласно ведомственному подходу в процедуре задействованы несколько прокурорских работников, начиная с помощника прокурора, участвующего в разработке проекта соглашения, заканчивая прокурором, подписывающим его [1]), он (вышестоящий прокурор) рассматривает жалобу подозреваемого, обвиняемого, его защитника, следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, он утверждает обвинительное заключение и выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу, он поддерживает государственное обвинение в судебном заседании. Такой законодательный подход вполне логичен с точки зрения реализуемой прокурором функции уголовного преследования. Именно на прокуроре лежит ответственность за законность и обоснованность выдвинутого обвинения по уголовному делу.

Однако правоприменитель достаточно настороженно подошел к нововведению. Например, по данным прокуратуры Удмуртской Республики, количество уголовных дел, по которым заключалось досудебное соглашение о сотрудничестве, не превышает и десятка за год [2]. Столь сдержанный подход, на наш взгляд, объясняется отсутствием продуманного и сбалансированного законодательного механизма заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и последующего производства по уголовному делу.

В целях оптимизации применения института досудебного соглашения о сотрудничестве и выработки определенного алгоритма действий необходимо отталкиваться от понимания природы производства по уголовному делу с применением положений гл. 40.1 УПК РФ. Прежде всего, производство по уголовному делу о преступлении (преступлениях), совершенном в соучастии, по которому заявлено ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, необходимо рассматривать в качестве одного усложненного вида производства. Это объясняется фактической и, как правило, правовой сложностью уголовного дела. В нем объединены одним событием преступления два уголовных производства: выделенное и основное. Это, в свою очередь, обуславливает усложненный предмет доказывания. Требуется установление не только обстоятельств, входящих в предмет доказывания – ст. 73 УПК РФ, но и исследование соблюдения условий и выполнения всех обязательств, предусмотренных заключенным с подозреваемым, обвиняемым досудебным соглашением о сотрудничестве – ст. 317.7 УПК РФ. Необходимо соблюдение общих условий предварительного расследования (гл. 21 УПК РФ).

Безусловно, уголовное судопроизводство по основному делу выступает ключевым. Уголовное судопроизводство по выделенному – первичным. Целесообразно в качестве «прокуроров», а в последующем государственных обвинителей в таком усложненном производстве задействовать одного или одних и тех же прокурорских работников. Данный подход в организации участия прокурора при производстве по уголовным делам в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, позволит основательно и тактически грамотно подойти к поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции по основному делу.

Участие прокурора в стадии подготовки к судебному заседанию по выделенному уголовному делу должно включать, прежде всего, тща-

тельную проверку оснований применения особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Правовой анализ ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ позволяет сделать вывод, что на данном этапе прокурор должен обосновать соблюдение обвиняемым материальных и процессуальных оснований. К материальным следует относить ту совокупность доказательств, которые по основному уголовному делу направлены на изобличение других соучастников преступления, раскрытие и расследование преступления, розыск имущества, добытого в результате преступления. Материальные основания подтверждают деятельное раскаяние обвиняемого в совершенном преступлении. Обосновывая процессуальные основания, прокурор должен доказать добровольность заявленного подозреваемым, обвиняемым ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве при участии защитника. Стоит акцентировать внимание суда на форму соучастия и роль подсудимого в совершении преступления, момент заявления ходатайства, поведение подозреваемого, обвиняемого до заявления ходатайства и др.

Именно на этапе предания суду прокурору целесообразно подвергнуть глубокому и исчерпывающему анализу предписанные законодателем основания, чтобы в последующем исключить (минимизировать) возможность возврата выделенного уголовного дела с досудебным соглашением о сотрудничестве с более поздних стадий.

Согласно действующему правовому механизму, участие прокурора в судебном разбирательстве по выделенному уголовному делу в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, сводится к исследованию содействия подсудимого следствию по вопросам, перечисленным в ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ. Необходимо понимать, что проверка факта исполнения условий досудебного соглашения не должна ограничиваться выступлением государственного обвинителя, соглашающегося с представлением прокурора. Сотрудничество подсудимого в раскрытии и расследовании преступлений, изобличении соучастников должно подтверждаться материалами уголовного дела, содержащими конкретные действия: дача подробных показаний о существенных обстоятельствах совершенного преступления, указание мест, которые хранили следы преступления (места хранения или уничтожения орудий преступления,

транспортных средств, трупов и т.д.), участие в проведении оперативно-розыскных и процессуальных действий и др. [3. С. 7].

Однако вряд ли приведенную выше законодательную конструкцию о предмете и пределах судебного разбирательства можно признать правильной, прежде всего с позиций реализации принципа презумпции невиновности. Итогом судебного разбирательства по выделенному уголовному делу выступает, как правило, обвинительный приговор. Согласно п. 28 ст. 5 УПК РФ, приговор – это решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции. Приговор как акт правосудия отражает главное: только приговором суда лицо может быть признано виновным в совершении преступления и только по приговору оно может быть подвергнуто уголовному наказанию (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ). Полагаем, что гарантией постановления законного и справедливого приговора может выступать требование исследования более широкого круга обстоятельств: события преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов; и лишь в последующем определения пределов содействия подсудимого и соблюдения условий заключенного досудебного соглашения. Необходимо помнить, что целью введения данного института была не экономия процессуальных средств и сроков, а раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений. Введение сокращенного доказывания по выделенному уголовному делу позволило бы придать последующее преюдициальное значение приговору по основному делу в части установления доказанности события преступления.

Согласно доктрине уголовного процесса, приговор, вступивший в законную силу, обладает свойствами обязательности и истинности. Однако поправки, внесенные в ст. 90 УПК РФ летом 2016 г., перечеркнули эти свойства. Считаем, что законодательное расширение предмета исследования судом первой инстанции по выделенному уголовному делу, поступившему с досудебным соглашением о сотрудничестве, позволило бы разрешить выделенную проблему.

УПК РФ устанавливает: если в ходе производства в суде первой инстанции будут выявлены нарушения условий досудебного соглашения со стороны подсудимого (отказ от досудебного соглашения о

сотрудничестве, отказ от дачи показаний в суде в отношении соучастников преступлений и иных лиц, совершивших преступления, умышленное сообщение ложных сведений или умышленное сокрытие от следствия какие-либо существенных сведений – ч. 2.1 ст. 317.3 УПК РФ), прокурор независимо от этапа производства должен заявить ходатайство об отмене особого порядка проведения судебного заседания и возврате уголовного дела для решения вопроса о привлечении его к участию в уголовном деле в отношении соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления.

Согласно ст. 317.8 УПК РФ, в случаях установления нарушения условий досудебного соглашения о сотрудничестве после вступления приговора в законную силу по выделенному уголовному делу такой приговор подлежит пересмотру в порядке, установленном разделом 15 УПК РФ. Руководствуясь подходом о едином усложненном производстве по уголовным делам при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, указанное необходимо рассматривать как процессуальную санкцию подсудимому, осужденному за нарушение условий о сотрудничестве. Однако, отсылая к разделу 15 УПК РФ, законодатель не определил конкретный вид производства по пересмотру судебного решения, вынесенного по выделенному уголовному делу. Устранение данного правового пробела обоснованно предложено в науке: «Если лицо при рассмотрении “основного дела” отказалось от ранее данных показаний, изменило их, это следует рассматривать как новые обстоятельства, которые могут повлечь отмену приговора в отношении этого лица в порядке гл. 49 УПК РФ» [4. С. 167]. Полагаем, что прокурор, поддерживавший государственное обвинение по основному уголовному делу, должен рапортом доложить о нарушении осужденным условий досудебного соглашения о сотрудничестве прокурору, утверждавшему обвинительное заключение по выделенному уголовному делу и вносившему представление об особом порядке проведения судебного заседания. Рапорт государственного обвинителя должен послужить поводом для возбуждения производства ввиду новых обстоятельств. В соответствии с ч. 4 ст. 415 УПК РФ прокурор выносит постановление о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств и направляет соответствующие материалы руководителю следственного органа для производства расследования.

К сожалению, законодатель не предусмотрел последствий и противоположного развития событий: когда по выделенному уголовному делу в отношении осужденного, заключившего и добросовестно исполнившего условия досудебного соглашения, вынесен и вступил в законную силу обвинительный приговор, а по основному уголовному делу постановлено реабилитирующее судебное решение в отношении соучастников в полном объеме [5] либо в части [6]. Выход был предложен судебной практикой: в судебных решениях по выделенному и основному уголовным делам не должно быть противоположных выводов относительно существенно значимых обстоятельств совершенного преступления. Выработанный правоприменителем подход в сложившейся ситуации требует от прокурора инициировать перед вышестоящей судебной инстанцией отмену судебного решения по уголовному делу, в котором с обвиняемым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, и «подгонку» его к судебному решению, вынесенному по основному делу. Вряд ли такую практику можно назвать эффективной и целесообразной, поскольку цели института досудебного соглашения о сотрудничестве остались недостигнутыми.

Решение выявленных практикой проблем, безусловно, требует законодательного реформирования института досудебного соглашения о сотрудничестве путем расширения предмета исследования в судебном заседании по выделенному уголовному делу и придания преюдициального значения приговору в части установления события преступления, инкриминируемого в вину соучастникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам : Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 URL: genproc.gov.ru.
2. Прокуратура Удмуртской Республики. URL: udmproc.ru.
3. Обобщение по результатам изучения практики применения судами Московской области норм главы 40.1 УПК РФ за 2010 год и первое полугодие 2011 года. URL: <http://www.vsrfr.ru>.
4. Лодыженская И.И., Панфилов Г.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правоприменения и пути их преодоления // КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dosudebnoe-soglashenie-o-sotrudnichestve-problemy-pravoprimeneniya-i-puti-ih-preodoleniya#ixzz4bPYIrM80>.
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8.07.2013 г. № 45-Д13-10. URL: <http://www.vsrfr.ru>.

THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE TRIAL OF A CRIMINAL CASE WITH A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT (THEORY AND PRACTICE)

Elena F. Tensina, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: elenatensina@yandex.ru

Keywords: pre-trial cooperation agreement, prosecutor, complicated form, subject of study, prejudicial value of sentence.

DOI: 10.17223/9785946216678/31

The study aims to analyse the legal regulation of the prosecutor's participation in the trial of the main and separated criminal cases when a pre-trial cooperation agreement is concluded with the defendant and to develop the theoretical and practical recommendations for improving the legal framework regulated by Chapter 40.1 of the RF Code of Criminal Procedure on this basis. General (dialectical method, analysis, synthesis) and private (formal-legal, sociological) scientific methods of knowledge were used in the study. Using theoretical, normative and practical materials, a conclusion is made about the extremely low level of enforcement of the institution of pre-trial cooperation agreement due to the lack of a balanced legal framework of proceedings for this category of criminal cases. To enhance the application of Chapter 40.1 of the RF Code of Criminal Procedure, proceedings on criminal cases of crimes committed in complicity, on which a petition for pre-trial cooperation agreement is filed, must be regarded as complicated proceedings. They combine two criminal offences in one event: the main and the separated. This in turn requires amendments to Article 317.7 of the RF Code of Criminal Procedure by extending the subject of investigation in separated criminal proceedings: 1) simplified subject of proving (Items 1 and 2 of Article 73 of the RF Code of Criminal Procedure: events of the crime and the guilt of the person in committing a crime); 2) the limits of the defendant's cooperation and observance of terms of the concluded pre-trial agreement. Expansion of the subject of investigation in the separated criminal case will later give prejudicial value to the conviction relevant for the consideration of the main criminal case in the part of the proving of the crime event. In the context of the current legal framework established by Chapter 40.1 of the RF Code of Criminal Procedure, concrete proposals are made on the prosecutor's participation in judicial proceedings.

REFERENCES

1. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (2010) *Order No. 107 of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation of March 15, 2010, On the organization of work on the implementation of the powers of the prosecutor when entering into pre-trial agreements on cooperation in criminal matters with suspects (accused)*. [Online] Available from: genproc.gov.ru. (In Russian).

2. *The Prosecutor's Office of the Udmurt Republic*. (n.d.) [Online] Available from: udmproc.ru.
3. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Obobshchenie po rezul'tatam izucheniya praktiki primeneniya sudami Moskovskoy oblasti norm glavy 40.1 UPK RF za 2010 god i pervoe polugodie 2011 goda* [Generalisation based on the results of studying the practice of the courts of Moscow Region applying the provisions of Chapter 40.1 of the Code of Criminal Procedure for 2010 and the first half of 2011]. [Online] Available from: <http://www.vsrfl.ru>.
4. Lodyzhenskaya, I.I. & Panfilov, G.P. (2016) *Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: pro-blemy pravoprimereniya i puti ikh preodoleniya* [Pre-trial cooperation agreement: the problems of law enforcement and ways to overcome them]. *Leninogradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 1(43). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/dosudebnoe-soglasenie-o-sotrudnichestve-problemy-pravoprimereniya-i-puti-ih-preodoleniya#ixzz4bPYlrM80>.
5. The Supreme Court of the Russian Federation. (2013a) *Opreделение Sudebnoy kollegii po ugovnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 8.07.2013 g. №45-D13-10* [Resolution №45-D13-10 of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 8, 2013]. [Online] Available from: <http://www.vsrfl.ru>.
6. The Supreme Court of the Russian Federation. (2013b) *Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda RF, utverzhennyy Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF ot 20.11.2013* [Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 20, 2013]. [Online] Available from: <http://www.vsrfl.ru>.

DOI: 10.17223/9785946216678/32

Л.В. Черепанова

ПРЕДПОСЫЛКИ НИВЕЛИРОВАНИЯ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ СТАДИЯМИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Необходимость исследования причин, вызывающих стирание границы между стадиями досудебного производства, обусловлена потребностью осознания характера наблюдаемых изменений в уголовно-процессуальном праве России и, соответственно, прогнозирования направления развития формирующегося досудебного порядка. Выявлено, что нивелирование границы между стадией возбуждения уголовного дела и стадией предварительного расследования вызвано рядом предпосылок, в том числе правового и методологического характера.

Ключевые слова: стадия, досудебное производство, возбуждение уголовного дела.

В качестве основания отнесения соответствующего комплекса уголовно-процессуальных действий и отношений к стадии уголовного процесса традиционно называют наличие у этапа уголовного судопроизводства, ограниченного во времени, определенных признаков. Каждая стадия уголовного процесса специфична по своим непосредственным задачам. Методы разрешения этих задач, регулирования правоотношений на каждой стадии имеют свои особенности. Стадия характеризуется особым кругом участников правоотношений. Она имеет процессуальные сроки, структурирована и занимает определенное место в системе уголовного судопроизводства [1. С. 21].

Совокупность данных признаков (свойств) определяет относительную самостоятельность, законченность соответствующего комплекса уголовно-процессуальных действий и правоотношений и придает им форму самостоятельной стадии уголовного процесса.

Оснований к стиранию границ, определяющих начало и окончание досудебного производства по уголовному делу, в настоящее время явно не обнаруживается, скорее есть потребность в более четком их определении, что подтверждается ведомственными нормативными актами, устанавливающими процедуру регистрации поступивших сообщений о преступлениях и сроки предоставления уголовных дел прокурору по завершении досудебного производства. При этом между стадиями досудебного производства наблюдается процесс диффузии, взаимопроникновения.

Отдельные непосредственные задачи этих стадий в настоящее время могут решаться за их пределами и нехарактерными для «своих» стадий средствами. Например, задача по установлению лица, совершившего деяние, задача стадии предварительного расследования, при отсутствии в деянии состава преступления, согласно ч. 1 ст. 148 УПК РФ, должна быть решена в стадии возбуждения уголовного дела. Отказ в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, допускается лишь в отношении конкретного лица, установленного при проверке сообщения о преступлении¹.

¹ Возможно, эта статья закона призвана решать существенные социально значимые задачи, в том числе противостоять одной из форм укрытия преступлений.

После принятия Федерального закона от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» можно говорить о том, что методы решения непосредственных задач стадий досудебного производства в определенной части общие. При проверке сообщения о преступлении возможны получение образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ, производство судебной экспертизы, осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, исследование документов, предметов, трупов. Методами же, традиционно характерными для решения задач стадии возбуждения уголовного дела, такими как получение объяснения, например, решаются задачи предварительного расследования.

Дознаватель при производстве дознания в сокращенной форме вправе не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении (ст. 226.5. УПК РФ) [2. С. 5–14].

Нивелируются различия между способами получения вербальной информация в виде показаний или объяснений (ч. 1.1 ст. 144 УК РФ).

Для внешнего судебного контроля не имеет значения, методами какой стадии была получена информация, имеющая значение для уголовного дела. Европейский суд по правам человека по жалобе № 39660/02, поданной против Российской Федерации А. Зайченко единогласно постановил, что имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в части права не свидетельствовать против себя и права хранить молчание. Непопра-

В данном случае мы всего лишь наблюдаем и описываем реальную уголовно-процессуальную действительность сегодняшнего дня, а «дню вчерашнему», известны производства, где в стадии возбуждения уголовного дела устанавливались все обстоятельства, подлежащие доказыванию. См., напр.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960; ред. от 30.07.1996, с изм. от 28.11.1996). Гл. 34.

вимое нарушение права на защиту выразилось в том, что А. Зайченко, позднее привлеченный к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 158 УК РФ, дал объяснение в рамках проверки сообщения о преступлении без соблюдения процессуальных гарантий, предусмотренных для получения показаний. А. Зайченко отказался от участия адвоката при дачи объяснений [3].

Говоря о методах, обеспечивающих производство в рассматриваемых стадиях, остановимся только на задержании. Согласно УПК РФ, это мера процессуального принуждения, применяемая с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления (п. 11 ст. 5). Задержание состоит из определенных этапов; фактическое ограничение свободы передвижения как начальный этап задержания возможно и до возбуждения уголовного дела¹.

Несмотря на сохраняющееся своеобразие круга участников стадий досудебного производства, очевидна тенденция к сближению их статусов. Приведем позиции Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

Обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права [4–6].

Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод по уголовным делам начинает действовать, как только лицу предъявляется «обвинение». Практикой Европейского суда под обвинением понимается момент, предшествующий передаче дела в суд первой инстанции, например дата ареста, дата, когда лицу было официально объявлено о его преследовании, или дата начала предварительного расследования. «Обвинение» в данном случае определяется международным судом как «официальное уведомление лица компетентным органом о предположении о том, что указанное лицо совершило преступление». Такая трактовка позволяет Европейскому суду опреде-

¹ Сложно. В каждой сложности есть «ложь». Упрощение процедуры, ее прозрачность, понятность, легкая проверяемость – один из методов борьбы с коррупцией и иными злоупотреблениями в уголовном процессе.

лять лиц, в отношении которых проводилась проверка по сообщению о преступлении, как лиц, в отношении которых имелось подозрение в совершении преступления [3]. Очевидно, что для Европейского суда по правам человека обеспечение прав участников досудебных процедур не зависит от формальной определенности их статуса.

Российский законодатель воспринял эту правовую позицию. Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы (ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ).

Протяженность процессуальных сроков стадий досудебного производства также сближается. Стадия возбуждения уголовного дела может продолжаться 3, 10, 30 суток. Не исключено и искусственной увеличение сроков посредством отказа в возбуждении уголовного дела с последующей отменой этого решения.

Дознание в сокращенной форме должно быть окончено в срок, не превышающий 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Дознание в общем порядке производится в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела. Возможно в предусмотренных законом случаях продление срока до 30 суток, до 6 месяцев, до 12 месяцев. УПК РФ предусматривает возможность сокращения срока дознания. Если в отношении подозреваемого была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, срок дознания может быть сокращен. Обвинительный акт в таком случае должен быть составлен не позднее 10 суток со дня заключения подозреваемого под стражу (ч. 2 ст. 224 УПК РФ).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии оснований правового характера для нивелирования значения самостоятельности стадий досудебного производства.

Предпосылки методологического характера для отказа от деления досудебного производства на стадии обнаруживаются рядом специалистов при изучении различных процессуальных институтов. Так, например, в рамках исследования сущности феномена допустимости уголовно-процессуальных доказательств С.В. Зуев, В.В. Терехин обнаруживают, что расширение состязательных основ в досудебном производстве и изменение типологии досудебной части уголовного

процесса обуславливают дальнейшую деформализацию досудебного производства [6. С. 96–97].

Дальнейшее сближение значения результатов процессуальной и непроцессуальной деятельности с последующим выравниванием дисбаланса прав сторон в досудебном доказывании вне зависимости от стадии досудебного производства многим специалистам видится перспективным направлением реформирования уголовного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черепанова Л.В. Окончание дознания с обвинительным актом в современном уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2005. 221 с.
2. Андреева О.И. Проблемы производства дознания в сокращенной форме // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 5–14.
3. Дело «Александр Зайченко (Aleksandr Zaichenko) против Российской Федерации» : Постановление Европейского суда по правам человека от 18.02.2010 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 9.
4. Зайцева Е.А. Новый «Закон о сокращенном дознании» и регламентация использования специальных познаний в досудебном производстве по уголовным делам, или «Хотели как лучше, а получилось как всегда...» // Российский судья. 2013. № 4. С. 36–39.
5. По жалобе гражданки Л.М. Семеновой на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 УПК Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2004 г. № 119-О // Собрание законодательства РФ. 2004. № 23. Ст. 2333.
6. Терехин В.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты) : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород : НА МВД РФ, 2016. 510 с.

PREREQUISITES OF LEVELLING THE BOUNDARY BETWEEN THE STAGES OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Liliya V. Cherepanova, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: cherepanovalv@mail.ru

Keywords: stage, pre-trial proceedings, initiation of criminal case.

DOI: 10.17223/9785946216678/32

This paper analyses the structure of pre-trial proceedings in criminal cases. The need to investigate the reasons that cause the blurring of the boundary between the stages of pre-trial proceedings is conditioned by the need to understand the nature of the observed changes in the criminal procedure law of Russia and, accordingly, to forecast the development vector of the emerging pre-trial order.

The object of this study is the legal relations that allow judging about the presence (or absence) of preconditions, conditions, a certain environment for the existence of two independent stages of pre-trial proceedings: the stage of initiating a criminal case and the stage of preliminary investigation.

The dialectical and system-structural approaches were the main methods used in the study. The structure of pre-trial proceedings was examined under the conditions of the Russian “living” criminal procedure law, taking into account its external assessment by citizens, the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation and the European Court of Human Rights.

The analysis of legal reality allowed the author to come to a conclusion that the levelling of the boundary between the initiation of a criminal case and preliminary investigation in the Russian criminal procedure is conditioned by a number of prerequisites, including legal and methodological ones.

In a number of cases, the immediate tasks of these stages can now be solved beyond their borders and by means uncharacteristic for this stage. The methods of solving the immediate tasks of the stages of pre-trial proceedings are common in some part. The differences between the ways of obtaining verbal information in the form of testimony or explanations are eliminated. External judicial control sees no difference in how information relevant to the criminal case was obtained. There is a clear tendency towards approximation of the statuses of participants of the stages of pre-trial proceedings. The rights and freedoms of man and citizen guaranteed by the Constitution of the Russian Federation in criminal proceedings are currently provided for by certain essential features that characterise the person’s actual situation, and not by the formal recognition of a person as one or another participant in criminal proceedings. The length of the procedural periods of the stages of pre-trial proceedings is also levelling.

Expansion of the competitive grounds in pre-trial proceedings and change in the typology of the pre-trial part of the criminal procedure stipulates further deformalisation of pre-trial proceedings and is a methodological prerequisite for refusing to divide pre-trial proceedings into stages.

Many experts see further approximation of the significance of the results of procedural and non-procedural activities with the subsequent equalisation of the imbalance of the rights of the parties in pre-trial proving, regardless of the stage of pre-trial proceedings, as a promising direction in the reform of the criminal procedure.

REFERENCES

1. Cherepanova, L.V. (2005) *Okonchanie doznaniya s obvinitel'nyim aktom v sovremen-nom ugolovnom protsesse Rossii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [The end of inquiry with the indictment in the modern criminal process in Russia: theoretical and practical aspects]. Law Cand. Diss. Barnaul.
2. Andreeva, O.I. (2014) The problems of a reduced inquiry. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4(14). pp. 5–14. (In Russian).
3. The European Court of Human Rights. (2010) Delo “Aleksandr Zaychenko (Aleksandr Zaichenko) protiv Rossiyskoy Federatsii”: postanovlenie Evropeyskogo su-

- da po pravam cheloveka ot 18.02.2010 [The case “Aleksandr Zaichenko v. Russian Federation”: Resolution of the European Court of Human Rights of February 18, 2010]. *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka*. 9.
4. Zaytseva, E.A. (2013) Novyy “Zakon o sokrashchennom doznanii” i reglamentatsiya ispol'zovaniya spetsial'nykh poznaniy v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam, ili “khoteli kak luchshe, a poluchilos' kak vseгда...” [The new “Law on reduced inquiries” and the regulation of the use of special knowledge in pre-trial proceedings in criminal cases, or “we tried our best – you know the rest. . .”]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Investigator*. 4. pp. 36–39.
 5. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2004) On the complaint of citizen L.M. Semenova on violation of her constitutional rights by Part 4 of Article 354 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution No. 119-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 22, 2004. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 23. Art. 2333. (In Russian).
 6. Terekhin, V.V. (2016) *Dopustimost' dokazatel'stv v ugovnom protsesse (metodologicheskiy, pravovoy, eticheskiy aspekty)* [Admissibility of evidence in criminal proceedings (methodological, legal, ethical aspects)]. Law Dr. Diss. Nizhny Novgorod.

НАШИ АВТОРЫ

Андреева Ольга Ивановна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета (Томск, Россия).

Баловнева Валентина Ивановна – преподаватель кафедры административного и финансового права Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия).

Боярская Александра Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского» (Омск, Россия).

Брестер Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия).

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Дудина Надежда Афанасьевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск, Россия).

Дудко Нина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия).

Емельянов Дмитрий Валерьевич – кандидат юридических наук, судья Смоленского областного суда (Смоленск, Россия).

Желева Ольга Викторовна – аспирант Юридического института Томского государственного университета (Томск, Россия).

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия).

Караваева Елена Николаевна – начальник отдела государственных обвинителей уголовно-судебного управления прокуратуры Томской области (Томск, Россия).

Качалов Виктор Иванович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия).

Князькова Елена Васильевна – старший прокурор отдела государственных обвинителей уголовно-судебного управления прокуратуры Томской области (Томск, Россия).

Комкова Наталья Васильевна – старший дознаватель отдела организации дознания УМВД России по Томской области (Томск, Россия).

Лонь Сергей Леонтьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета (Томск, Россия).

Лукомская Анастасия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуальной и правоохранительной деятельности Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия).

Мезинов Дмитрий Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета (Томск, Россия).

Михайлов Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин ТСХИ (филиала) Новосибирского государственного аграрного университета (Томск, Россия).

Назаров Александр Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

Нехороших Михаил Евгеньевич – аспирант Юридического института Томского государственного университета (Томск, Россия).

Николюк Вячеслав Владимирович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия).

Носкова Елена Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Западно-Сибирского филиала Российского университета правосудия; доцент кафедры социальной работы Томского государственного университета (Томск, Россия).

Олчёнов Аржан Фёдорович – аспирант юридического факультета Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия).

Писаревский Илья Игоревич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

Пилюк Алексей Валерьевич – кандидат юридических наук, председатель Мегионского городского суда ХМАО-Югры Тюменской области (Нижневартовск, Россия).

Попова Ирина Павловна – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института Байкальского государственного университета; председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области, в почетной отставке (Иркутск, Россия).

Рукавишникова Анастасия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета (Томск, Россия).

Скоблик Константин Владимирович – ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

Татьянин Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия).

Татьянина Лариса Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия).

Тензина Елена Фанавиевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия).

Черепанова Лилия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России (Барнаул, Россия)

Шагинян Армен Степанович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

Юришина Елена Александровна – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского Федерального университета (Красноярск, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

<i>Андреева О.И.</i> О правах потерпевшего, как участника уголовного судопроизводства	4
<i>Баловнева В.И.</i> О представителе юридического лица в уголовном процессе	13
<i>Волосова Н.Ю.</i> Защита прав потерпевших от преступлений в законодательстве Японии	21
<i>Григорьев В.Н.</i> О проблемах злоупотребления правом при применении ч. 1 ¹ ст. 110 УПК РФ	29
<i>Желева О.В.</i> Пределы осуществления субъективных прав в уголовном судопроизводстве	38
<i>Зайцев О.А., Емельянов Д.В.</i> Злоупотребление правом со стороны защитника в ходе судебного разбирательства уголовного дела	46
<i>Комкова Н.В.</i> К вопросу о роли и статусе дознавателя в российском уголовном процессе	54
<i>Лонь С.Л.</i> Проблемы согласованности организационно-управленческих и процессуальных решений и действий по обеспечению прав обвиняемого (подозреваемого) и защите прав потерпевшего в уголовном процессе	60
<i>Лукомская А.С.</i> Функции потерпевшего в уголовном судопроизводстве России	66
<i>Назаров А.Д., Шагинян А.С.</i> Роль прокурора в устранении следственных ошибок	72
<i>Носкова Е.В.</i> Расширение возможностей привлечения специалиста к производству по уголовным делам	90
<i>Олчёнов А.Ф.</i> Некоторые проблемы адвокатской этики	99
<i>Пилюк А.В.</i> Прекращение уголовного дела с уплатой судебного штрафа: оценка эффективности и перспективы применения	108
<i>Скоблик К.В.</i> Формально-логическая сторона процесса принятия познавательного уголовно-процессуального решения	114
<i>Татьянин Д.В.</i> Участие нотариуса при производстве по уголовным делам: неразрешенные вопросы	121

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

<i>Боярская А.В.</i> Проблемы системного взаимодействия дифференцированных уголовно-процессуальных производств и их досудебной и судебной частей	128
<i>Брестер А.А., Юришина Е.А.</i> Особый порядок как процедура принятия решения о наказании	137

<i>Дудина Н.А.</i> Досудебное соглашение о сотрудничестве в свете законодательных новелл	146
<i>Дудко Н.А.</i> О суде присяжных в районных судах	153
<i>Караваева Е.Н.</i> Отдельные проблемы судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей	160
<i>Качалов В.И.</i> Средства установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в стадии исполнения итоговых судебных решений	169
<i>Князькова Е.В.</i> Возвращение дела прокурору для изменения обвинения на более тяжкое: положения закона, позиция Конституционного Суда РФ и тенденции правоприменительной практики	178
<i>Мезинов Д.А.</i> О необходимости уточнения перечня общих условий судебного разбирательства в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации	188
<i>Михайлов А.А.</i> Квазипроизводства в уголовном процессе России	196
<i>Нехороших М.Е.</i> Пределы проверки материалов уголовного дела судом кассационной инстанции	203
<i>Николюк В.В.</i> К вопросу об особых производствах в российском уголовном процессе	210
<i>Писаревский И.И.</i> Мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: сравнительно-исторический аспект	224
<i>Попова И.П.</i> Правовая природа обвинительного приговора без назначения наказания	231
<i>Рукавишников А.А.</i> Процессуальный порядок обжалования постановлений суда, вынесенных в порядке главы 51.1 УПК РФ	238
<i>Татьянина Л.Г.</i> Дискуссионные вопросы применения судебного штрафа в уголовном судопроизводстве	246
<i>Тензина Е.Ф.</i> Участие прокурора в судебном разбирательстве уголовного дела при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве (вопросы теории и практики)	253
<i>Черепанова Л.В.</i> Предпосылки нивелирования границы между стадиями досудебного производства	261
Наши авторы	269

CONTENTS

GENERAL PART OF CRIMINAL PROCEEDINGS

<i>Andreeva O.I.</i> On the rights of the complainant as a participant in criminal proceedings	4
<i>Balovneva V.I.</i> On the legal entity representative in the criminal procedure	13
<i>Volosova N.Yu.</i> Protection of the rights of crime victims in the laws of Japan	21
<i>Grigoryev V.N.</i> On the problems of the abuse of right in application of Part 1.1 of Article 110 of the RF Code of Criminal Procedure	29
<i>Zheleva O.V.</i> Limits for the exercise of subjective rights in criminal proceedings	38
<i>Zaytsev O.A., Emelyanov D.V.</i> Abuse of right by the defendant in a criminal trial	46
<i>Komkova N.V.</i> The role and competency of the inquirer in the criminal procedure	54
<i>Lon S.L.</i> Problems of the consistency of organisational managerial and procedural decisions and actions for ensuring the rights of the accused and protecting the rights of the complainant in the criminal procedure	60
<i>Lukomskaya A.S.</i> The functions of the complainant in the criminal procedure of Russia	66
<i>Nazarov A.D., Shaginyan A.S.</i> The role of the prosecutor in the elimination of investigative errors	72
<i>Noskova E.V.</i> Expansion of the opportunities to involve experts in proceedings on criminal cases	90
<i>Olchenov A.F.</i> Some problems of advocate ethics	99
<i>Piyuk A.V.</i> Termination of the criminal case with payment of a court fine: assessment of efficiency and perspectives of application	108
<i>Skoblik K.V.</i> The formal-logical side of making a cognitive criminal procedure decision	114
<i>Tatyanin D.V.</i> Participation of the notary in proceedings on criminal cases: unresolved issues	121

SPECIAL PART OF CRIMINAL PROCEEDINGS

<i>Boyarskaya A.V.</i> Problems of system interconnection of differentiated criminal procedure proceedings and their pre-trial and trial parts	128
<i>Brester A.A., Yurishina E.A.</i> Special procedure as the procedure for the decision on punishment	137
<i>Dudina N.A.</i> Pre-trial cooperation agreement in the light of new laws	146
<i>Dudko N.A.</i> On jury trials in district courts	153
<i>Karavaeva E.N.</i> Certain problems of court investigation in jury trials	160

<i>Kachalov V.I.</i> The means of establishing facts to be proved at the stage of execution of final court decisions	169
<i>Knyazkova E.V.</i> Return of the case to the prosecutor to change the charges to more grave: provisions of the law, positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and trends in law enforcement	178
<i>Mezinov D.A.</i> On the need to clarify the list of general conditions of the trial in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation	188
<i>Mikhailov A.A.</i> Quasi-proceedings in the criminal procedure of Russia	196
<i>Nekhoroshikh M.E.</i> Limits of review of criminal case materials by the court of the cassation instance	203
<i>Nikolyuk V.V.</i> On special proceedings in the Russian criminal procedure	210
<i>Pisarevskiy I.I.</i> Court fine as a criminal law measure: a comparative-historical aspect	224
<i>Popova I.P.</i> The legal nature of conviction without sentencing	231
<i>Rukavishnikova A.A.</i> Procedural order for the appeal of court decisions made according to Chapter 51.1 of the RF Code of Criminal Procedure	238
<i>Tatyanina L.G.</i> Debatable issues of the application of court fines in criminal proceedings	246
<i>Tensina E.F.</i> The prosecutor's participation in the trial of a criminal case with a pre-trial cooperation agreement (theory and practice)	253
<i>Cherepanova L.V.</i> Prerequisites of levelling the boundary between the stages of pre-trial proceedings	261
About the authors	269

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 75

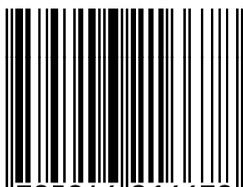
Сборник статей

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Е.Г. Шумская
Компьютерная верстка А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 17.01.2018 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 16,1. Тираж 500 экз. Заказ № 2955.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-667-8

9 785946 216678